

Преобразование идеологических парадигм в творчестве
братьев Стругацких

Die Transformation der ideologischen Paradigmen im Werk
der Brüder Strugackij

Andrey Kozlov
Russland
30.11.2023

Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde an der Philosophischen Fakultät der
Universität Freiburg (Schweiz)

Genehmigt von der Philosophischen Fakultät auf Antrag der Professoren und der
Professorin Jens Herlth (1. Gutachter), Christian Zehnder (2. Gutachter) und Tatiana
Smolyarova (3. Gutachterin) Freiburg, den 11.03.2024

Prof. Dr. Dominik Schöbi, Dekan

Bereich Slavistik
Departement für Europastudien und Slavistik
Rue du Criblet 13
1700 Freiburg
andrey.kozlov@unifr.ch

<https://doi.org/10.51363/unifr.lth.2024.037>

© Andrey Kozlov, 2024

Dieses Werk ist unter einer Creative Commons Attribution 4.0 International Lizenz veröffentlicht (CC BY 4.0): <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>.

Содержание:

DANKSAGUNG	5
ВВЕДЕНИЕ	6
Степень изученности творчества Аркадия и Бориса Стругацких	9
Научная фантастика	17
Утопия и антиутопия.....	20
Научная фантастика, утопия и антиутопия в русской и ранней советской литературе	26
Коммунистическая утопия	29
Структура работы	31
ГЛАВА 1: PER ASPERA AD ASTRA. УТОПИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ СТРУГАЦКИХ	33
Два брата. Штрихи к портрету	33
Обыкновенный сталинизм. Письма брату	36
Скучная фантастика	44
XX съезд КПСС. Десталинизация.....	46
Новая утопия – «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова.....	52
Производственная фантастика	55
Мир, в котором хочется жить и работать, или Человек Воспитанный	57
Моральный кодекс строителя коммунизма и поиск предназначения	65
ГЛАВА 2: ПОИСК КОНФЛИКТА И ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ АНТИУТОПИИ	74
«Попытка к бегству» или другая фантастика	74
«Трудно быть богом». В Манеже – интеллигенция	83
Выставка в Манеже	83
Конструкция	86
Интеллигенция как двигатель прогресса	89
Парадокс коммунара	95
«Хищные вещи века». Критика мещанства или сладость запретного плода	102
Товарный дефицит и мещанство	102
Общество потребления. Человек Беззаботный как Человек Невоспитанный ...	106
Вкусные вещи века.....	112
Профессиональные писатели	113
«Улитка на склоне»	115

Модный экзистенциализм	115
Под надзором.....	119
«Управление» как советское учреждение.....	121
Между Настоящим и Будущим.....	125
Злой прогресс.....	130
Миры странные и чудовищные	135
ГЛАВА 3: ПРЕВРАЩЕНИЕ УТОПИИ В АНТИУТОПИЮ	139
Чужой прогресс. «Гадкие лебеди».....	139
Власть номенклатуры. «Сказка о тройке»	147
Необходимый конформизм	157
Пропаганда. «Обитаемый остров».....	161
Тоталитаризм. «Парень из преисподней»	171
Прогрессор становится контрразведчиком. «Жук в муравейнике»	176
Чужое будущее. «Волны гасят ветер»	183
Ненаписанный роман	193
Утопия, антиутопия и Новый Человек	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	204
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	209
ZUSAMMENFASSUNG	226

Danksagung

Ich möchte mich in erster Linie bei meinem Doktorvater Herrn Professor Dr. Jens Herlth dafür bedanken, dass er dies alles erst ermöglicht hat. Noch während des Studiums haben mich seine herausragenden Vorlesungen inspiriert und begeistert. Ich bedanke mich sehr für die jahrelange engagierte und professionelle Unterstützung, für seine Ermutigung, Geduld und grosse Hilfe mit Rat und Tat.

Ein besonderer Dank gilt auch Professor Dr. Christian Zehnder. Sein tiefgreifender und geschickter Blick hat mich stets zu wertvollen Ideen geführt und meine Perspektive erweitert.

Ich möchte auch meine anderen Freiburger Kolleginnen und Kollegen danken, insbesondere Patrick Flack, Eliane Fitzé, Karina Bukiewicz, die so viel Zeit und Energie investiert haben, um mir bei der Fertigstellung dieses Projekts zu helfen, indem sie meine Ideen diskutierten und hinterfragten.

Ein besonderer Dank gebührt meiner Frau und meinen Eltern. Ihre unermüdliche Begleitung, Unterstützung und Ermutigung haben mich über die Jahre getragen. Diese Arbeit widme ich Ihnen von Herzen.

Andrey Kozlov

Rüschlikon, 30.11.2023

Введение

Во многих отношениях время хрущевской «оттепели» можно назвать самым ярким, благотворным, прогрессивным и культурно насыщенным периодом истории Советского Союза.¹ Это время показало, насколько советский человек послесталинского периода был готов к переменам. «Homo sovieticus»² был готов. Он по-прежнему хотел строить коммунизм, но хотел его строить в атмосфере свободы и творчества. В это время подъем науки, ее популярность и большая востребованность со стороны государства обеспечили появление нового активного слоя гражданского общества. Этот слой общества обобщенно можно назвать – «младшие научные сотрудники». Это не значит, что все эти люди обязательно занимались научной деятельностью, однако практически каждого человека с высшим образованием можно было отнести к данной категории людей.³ Это была новая советская интеллигенция, впитавшая в себя высокие моральные установки советской высшей школы и альтруистический взгляд на мир. Это поколение было особенным в истории существования Советского Союза.⁴ Заметную роль в формировании этого нового поколения сыграла литература. Денис Козлов образно называет этих людей «читателями «Нового Мира»».⁵

The intellectual, ethical, and linguistic shifts of the 1950s and 1960s to a great extent originated in literature. Thanks to reading literature, the people who came out of the Thaw were vastly different from the people who had entered it a decade and a half earlier. They knew more and feared less. They were more aware of their past and less confident about their present. They had fewer illusions and treated even the highest authoritative pronouncements with skepticism. They spoke and wrote in their own words, and even if they borrowed someone else's, they now had a variety of vocabularies of choose from. They had greater respect for the value of individual

¹ См. Gilburd Eleonory, Kozlov Denis (eds.), *The Thaw as an Event in Russian History*, in *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*, Toronto/Buffalo/London, University of Toronto Press, 2013, pp. 18–81.

² Критическое и ироническое название советского человека. В СССР студенты начинали учить латынь с фразы: «homo sovieticus sum» – я советский человек. Термин «homo sovieticus», связанный с концепцией появления «нового человека» в СССР, приобрел культурологический смысл, отражающий культурную дистанцию между ментальностью советского человека и ментальностью других homo sapiens. Ср. Геллер М., *Машина и винтики. История формирования советского человека*, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, p. 25.

³ См. Tromly Benjamin, *Making The Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev*, New York, Cambridge University Press, 2014, pp. 244–250.

⁴ Zubok Vladislav, *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*, Cambridge/London, The Belknap Press, of Harvard University Press, 2009, pp. 121–192.

⁵ «Новый мир» – один из старейших в современной России ежемесячных литературно-художественных журналов. Журнал знаменит тем, что в период 1960-х годов идеологической основой журнала были ценности либерализма и демократического социализма. В 1980-х, в период Перестройки, в журнале впервые печатались ранее запрещенные в СССР произведения Платонова, Пастернака, Солженицына и т.д.; Монография Дениса Козлова называется «The Readers of Noviy Mir».

human life, dignity, and opinion. And they - at least many - were prepared to speak about all of this openly. Perhaps most important, there was no longer a single "they", not even in appearances. Out of a semblance of moral, political, behavioral, and linguistic uniformity and homogeneity there had emerged myriad individuals willing to think on their own and express themselves with a great variety of ideas and words.⁶

Интеллектуальные, этические и языковые сдвиги 1950–1960-х годов в значительной степени были порождены литературой. Благодаря чтению литературы люди, вышедшие из «оттепели», значительно отличались от тех, кто вошел в нее полутора десятилетиями ранее. Они больше знали и меньше боялись. Они лучше осознавали свое прошлое и были менее уверены в своем настоящем. У них было меньше иллюзий, и они скептически относились даже к самым высоким авторитетным заявлениям. Они говорили и писали своими собственными словами, а если и заимствовали чужие, то теперь у них было множество возможностей для выбора. Они с большим уважением относились к ценности индивидуальной человеческой жизни, достоинству и взглядам. И они, по крайней мере многие из них, были готовы говорить обо всем этом открыто. Самое главное, что больше не было единого «они» – даже внешне. Из схожести морального, политического, поведенческого и языкового единообразия и гомогенности возникли мириады индивидуумов, готовых мыслить самостоятельно и выражать себя с помощью самых разных идей и слов. (*перевод А.К.*)

Появление таких людей привело к заметному оживлению общественной жизни и дало толчок к реализации культурного и научного потенциала невиданного до этого в СССР. В большинстве своем эти люди верили в прогресс и, в целом, в идеи коммунизма как научно обоснованной материалистической теории устройства социума.

Следуя марксистской теории смены формаций: если СССР удалось построить социализм, являющийся первой или переходной стадией коммунизма, то, в обозримой перспективе, наступление коммунизма представлялось закономерным и даже неизбежным. Коммунизм становился конечной точкой пути, местом куда нужно стремиться. Не могли же советские люди стремиться в капитализм – строй социализму предшествующий.⁷

⁶ Kozlov Denis, *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge/London, Harvard University Press, 2013, p. 324.

⁷ Марксистская теория социального развития основана на формационном подходе. Развитие и смена общественно-экономических формаций объясняются действием закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Преобразование социальной жизни оценивается как идущее по пути прогресса, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация считается более прогрессивной, чем предыдущая. В большой советской энциклопедии в те годы выделяют пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и грядущую – коммунистическую. См. Большая советская энциклопедия в 50-ти томах, 2-е изд., т. 30, Москва, Государственной издание большой советской энциклопедии, 1954, стр. 420.

С одной стороны, коммунизм представлялся чем-то несбыточным и далеким, то есть – некой утопией, с другой стороны – теория марксизма-ленинизма утверждала, что достижение коммунизма лишь вопрос уровня развития материальных сил, и когда будут уничтожены противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом, а производство условного чугуна на душу населения превысит определенную отметку, советский социалистический строй автоматически перерастет в коммунистический.⁸ К началу 60-х годов XX века идеалистическая концепция коммунистического общества уже непосредственно соединялась с вопросами ее практической реализации, чему способствовала хорошо разработанная методология, сопровождавшая данный процесс.⁹ Данная программа не подразумевала разночтений и споров, а средний советский гражданин, тем более студент или школьник, в массе своей жил в данной идеологической парадигме вполне органично и обоснованно.

После смерти Сталина и прихода к власти в СССР Хрущева постепенная либерализация советского общества давала основания полагать, что первая фаза строительства коммунизма пройдена, социализм построен, и пора переходить к следующему этапу – непосредственному строительству коммунизма. Относительная свобода оттепельных лет дала невероятный толчок качественному развитию гражданского общества с точки зрения его самосознания. Особенно это чувствовалось в области науки и культуры. Наука была призвана обеспечить потенциал для перехода к коммунизму в научной сфере, а культура подкрепить его идеологическую составляющую. Немаловажную роль в этом процессе должна была сыграть и литература.

На фоне успехов СССР в космосе и других наукоемких областях промышленности, идеализации научных достижений и безоговорочной веры в силу прогресса, в этот период, после долгого забвения сталинских лет, на один из передних планов общественного интереса выходит литература о будущем – научная фантастика. Она взяла на себя роль своеобразного социального проектирования. Научная фантастика описывала мир будущего, в котором коммунизм уже построен, а утопия стала реальностью. Такая визуализация будущего была востребована, в особенности молодым поколением советских граждан. Представляя из себя

⁸ См. Глезерман Г., Юдин П., Социализм и коммунизм, Исторический материализм, ред. Ф. Константинов, Москва, Государственное издание политической литературы, 1951, стр. 668–682.

⁹ См. Исторический материализм, ред. Ф. Константинов, Москва, Государственное издание политической литературы, 1951.

позитивную картину грядущего, научная фантастика плодотворно влияла на культивацию интереса молодежи к научной и творческой деятельности и была призвана приблизить коммунизм как ментальную составляющую в сознании подрастающего поколения.

Одними из самых известных описателей такого коммунистического мира будущего, свободы и творческого труда стали братья Аркадий Стругацкий (1925–1991) и Борис Стругацкий (1933–2012), придумавшие свой вариант утопического будущего, получивший название «Мир Полудня». В той или иной степени к Миру Полудня относятся по меньшей мере девять повестей Стругацких,¹⁰ что говорит о том, что этот мир лег в основу их фантастики и являлся для них опорой в построении тех или иных художественных коллизий.

Однако особый интерес вызывает следующий момент: Мир Полудня у Стругацких немного изменяется с течением времени и с каждой новой повестью о нем. Этот мир можно сравнить с портретом Дориана Грея Оскара Уайлда.¹¹ Время, исторические события, творческая эволюция самих авторов при сохраняющейся внешней благополучности и блеске этого коммунистического мира будущего с каждым произведением последовательно оставляют на нем пятна скрытых пороков и, в конце концов, отражают то разочарование, которое сопровождало самих Стругацких и заметную часть их поколения на пути построения коммунистической утопии.

Степень изученности творчества Аркадия и Бориса Стругацких

Пожалуй, ни один другой советский писатель-фантаст не оставил такой значимый след в истории русской культурной и социальной среды XX века как Братья Стругацкие. Они были и остаются одними из самых популярных русскоязычных писателей в жанре фантастики.¹² Их творчество не теряет актуальность и по-прежнему востребовано в русскоязычном дискурсе, за счет ряда образов, ставших неотъемлемыми в современном культурно-социальном пространстве.¹³ Упоминание

¹⁰ «Полдень, XXII век» (1962), «Попытка к бегству» (1962), «Далёкая Радуга» (1963), «Трудно быть богом» (1964), «Обитаемый остров» (1969), «Мальш» (1971), «Парень из преисподней» (1974), «Жук в муравейнике» (1979–1980), «Волны гасят ветер» (1985–1986).

¹¹ Wild Oscar, *The Picture of Dorian Gray*, Lippincott's Monthly Magazine, July, 1890, pp. 1–100.

¹² По подсчетам журнала Forbes, общий тираж произведений братьев Стругацких к 2012 году превышал 40 миллионов экземпляров. Ср.: Журнал Forbes на русском языке от 20.11.2012. (<https://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/afisha/215161-15-faktov-o-zhizni-i-tvorchestve-arkadiya-i-borisa-strugatskih>)

¹³ Например, введенные ими в употребление понятия «прогрессорства», «вертикального прогресса»; словосочетания «неизвестные отцы», «башни облучения», «красный дом», «нуль транспортировка» и др.

и цитирование братьев Стругацких в социально-философском контексте традиционно частое явление, а большой интерес к ним и их творчеству со стороны литературоведов и биографов представляется закономерным.

Несмотря на наличие отдельных исследований произведений Стругацких их творчество остается недостаточно изученным. Объектом интереса литературоведов, преимущественно, являются отдельные социальные или художественные аспекты творчества Аркадия и Бориса Стругацких, такие как: периодизация их творчества, философский аспект, сатирический аспект, сказочный аспект, своеобразие языковых средств и некоторые другие.

Мне же представляется, что одной из наиболее интересных отличительных черт творчества Стругацких является то, что на его примере мы можем проследить переход от идеалистического к критическому. Этот переход, обусловленный реальными историческими событиями, на мой взгляд, является главным событием их творческого пути, определившим лейтмотив их самых важных произведений. Учитывая характерный для Стругацких интерес к критическому исследованию концепции рационализма и диалектического материализма в истории, к морально-этической стороне процесса технологического развития и прогресса, к проблемам манипуляции человеческим сознанием, изучение их творчества является формой исследования истории советской литературы и социума.

Написано несколько биографий Стругацких. В основе своей они состоят из свидетельств самих писателей и из интервью и бесед Стругацких с авторами этих биографий. По этой причине, по большей части, их можно считать субъективным взглядом Стругацких на события своей жизни. В целом эти работы больше привязаны не к личной или общественной жизни авторов, а к их библиографии и истории написания произведений.¹⁴ То же самое относится к автобиографии Стругацких, написанной самим Борисом Стругацким и вышедшей в 2003 году, где Борис описывает в основном этапы их творческого пути и перипетии событий, связанных с изданием их произведений.¹⁵

В этой связи намного более интересной представляется переписка авторов и их рабочие дневники. Обмен письмами был их основным средством коммуникации. Стругацкие вели очень активную переписку. Основная ее часть происходит между

¹⁴ Вишневецкий Б., Аркадий и Борис Стругацкие. Двойная звезда, Москва, АСТ, 2004; Скаландис А., Братья Стругацкие, Москва, АСТ, 2008; Володихин Д., Прашкевич Г., Братья Стругацкие, Москва, Молодая гвардия, 2012.

¹⁵ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003.

городами Москвой, где жил Аркадий, и Ленинградом, где жил Борис. Почта между этими городами доходила за один или два дня, что позволяло посредством переписки решать актуальные проблемы и вести активное обсуждение рабочих вопросов. Эти ценные свидетельства жизни Стругацких и фактические материалы в виде рабочих дневников, показывающие процесс появления их произведений, увидели свет благодаря циклу книг, подготовленных Светланой Бондаренко и Виктором Курильским.¹⁶

На основе данного цикла Юлия Черниховская в своей книге «Братья Стругацкие. Письма о будущем» делает попытку анализа не столько творчества братьев Стругацких, сколько, основываясь на переписке авторов, пытается понять, каковы были их реальные отношения с властью на протяжении всего творчества, как эти отношения менялись, кто были главные действующие лица этих перемен. Кроме того, Черниховская делает попытку разобраться в истинном мировоззрении Стругацких, в их реакциях на те или иные события. В какой-то степени эту работу тоже можно назвать биографической.¹⁷

Кроме того, в нашем распоряжении находится множество статей обзорного типа, посвященных творчеству братьев Стругацких. Если говорить о критиках и литературоведах, описывающих творчество Стругацких прежде всего как литературный феномен, то можно выделить статьи Зеркалова «Игра по собственным правилам» и «Бессилие богов», написанные для издания первого собрания сочинений Стругацких.¹⁸ Немалый интерес представляет большая обзорная статья Марка Амусина «Далеко ли до будущего?».¹⁹ В ней дается краткий анализ творчества Стругацких и подмечаются сопровождавшие их на творческом пути идейные изменения в тематике произведений. Так же можно выделить статью Эрика Саймона, описывающую хронологию и фазы творчества Стругацких. При этом Саймон

¹⁶ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008; Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009; Бондаренко С., Курильский В., Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971, Волгоград, ПринТерра, 2013; Бондаренко С., Курильский В., Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1972–1977, Волгоград, ПринТерра, 2013; Бондаренко С., Курильский В., Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1978–1984, Волгоград, ПринТерра, 2014; Бондаренко С., Курильский В., Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1985–1991, Волгоград, ПринТерра, 2014.

¹⁷ Черниховская Ю., Братья Стругацкие. Письма о будущем, Москва, Книжный мир, 2016.

¹⁸ См. Зеркалов А., Игра по собственным правилам, в Стругацкий А., Стругацкий Б., Извне. Путь на Амальтею. Стажеры. Рассказы, Москва, Текст, 1991, стр. 5–18; Зеркалов А., Бессилие богов, в Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Хромая судьба, Текст, 1994, стр. 492–493.

¹⁹ См. Амусин М., Далеко ли до будущего?, Нева, № 2, 1989, стр. 153–160.

обращает внимание на то, что тексты Стругацких ценны как отражение и свидетельство политического и социального контекста времени, в котором они жили.²⁰

Ишван Чичери-Ронай, в свою очередь, анализирует творчество Стругацких с точки зрения сказочной парадигмы. Он пишет о сюжетной близости произведений социалистического реализма с морфологией сказочных историй, называя такую модель повествования “socialist-realist fairy-tale model”,²¹ и с этой точки зрения анализирует произведения Стругацких, выявляя в тексте элементы данной модели повествования.²²

Диана Грин затрагивает гендерный аспект творчества Стругацких. Она исследует повесть «Улитка на склоне». Грин задается вопросом, почему выстроенные Стругацкими образы существующих в произведении женских персонажей изображены избыточно злобными, бесчеловечными и всеподавляющими.²³ Она склонна делить обе части, из которых состоит повесть, по гендерному принципу, видя в части про Управление патриархальную составляющую, а в лесной части – матриархальную.²⁴ Грин считает, что гендерная оппозиция взаимосвязана с противопоставлением авторитарной власти образу воюющего с ней интеллектуала, выведенного в тексте произведения, и связывает это с дискриминацией женщин в СССР.²⁵ Однако следует учесть, что статья Грин написана в 1986 году еще во время существования Советского Союза. У меня есть собственные соображения на этот счет, которые я приведу ниже, поскольку в данной работе я буду довольно подробно останавливаться на повести «Улитка на склоне».

С точки зрения идеологического содержания произведений Стругацких, а также взаимосвязи их творчества с ситуацией в СССР можно выделить статью Иланы Гомель о практике обращения Стругацких к аллегории как способе преодолеть цензурные ограничения,²⁶ а также монографию Войцеха Кайтоха «Братья Стругацкие», где наряду с биографическими событиями жизни Стругацких и

²⁰ Simon Erik, *The Strugatskys in Political Context*, in *Soviet Science Fiction: The Thaw and After*, *Science Fiction Studies*, Vol. 31, № 3, Nov. 2004, p. 379.

²¹ Csicsery-Ronay Istvan, *Towards the Last Fairy Tale: On the Fairy-Tale Paradigm in the Strugatskys' Science Fiction, 1963-72*, *Science Fiction Studies*, Vol. 13, № 1, Mar. 1986, p. 6.

²² Там же, pp. 1–41.

²³ Green Diana, *Male and Female in “The Snail on the Slope” by the Strugatsky Brothers*, in *Modern Fiction Studies*, Vol. 32, № 1, Special Issue: Science and Fantasy Fiction, Spring 1986, p. 105.

²⁴ Там же, p. 99.

²⁵ Там же, p. 106.

²⁶ Gomel Elana, *The Politics of Censorship: Allegory as Form and Ideology in the Novels of Arkady and Boris Strugatsky*, *Science Fiction Studies*, Vol. 22, No. 1, Mar. 1995, pp. 87–105.

проблемой эволюции их творчества основное внимание уделяется связи произведений Стругацких с общественной обстановкой жизни в СССР, специфике взгляда советских писателей на литературу в общем, и на литературную фантастику в особенности.²⁷

Большой интерес представляет и монография Марка Амусина «Братья Стругацкие. Очерк творчества», посвященная творчеству Стругацких, где автор анализирует категории времени и пространства, поэтику и жанровые разновидности фантастики Стругацких, затрагивает отражение еврейской темы в произведениях Стругацких, а также сравнивает их тексты с произведениями других писателей фантастов XX века.²⁸

Ивонн Хауэлл определяет часть творчества Стругацких как «апокалиптический реализм», рассматривая определенные произведения Стругацких под углом синтетического сходства с сюжетами святого писания. Например, повесть «Волны гасят ветер» она сопоставляет с библейскими текстами о Иисусе Христе, находя в них сходство с судьбой главного героя повести. Кроме того, сюжет этой повести и его главная коллизия сопоставляются с философией Николая Федорова о выходе человека на новый уровень бытия, позволяющий ему жить во вселенной. Иными словами, работа Хауэлл открывает новый взгляд на творчество Стругацких с точки зрения мистического аспекта в их произведениях, подтверждая многослойность текстов Стругацких, их интертекстуальность и глубину культурного подтекста.²⁹

Предметом изучения так же была концепция «прогрессорства». Марк Липовецкий рассматривает проблему «прогрессоров» и «прогрессорства» через призму колониальных практик, анализируя роль прогрессора как носителя имперской власти. Кроме того, Липовецкий обращается к культурно-исторической оценке самого концепта прогрессорства его переоценке и тому влиянию, которое он оказал на постсоветское общество.³⁰

Илья Кукулин рассматривает творчество Стругацких с точки зрения проблемы социального проектирования и мифологии будущего, практиковавшегося в СССР. Он сравнивает образ прогрессора и его политическую эволюцию с образом интеллигента

²⁷ Kajtoch Wojciech, *Bracia Strugacy*, Krakow, Universitas, 1993; Кайтох В., *Братья Стругацкие*, пер. Борисова, Стругацкий А., Стругацкий Б., Бессильные мира сего, Москва, АСТ, 2003, стр. 409–670.

²⁸ Амусин М., *Братья Стругацкие. Очерк творчества*, Иерусалим, Beseder, 1996.

²⁹ Howell Yvonne, *Apocalyptic Realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky*, New York, Peter Lang Publishing Inc., 1994, pp. 29–58, 111–117.

³⁰ Lipovetsky Mark, *Postmodern Crises: From Lolita to Pussy Riot*, Boston Academic Studies Press, 2017, pp. 53–86; Липовецкий М., *Еще раз о комплексе прогрессора*, *Неприкосновенный запас*, № 1, 2015, стр. 173–190.

в условиях тоталитарной власти. Кукулин показывает, что идеи прогрессорства Стругацких находят много перекличек с деятельностью философа Георгия Щедровицкого, создавшего в СССР школу методологии.³¹ Кукулин сопоставляет идеологию прогрессорства с позицией определенной прослойки интеллектуалов, привлекавшейся руководством страны для консультаций по социальным, политическим и прочим вопросам, и считавшей, что этим они способны положительно повлиять на решение тех или иных вопросов деятельности государства.³²

С точки зрения периодизации творчества Стругацких большинство исследователей отмечают факт неоднородности их творческого пути. Его можно разбить на периоды, которые существенно отличаются друг от друга. Очевидно, что такие произведения как «Страна багровых туч» или «Полдень, XXII век» имеют различную идейно-тематическую направленность с такими произведениями как, например, «Улитка на склоне» или «Гадкие лебеди». Однако погружившись в варианты этой периодизации, предлагаемые различными литературоведами и писателями, становится понятно, что на этот счет не существует однозначного мнения. Приведу два примера.

Дарко Сувин, выделяет три фазы творчества Стругацких. Первая фаза – это ранние произведения Стругацких вплоть до «Попытки к бегству» (1962). Эту фазу Сувин называет «историей будущего» (future history).³³ Вторая фаза заканчивается на «Хищных вещах века» (1964) включительно. Конец третьей фазы он определяет повестью «Сказка о тройке» (1968). Дальнейшие произведения Стругацких к моменту написания своего текста в 1988 году Сувин пока не берется классифицировать.³⁴ Сувин комментирует названные три фазы следующим образом:

[...] the Strugatskys' work has been at the heart of Soviet SF. It was a permanent polemic – in their first phase against narrow technological-adventure SF of the Soviet 1950s, in the second against Yefremovian monolithism, in the third against linear progressivism – and in thus acted as an icebreaker clearing aesthetic navigation for the whole Soviet flotilla.³⁵

³¹ (ММК) Московский методологический кружок – философско-методологическая и интеллектуально-практическая школа советского методолога и философа Георгия Петровича Щедровицкого, центр разработки системомыследеятельностной методологии и организационно-деятельностных игр.

³² Кукулин И., Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики, Новое Литературное Обозрение, 2007, № 6, стр. 169–201.

³³ Suvin Darko, Positions and Presuppositions in Science Fiction, London, Macmillan Press, 1988, p. 154.

³⁴ Там же, pp. 151–160.

³⁵ Там же, p. 162.

[...] творчество Стругацких занимало центральное место в советской научной фантастике. Это была постоянная полемика – на первом этапе против узости приключенческо-технологической советской научной фантастики 1950-х годов, на втором – против ефремовского монолитизма, на третьем – против линейного прогрессивизма – и, таким образом, их творчество выполняло роль ледокола, расчищающего эстетический фарватер для всей советской флотилии. (перевод А.К.)

Дмитрий Быков тоже делит творчество Стругацких на три периода, но другие. К первому периоду он относит произведения написанные до «Попытки к бегству» (1962), характеризуя Стругацких этого периода так: «они оставались советскими фантастами, оттепельными ясноглазыми оптимистами, в чьем мире зло было случайно или по крайней мере преодолимо».³⁶ Ко второму периоду Быков относит произведения Стругацких от «Попытки к бегству» (1962) до «Града обреченного» (1975) включительно, называя этот период «периодом мрачных антиутопий».³⁷ Третий период обозначен 1984 годом, когда выходит повесть «Волны гасят ветер» – последняя повесть трилогии о Максиме Каммерере. При этом Быков считает эту повесть «центральным текстом Стругацких, отразившим их эволюцию с наибольшей полнотой».³⁸

Как мы видим, мнения расходятся. Действительно, сложно не заметить ту смысловую, тематическую, стилистическую дистанцию, которая лежит между ранней прозой Стругацких, так называемого утопического периода, и их последующего творчества. Но возникает вопрос, почему эта разница столь велика? Сложно подобрать какие-либо другие примеры творчества советских писателей тех лет, у кого подобная изменчивость была бы выражена столь же ярко, как у Стругацких. Вот что пишет в этой связи Марк Амузин:

[...] творчество Стругацких – эпохальное явление. Не в смысле грандиозности масштаба или уникальности его художественных достоинств. Я имею в виду удивительно органичное сродство с почвой и воздухом эпохи, советской послесталинской и догорбачевской, оттепельно-застойной эпохи. Редко встречается столь счастливое совпадение авторов со своим временем, как в этом случае. [...]

Общество, после многолетнего анабиоза при сталинском режиме пребывавшее в младенческом состоянии, робко училось подавать голос, пробовало на ощупь и ползком осваивать пусть очень скромные, но все равно непривычные, опасные пространства свободы. В прямые, простые, незыблемые истины-лозунги недавнего прошлого вносились уточнения и коррективы. В массовом интеллигентском сознании намечались возможности, пока еще смутные, самоориентации, сопоставления разных ценностей, наконец, выбора. [...]

³⁶ Быков Д., Вместо жизни, Москва, Вагриус, 2006, стр. 245.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

На долю Стругацких выпала [...] особая функция. Они, словно чуткий, остронаправленный колебательный контур, улавливали легчайшие общественно-культурные волны, сигналы, зарождавшиеся в духовном эфире, настраивались в резонанс, усиливали эти колебания, «возмущения» и преобразовывали их... [...] Но одним лишь откликом на общественные ожидания Стругацкие не ограничивались. Они преображали смутное беспокойство, неудовлетворенность общества в некие полуфилософские концепты и формулы, достаточно простые, внятные и все же возвышавшиеся над уровнем обыденного сознания. В сущности, Стругацкие становились родовспомогателями советского общественно-культурного дискурса. Они отливали «заготовки» этого дискурса, нащупывали варианты реакции интеллигентского сознания на смутную и весьма динамичную идеологическую реальность того времени. Фантастика оказалась необычайно благодарным жанром для этих целей.³⁹

Итак, по мнению Амусина, эта изменчивость в творчестве Стругацких была обусловлена историческими событиями, преобразованиями в обществе, откликом на эти преобразования.

Действительно, если взглянуть на творчество Стругацких в целом, то становится заметно, что оптимистическая картина «истории будущего», о которой говорит Сувин, сопровождавшая ранние произведения Стругацких, в середине их творческого пути сменяется потребностью задать себе и обществу определенные и довольно неприятные вопросы. А в финале их творчества уже следуют ответы, в которых от оптимизма ранних Стругацких не остается и следа. Конечно, такие метаморфозы во взглядах не уникальны и, наверное, в течение жизни, сопровождают каждого, сколько-нибудь мыслящего человека. Однако специфическая роль Стругацких заключается в том, что они стали зеркалом эпохи, отражателями, и, как пишет Амусин, «преображателями», выразителями того «смутного беспокойства», которое владело умами равнодушных и ищущих людей того времени. Прежде всего именно этим была обусловлена их популярность в интеллектуальной среде.

Таким образом, достаточно очевидно, что в след за обществом, за изменениями исторических событий жизни советского социума утопический период творчества Стругацких, принесший им беспрецедентную для советских писателей фантастов популярность, заканчивается и переходит к периоду «мрачных антиутопий». В идейном плане их тексты становятся зыбкими, послы амбивалентными. В них появляется неконсистентность и инаковость, ранее Стругацким неприсущая. Придуманый Стругацкими мир коммунистической утопии, так называемый Мир Полудня, вдохновляющий умы и сердца советского человека вариант будущего, со

³⁹ Амусин М., Стругацкие и принцип неопределенности, Нева, 2005, № 4, стр. 192–193.

временем рассыпается и меркнет. Ведь в сущности, однажды создав Мир Полудня, который оказался такой явственной и желанной картиной коммунистического будущего, Стругацкие сами постепенно деконструируют его, приводя в соответствие с действительностью и отказываясь от самообмана. Этот акт творчества определенно должен быть как-то связан с самой жизнью и процессом переосмысления главных морально-этических установок.

Данный переход от утопии к антиутопии отмечают большинство исследователей. Но ни один из найденных мною источников не рассматривает детали этого перехода. Из каких элементов он состоял? Существуют ли в этом процессе какая-то последовательность, внутренняя взаимосвязь и мотивировка? Как именно Стругацкие деконструируют свою модель утопического мира, и что означала для них эта деконструкция? Для того чтобы понять больше о творчестве Стругацких, мне представляется крайне важным ответить на эти вопросы, что я и попытаюсь сделать на страницах данной работы.

Таким образом, предметом данного исследования является определение отдельных элементов творческого преобразования прозы Стругацких в соответствии с историческими и идеалистическими контекстами эпохи, в которой жили авторы, попытка анализа их трансформации от явных сторонников, апологетов и пропагандистов идей коммунизма к концептуальным критикам способов его реализации.

Для начала остановимся на таких понятиях как научная фантастика, утопия и антиутопия, рассмотрим, как они между собой взаимодействуют, кратко коснемся их теоретической основы, ознакомимся с коммунистической утопией марксизма-ленинизма, общими тенденциями и произведениями в жанре научной фантастики, утопии и антиутопии в русской и ранней советской литературе.

Научная фантастика

Название «научная фантастика» – в англоязычном варианте “science fiction” – вошло в употребление благодаря американскому издателю и популяризатору научно-фантастической литературы Хьюго Гернсбеку, который вначале употреблял в отношении данной литературы термин “scientification”:

By “scientification” I mean the Jules Verne, H. G. Wells and Edgar Allan Poe type of story – a charming romance intermingled with scientific fact and prophetic vision. [...] Not only do these amazing tales make tremendously interesting reading – they are always instructive. They supply knowledge [...] in a very palatable form. [...] New adventures pictured for us in the scientification of today are not at all impossible of

realization tomorrow. [...] Many great science stories destined to be of historical interest are still to be written. [...] Posterity will point to them as having blazed a new trail, not only in literature and fiction, but progress as well.⁴⁰

Под «научноизацией» я имею в виду рассказы Жюль Верна, Г. Д. Уэллса и Эдгара Аллана По – очаровательную романтику, перемешанную с научными фактами и пророческими видениями. [...] Эти удивительные истории – не только чрезвычайно интересное чтение, но и всегда поучительное. Они дают знания [...] в очень доступной форме. [...] Новые открытия, представленные перед нами посредством научноизации сегодня, вовсе не исключают возможности их осуществления завтра. [...] Многим великим научным историям, которым суждено стать пророческими, еще предстоит быть написанными. [...] Потомки будут указывать на них как на проложивших новые пути не только в литературе и беллетристике, но и в самом прогрессе. *(перевод А.К.)*

Через некоторое время понятие “scientification” литературы трансформируется у Гернсбека в более определенное название – “Science Fiction”,⁴¹ которое далее станет названием литературного жанра и уже с 30-х годов XX века войдет в употребление. С тех пор появилось множество определений жанра научной фантастики, данных как различными литературоведами, так и самими писателями. В энциклопедии научной фантастики Клюта и Николлса их насчитывается шестнадцать.⁴²

Из-за большой внутрижанровой неоднородности фантастики разногласия в вопросе определения жанра неизбежны, однако определение Дарко Сувина, по-видимому, самое известное и употребляемое, поскольку именно оно стимулирует наибольшее количество научных дискуссий по данной теме. В этой связи кажется целесообразным привести в первую очередь именно его. Определение Сувина, датированное 1972 годом, звучит следующим образом:

SF is [...] a literary genre whose necessary and sufficient conditions are the presence and interaction of estrangement and cognition, and whose main formal device is an imaginative framework alternative to the author’s empirical environment.⁴³

НФ – это литературный жанр, необходимыми и достаточными условиями которого являются наличие и взаимодействие отстранения и познания, а основным формальным приемом которого является воображаемый мир, альтернативный эмпирической среде вокруг автора. *(перевод А.К.)*

Под «познанием» Сувин подразумевает стремление к рациональному пониманию, а его концепция «отчуждения» сходна с методом «отстранения»,

⁴⁰ Gernsback Hugo, A New Sort of Magazine, in Amazing Stories, № 1, April 1926, p. 3.

⁴¹ Gernsback Hugo, Science Wonder Stories, in Science Wonder Stories, № 1, June 1929, p. 5.

⁴² Cp. Clute John, Nicholls Peter, Definitions of SF, in Encyclopedia of Science Fiction, ed. John Clute, Peter Nicholls, New York, St. Martin’s Press, 1993, pp. 311–314.

⁴³ Suvin Darko, Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre, ed. Gerry Canavan, Bern, Peter Lang, 2016, p. 20.

описанным Виктором Шкловским,⁴⁴ и «эффектом очуждения» (*Verfremdungseffekt*), разработанным Бертольтом Брехтом,⁴⁵ то есть является средством сделать предмет узнаваемым и незнакомым одновременно.⁴⁶

Далее Сувин выделяет то, что он называет “*novum*”,⁴⁷ – вымышленное устройство, артефакт или предпосылку, которая подчеркивает разницу между миром, в котором живет читатель, и вымышленным миром научно-фантастического текста. Этот *novum* может быть чем-то материальным, например, космическим кораблем, машиной времени или устройством связи; или концептуальным, например, новой концепцией пола или сознания. «Когнитивное очуждение» Сувина балансирует между радикальной изменчивостью и привычной одинаковостью так, что, воображая странные миры, мы видим наши собственные условия жизни в новой и потенциально революционной перспективе.⁴⁸

Приведу еще одно определение данного жанра, предложенное известным исследователем научной фантастики Леонидом Геллером. Это определение, возможно, несколько менее абстрактное, чем определение Сувина, в рамках данной работы кажется мне более функциональным. По мнению Геллера, научно-фантастическими называются:

произведения, основанные на фантастическом сюжете, в котором событием-доминантой является рационализация (рациональная мотивировка) фантастики, и прагматическая функция которого состоит в альтернативных построениях реальности.⁴⁹

В данном случае «событие-доминанта» у Геллера и есть тот самый “*novum*”, о котором говорит Сувин. Однако такое определение позволяет провести четкую грань между научной фантастикой и, например, утопией. Если в утопическом произведении доминантной является попытка построения не просто альтернативной реальности, а наилучшей из возможных реальностей, то научная фантастика занимается

⁴⁴ Шкловский В., *Искусство как прием*, О теории прозы, Москва, Федерация, 1929, стр. 7–23.

⁴⁵ Brecht Bertolt, *Schriften zum Theater*, in *Gesammelte Werke*, Band 15, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1967, S. 339–369.

⁴⁶ Parrinder Patrick, *Revisiting Suvin’s Poetics of Science Fiction*, in *Learning from Other Worlds: Estrangement, Cognition, and The Politics of Science Fiction and Utopia*, ed. Patrick Parrinder, Durham, Duke University Press, 2001, p. 37.

⁴⁷ Suvin Darko, *Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre*, ed. Gerry Canavan, Bern, Peter Lang, 2016, pp. 78–101.

⁴⁸ Roberts Adam, *The History of Science Fiction*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2006, p. 1; Parrinder Patrick, *Revisiting Suvin’s Poetics of Science Fiction*, in *Learning from Other Worlds: Estrangement, Cognition, and The Politics of Science Fiction and Utopia*, ed. Patrick Parrinder, Durham, Duke University Press, 2001, p. 4.

⁴⁹ Геллер Л., *Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика*, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, стр. 10.

построением альтернативной реальности, не ставя себе целью нарисовать лучшую из возможных.

Научная фантастика может быть разной в зависимости от того, как она реализована. Она может ограничиваться лишь попыткой рационального описания альтернативной реальности, представляя собой «чистый» жанр, довольно ограниченный по своим литературным возможностям, но, если, сохраняя жанровую научно-фантастическую доминанту, значительно усиливаются другие мотивы в повествовании, например: приключенческий, социальный, философский и т. д., то мы сталкиваемся с жанровым смешением.⁵⁰

Основой социально-философской фантастики, к которой можно отнести большинство произведений Стругацких, является фантастическое допущение (*novum*), на базе которого выстраивается свой стройный мир альтернативного бытования, изложенный в тексте произведения. Особенностью данных произведений является то, что, хоть герои и действуют в фантастическом мире, в повествовании затронуты актуальные философские вопросы или социальные проблемы. Наличие фантастического мира дает возможность появлению новых конфликтных ситуаций, а вместе с тем и новых ответов на гипотетические вызовы данного мира. Это, в свою очередь, позволяет ставить новые, нетривиальные вопросы в отношении человека и общества. В этом смысле данная литература выполняет социально-гуманистическую функцию.

Утопия и антиутопия

Как известно, концепция построения идеального общества занимает умы людей с давних времен. Еще Платон представлял себе идеальное государство, в котором правили бы философы,⁵¹ а различные религии обещали блаженство в загробной жизни. На протяжении всей истории люди мечтали о справедливом мироустройстве.

В 1516 году английский писатель и политический деятель Томас Мор пишет книгу с несколько двусмысленным названием «Утопия».⁵² Слово «утопия» Мор берет из древнегреческого языка οὐ «не» и τόπος «место», то есть «место, которого нет», в

⁵⁰ Там же, стр 11.

⁵¹ Платон, Государство, Санкт-Петербург, Азбука, 2017, стр. 118–151, 182–191.

⁵² Thomas More, “Utopia”. Полное название книги (*Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, de optimo rei publicae statu deque nova insula Utopia*). Книга написана на латыни. Мор Т., Утопия, Золотая книга, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия, пер. Малеина, Москва/Ленинград, Academia, 1935.

другом варианте еѣ «благо», то есть «благое место». Эта двусмысленность означает, что слово может подразумевать как «хорошее место», где решены все проблемы, так и «несуществующее место», рожденное только воображением.⁵³ Это порождает взаимодействие между ничто и совершенством, небытием и возможным, а также вводит географический или пространственный аспект утопии.⁵⁴ Мор описывает общество, основой которого является гуманизм, где упразднены деньги и частная собственность, где все граждане одинаково работают на благо всего общества, государственным строем которого является демократия, и где осуществляются принципы справедливости.⁵⁵

В 1627 году публикуется «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона – произведение, в котором описывается рациональное общественное устройство под управлением ученых.⁵⁶

В 1623 году Томмазо Кампанелла публикует свой «Город Солнца», где общественное благосостояние достигается с помощью техники.⁵⁷ С этого момента появляется представление, что прогресс и технологии являются главными средствами, позволяющими со временем осуществить утопию.

Однако сложность задачи по воплощению утопии в реальности привела к тому, что слово утопия обычно ассоциируется с чем-то фантастическим, несбыточным – с мечтой. Поскольку термин «утопия» в современной культуре имеет широкое толкование и может употребляться в зависимости от контекста, имеет смысл оговорить и обозначить рамки, в границах которых этот термин используется в данной работе. Речь идет о двух вариантах употребления термина – это «литературная утопия» как литературное произведение, описывающее «идеальное» устройство общества с точки зрения автора, и «дискурсивная утопия» как воплощение исторического или интеллектуального утопизма в широком смысле.⁵⁸

⁵³ См. Carey John, Introduction, in *The Faber Book of Utopias*, ed. Carey John, London, Faber and Faber, 1999, p. xi.

⁵⁴ Petersen Leena, *Reconsidering Utopia: On the Entanglement of Mind and History*, in *Studies in Social and Political Thought*, 2010, Vol. 18, pp. 14–28.

⁵⁵ См. Мор Т., *Утопия, Золотая книга, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия*, пер. Малеина, Москва-Ленинград, Academia, 1935, стр. 33–206.

⁵⁶ См. Бэкон Ф., *Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические*, пер. Александровой, Москва, Издательство академии наук СССР, 1962, стр. 26–33.

⁵⁷ См. Кампанелла Т., *Город солнца*, пер. Ф. Петровского, Москва-Ленинград, Academia, 1934, стр. 19–121.

⁵⁸ Ср. Геллер Л., Нике М., *Утопия в России*, пер. Булатовского, Санкт-Петербург, Гипперин, 2003, стр. 5.

Дарко Сувин дает следующее определение «литературной утопии», говоря, как и в случае определения научной фантастики, о когнитивном «очуждении», возникающем в результате построения автором альтернативной действительности:

Utopia is [...] a literary genre or verbal construction whose necessary and sufficient conditions are the presence of a particular quasi-human community where socio-political institutions, norms, and individual relationships are organized on a more perfect principle than in the author's community, this construction being based on estrangement arising out of an alternative historical hypothesis.⁵⁹

Утопия – [...] литературный жанр или словесная конструкция, необходимыми и достаточными условиями которой является наличие некоего квазичеловеческого сообщества, где социально-политические институты, нормы и индивидуальные отношения организованы по более совершенному принципу, чем в сообществе автора, а в основе этой конструкции лежит очуждение, вытекающее из альтернативной исторической гипотезы. (*перевод А.К.*)

Основой «дискурсивной утопии» является не субъективный взгляд автора, а мировоззрение – особый образ мыслей. Геллер и Нике определяют «дискурсивную утопию» как:

[...] внутренне связный и утверждающий свою всеобщую действенность «виртуальный» мир, радикально улучшенный по сравнению с миром «актуальным». Структура дискурсивной утопии тройственна: утопия должна доказать, во-первых, свое превосходство над «актуальным» миром, обосновав причины своего разрыва с ним, во-вторых – свою жизненность и, в-третьих, – свою способность дать счастье «всем и каждому».⁶⁰

Будь то литературное произведение или философская концепция, такие формулировки позволяют провести связующую нить между существующим в действительности обществом и его улучшенным вариантом, закладывая основу для дискуссии и определяя потенциал развития общественных отношений.

Действительно, в этом смысле прогресс и развитие человечества в политическом и социальном аспекте давали надежду, что людям под силу осуществить идею построения более справедливого общества в будущем. Тем не менее, по мере социального развития и накопления человечеством опыта в познании себя, все более очевидным становилось, что идеальное общество трудно достижимо по ряду основополагающих причин, которые, судя по всему, обусловлены социальными инстинктами человека и степенью его социального самосознания. Ведь представления об идеальном у каждого человека свое, а всеобщее счастье

⁵⁹ Suvin Darko, *Positions and Prepositions in Science Fiction*, London, Macmillan Press, 1988, p. 35.

⁶⁰ Геллер Л., Нике М., *Утопия в России*, пер. Булатовского, Санкт-Петербург, Гипперрион, 2003, стр. 7.

подразумевает и значительное усреднение потребностей стремящихся к счастью субъектов.

Это понимание отразилось в том числе и через литературу. Появляется литературный поджанр утопии – антиутопия (Dystopia) (от греческого *δυσ* «отрицание» и *τόπος* «место» – «плохое место»), – деконструирующий идеальные представления об утопическом будущем. Появление этого жанра связывают, по меньшей мере, с двумя рациональными мотивировками.

Ханс Ульрих Зебер описывает переход от утопии к антиутопии с точки зрения обусловленности этого перехода литературной целесообразностью, когда усиление критических оценок общественного развития соединяется с необходимостью повествовательной привлекательности:

Wo Utopie als soziale Theorie- und Programmsatz fungiert wie bei den utopischen Sozialisten, neigt sie dazu, sich der literarischen Form zu entledigen; wo sie literarische Leseerwartungen befriedigen will, reduziert sie ihre theoretische, in der Regel (nicht unbedingt politische) Verbindlichkeit, verbündet sich mit dem Roman, und zwar aus literarischen Gründen dort am überzeugendsten und intensivsten, wo sie zu negativen Utopie wird [...].⁶¹

Там, где утопия функционирует как замена социальной теории и программы, как в случае утопических социалистов, она тяготеет к избавлению от своей литературной формы; там, где она стремится удовлетворить ожидания читателя, она ослабляет свою теоретическую, обычно (не обязательно политическую) связующую силу, вступает в союз с романом и, по литературным причинам, делает это наиболее убедительно и интенсивно там, где она становится отрицательной утопией [...]. *(перевод А.К.)*

Джон Хантингтон подчеркивает основополагающую связь утопии и антиутопии, несмотря на их видимую противоположность, в их функциональном стремлении донести ту же основную идею автора до читателя:

Dystopia [...] is similar to Utopia. Dystopia (the bad place) is for our purposes utopia in which the positive (“a more perfect principle”) has been replaced by a negative. Though opposites on the surface, utopia and dystopia share a common structure: both are exercises in imagining coherent wholes, in making an idea work, either to lure the reader towards an ideal or to drive the reader back from a nightmare. Both are the expression of a synthetic imagination, a comprehension and expression of a deep principles of happiness and unhappiness.⁶²

Дистопия [...] схожа с утопией. Дистопия (плохое место) для нас является утопией, в которой позитив («более совершенный принцип») заменен негативом. Хотя внешне утопия и антиутопия противоположны, они имеют

⁶¹ Seeber Hans Ulrich, Bemerkungen zum Begriff “Gegenutopie”, in *Literarische Utopien von Morus bis zur Gegenwart*, Hg. Berghahn Klaus L., Seeber Hans Ulrich, Königstein, Athenäum Verlag, 1983, S. 169.

⁶² Huntington John, *Utopia and Anti-Utopian Logic: H. G. Wells and His Successors*, *Science Fiction Studies* Vol. 9, № 2, 1982, p. 124.

единую структуру: обе они являются упражнением в воображении связанных целостностей, в обеспечении воплощения одной идеи, либо для того, чтобы заманить читателя к идеалу, либо для того, чтобы вырвать его из кошмарного сна. Обе они являются выражением синтетического воображения, постижением и выражением глубинных принципов счастья и несчастья. *(перевод А.К.)*

Исходя из данных определений, в основе своей антиутопия является производным от утопии жанром.

В первом случае, в соответствии с литературной целесообразностью, в утопическую основу⁶³ вводится элемент конфликта, и тогда утопия (прямо пропорционально глубине конфликта) превращается в антиутопию.

Во втором случае речь идет о философском опыте морально-этического свойства. Имея с утопией единую морфологическую основу, антиутопия как бы апеллирует к ней, взаимодействуя с утопией в соответствии с диалектическим принципом «единства и борьбы противоположностей»,⁶⁴ образуя диалектическую триаду: тезис, антитезис и их синтез, что и дает основу для движения социологической мысли в ту или иную сторону вдоль диалектической оси представлений о хорошем и плохом, добре и зле, правде и лжи.

Первыми ростками жанра антиутопии можно считать «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, впервые изданные в 1726 году.⁶⁵ В книге, состоящей из четырех частей, автор ярко и остроумно высмеивает пороки и недостатки современного ему общества. Несмотря на приключенческо-развлекательный характер книги и ее отождествление с детской литературой, это произведение имеет сложный нравственно-политический подтекст. Конструируя фантастические миры, в которых приходится побывать Гулливеру, Свифт подвергает критике общество, в котором живет он сам, наделяя выдуманные цивилизации свойствами критикуемых им групп. Таким образом, в своих приключениях Гулливер попадает то в общество политиканов, то в общество моралистов, то в общество технократов, то в общество рационалистов.

Прошло немногим более двухсот лет. Началась индустриальная эра, а с ней наступила эпоха технического прогресса. Этот переход обусловил появление в литературе жанра научной фантастики. Пионером этого жанра можно считать английского писателя Герберта Уэлса, так же как и Мора, не лишённого интереса к

⁶³ Идеальное общество.

⁶⁴ См. Энгельс, основные законы диалектики.

⁶⁵ Swift Jonathan, *Travels into Several Remote Nations of the World. In four parts. By Lemuel Gulliver, first a surgeon, and then a captain of several ships*, London, Benj. Motte, 1726.

общественно-политической деятельности. Уэллс сыграл огромную роль в становлении и развитии жанра. В 1895 году выходит его роман «Машина времени»,⁶⁶ в котором он предостерегает человечество об опасности усиления классового неравенства, описывая далекое будущее, где классовое неравенство разделило человечество на два разных биологических вида, смертельно опасных друг для друга.

В 1908 году Джек Лондон издает роман «Железная пята»,⁶⁷ в котором гегемония олигархии приводит к войнам и репрессиям, а рабочие и фермеры превращены в рабов, вынужденных работать за еду, не имеющих доступ к культуре и образованию.

Однако в классическом варианте антиутопия как жанр оформляется несколько позже. Рассвет жанра приходится на XX век. Здесь достаточно назвать такие классические антиутопии, как «Мы» Евгения Замятина,⁶⁸ «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли,⁶⁹ «1984» Джорджа Оруэлла.⁷⁰

Превращение утопии в антиутопию, как правило, обусловлено экстраполяцией тенденций настоящего времени в будущее путем доведения данных тенденций до высшей, гипертрофированной реализации. Таким образом, как в утопических, так и в антиутопических произведениях мы наблюдаем тесное соприкосновение художественной литературы с политическим и общественным дискурсом настоящего времени. Эта функция, присущая данному жанру, позволяет влиять непосредственно на умы читателя не только в эстетическом и этическом планах, но и в аспекте социально-политическом. В этом смысле социальная или философская фантастика берет на себя роль построения неких социально-философских и социально-политических конструкций, во многом уже являясь способом политического высказывания.

Литература, в основе которой лежит задача построения альтернативных вариантов мира – достоверных, продуманных до мельчайших деталей, имеющих свое политическое и социальное устройство и свою философию – нетривиальная задача, которая не может быть реализована вне опоры на сегодняшний день. Оглядываясь назад и исходя из уже написанного в этом жанре, мы можем констатировать, что философская или социальная фантастика, к которой мы можем, пожалуй, отнести и утопию, и антиутопию, изначально, всегда пыталась анализировать именно

⁶⁶ Wells Herbert George, *The Time Machine*, London, William Heinemann, 1895.

⁶⁷ London Jack, *The Iron Heel*, New York, The Mcmillan Company, 1908.

⁶⁸ Замятин Е., *Мы*, New York, Inter-Language Literary Associates, 1967.

⁶⁹ Huxley Aldous, *Brave New World*, London, Chatto & Windus, 1932.

⁷⁰ Orwell George, *Nineteen Eighty-Four*, London, Secker and Warburg, 1949.

существующую реальность в философском, социальном и политическом аспектах, приближаясь в этом естественном стремлении к выражению политической мысли, присущей данной эпохе, и непосредственно влияя на ее формирование и развитие.

Следует так же отметить, что данная литература предполагает интерес определенной читательской аудитории – как правило, активной и равнодушной части общества – и оказывает влияние на нее как на идейную движущую силу человеческой цивилизации и как на гипотетических преобразователей. Таким образом, строя подобные воображаемые социальные модели, человечество может, в какой-то степени, осознать гипотетические вызовы, с которыми людям, возможно, придется столкнуться в будущем, что позволяет критически взглянуть на прошлое и настоящее. Таким образом, данный вид литературы приобретает функции социально-философской притчи и несет в себе мощный гуманистический посыл.

Научная фантастика, утопия и антиутопия в русской и ранней советской литературе

Индустриальная революция, технический прогресс и связанные с ними новые вызовы отразились заметным образом и в русской литературе, в том числе через научную фантастику, утопию и антиутопию, например, в творчестве Салтыкова-Щедрина, Куприна, Брюсова, а позже Платонова, Замятина, Булгакова, Олеси, Беляева, Алексея Толстого и многих других авторов. В начале XX века русская фантастическая литература переживала рассвет,⁷¹ который длился вплоть до внедрения метода социалистического реализма, когда фантастика была объявлена вредной для сталинского советского человека, а многие авторы-конструкторы альтернативной реальности были репрессированы или подверглись гонениям.⁷²

Примечательно, что заметное влияние на развитие русской, а потом и советской фантастики, оказал религиозный мыслитель, философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма Николай Николаевич Федоров (1828–1903), известный как автор «Философии общего дела». В своих работах Федоров, опираясь на христианское учение и идею воскрешения, заложил основу русского религиозно-философского мировоззрения о месте и роли человека во Вселенной. Он верил в победу людей над физической смертью за счет науки, техники и обновленного

⁷¹ О многочисленности авторов и произведений в жанре фантастики см.: Геллер Л., Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.

⁷² В 1938 году расстрелян Вивиан Итин; в 1939 году расстрелян Алексей Гастев; в 1941 арестован Ян Ларри, он будет реабилитирован только в 1956 году.

гуманистического сознания объединенного человечества. Он пропагандировал идею отказа от войн и конфликтов в пользу перераспределения освободившихся ресурсов на познание тайн природы и овладение ими во благо всего человечества. Федоров связывал природные бедствия и экологические проблемы с «грехом» разобщенности, критиковал западный индивидуализм и восточную религиозную идею растворения в природе, находя спасение и ключ к бессмертию в образе Святой Троицы как символе единства человечества.⁷³ «Если бы человеческий род не разделился на отвлеченно мыслящих (интеллигенцию) и на слепо действующих (народ), то предметом знания для него была смерть и ее причины, а предметом действия – бессмертие и воскрешение»,⁷⁴ – писал Федоров в своей «Философии общего дела». Такая гностическая модель, свойственная раннему христианству, предметом культа которого было познание, направленное на то, чтобы в результате самому уподобиться богу,⁷⁵ связана у Федорова с устремлением человека вверх и в небо. «Задача человека была намечена: осознав себя смертным и вместе с тем к небу или вверх обращенным существом, человек этим самым определил свою будущность», – писал Федоров.⁷⁶ Влияние Федорова на жанр отмечают многие исследователи истории русской научной фантастики,⁷⁷ а по словам Геллера: «Если нужно было бы обязательно найти истинного отца советской НФ,⁷⁸ парадоксальным образом им оказался бы христианский философ XIX века».⁷⁹

В русской литературе на рубеже XIX и XX веков наблюдается большое разнообразие произведений научной фантастики, утопий и антиутопий и, в целом, попыток построения альтернативных реальностей.⁸⁰ Русская и ранняя советская

⁷³ Ср. Федоров Н., Сочинения, Москва, Мысль, 1982.

⁷⁴ Там же, стр. 502.

⁷⁵ Ср.: Crossan John D., *The Birth of Christianity: Discovering What Happened in the Years Immediately After the Execution of Jesus*, San Francisco, Harper Collins, 1999; Pagels Elaine, *The Gnostic Gospels*, New York, Vintage books, 1981.

⁷⁶ Федоров Н., Сочинения, Москва, Мысль, 1982, стр. 513.

⁷⁷ Ср., например: Геллер Л., *Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика*, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, стр. 37–39, 63–64; Vaingurt Julia, *Digressions in Progress: Posthuman Loneliness and Will to Play in the Work of the Strugatsky Brothers*, in *The human reimagined: Posthumanism in Russia*, ed. McQuillen C., Vaingurt J., Boston, Academic Studies Press, 2018, pp. 56–59; Howell Yvonne, *Apocalyptic realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky*, New York, Peter Lang, 1994, pp. 111–117; Некрасов С., *Космизм Н.Ф. Федорова и творчество Стругацких, Философия бессмертия и воскрешения*, Вып. 2, Москва, Наследие, 1996, стр. 162–167.

⁷⁸ НФ – Научная Фантастика.

⁷⁹ Геллер Л., *Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика*, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, стр. 64.

⁸⁰ См.: Циолковский К., «На луне» (1893), «Грезы о земле и небе» (1895); Лякидэ А., «В океане звезд» (1892); Чиколев В., «Не был и не выдумка» (1895); Красногорский Б., «По волнам эфира» (1913); Шелонский Н., «В мире будущего» (1892); Красницкий А., «За приподнятой завесой» (1900); Шарапов С., «Через полвека» (1902); Куприн А., «Жидкое солнце» (1912); Оссендовский А., «Бриг ужас» (1913); Крыжановская-Рочестер В., «Смерть планеты» (1911); Сологуб Ф., «Навы чары» (1913-

научная фантастика тяготела к социально-философской тематике, а отнюдь не к приключенческой или строго научной.

После октябрьской революции интерес к жанру не спадает, однако, его проявления уже отмечены двумя крайностями – печатью пролеткульта, с одной стороны, и тоской по крестьянской вольнице, с другой.

Так, поэт и писатель, революционер и профсоюзный деятель Алексей Гастев провозглашает эстетику уподобления пролетариата машине. В его представлении каждый рабочий есть часть огромного механизма, производящего материальные ценности. Лишь согласованное действие каждой части этого механизма обуславливает возможность сотворения великих действий. Человек сам должен стать механизмом, чтобы перенять его мощь, ритм, точность, бескомпромиссность.⁸¹ Представления о социуме как об автомате, где каждая его единица до такой степени лишена свободы воли, что может быть обозначена цифрой или буквой, выступая лишь атомом в громадной машине общего пролетарского единства, соответствовали духу времени, отвечали политическому вектору и открывали головокружительные перспективы в достижении поистине космических целей.

На другом полюсе утопии 20-х годов XX века была направленная в прошлое крестьянская традиционалистская утопия, где роль государства чисто условна, а идеи перекликаются с анархическими.⁸²

В попытке ментальной переработки исторического сдвига, который принесла революция, роль утопии становится чрезвычайно важна. В первые послереволюционные годы интерес к темам, близким к социально-утопическим и мистически-фантастическим, не спадает.⁸³ В конце концов, советской литературе первых лет пришлось столкнуться с проблемой, поставленной Замятиным⁸⁴ и Платоновым,⁸⁵ – проблемой цены, которую приходится платить за утопию. А уже

1916); Брюсов В., «Гора Звезды» (1895-1899), «Восстание машин» (1908), «Бунт машин» (1915), «Земля» (1904), «Республика Южного Креста» (1905); Олигер Н., «Праздник весны» (1910) и т. д.

⁸¹ Ср. Гастев А., Поэзия рабочего удара, Петроград, Пролеткульт, 1918, стр. 7–8.

⁸² Ср. Чаянов А., «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920). Первое издание под псевдонимом Кремнев: Кремнев И., Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии, Москва, Государственное издательство, 1920.

⁸³ См.: Эренбург И., «Хулио Хуренито» (1921), «Трест Д. Е.» (1923); Толстой А., «Аэлита» (1922); Окунев Я., «Грядущий мир» (1923); Асеев А., «Расстрелянная земля» (1925); Итин В., «Страна Гонгури» (1922); Ларри Я., «Страна счастливых»; Никольский В., «Через тысячу лет» (1928); Ярославский А., «Аргонавты вселенной» (1926); Заболоцкий Н., «Торжество земледелия» (1933); Олеша Ю., «Зависть» (1927); Булгаков М., «Собачье сердце» (1925), «Роковые яйца» (1925); Леонов Л., «Дорога на океан» (1936).

⁸⁴ Замятин Е., «Мы» (1920).

⁸⁵ См. Платонов А., «Эфирный тракт» (1928–1930), «Потомки солнца» (1921), «Епифанские шлюзы» (1926), «Чевенгур» (1928–1929), «Лунная бомба» (1926), «Котлован» (1930).

другой христианский философ – Николай Бердяев – напишет в этой связи, что самый мучительный вопрос XX века будет состоять не в том, как построить утопию, а в том, как ее избежать.⁸⁶ В данной оценке перспектив развития общества, в моем представлении, у Бердяева вызывает опасения, по большей части, перспектива построения коммунистической утопии, поскольку именно коммунистическая утопия становится целью молодого советского государства.

Коммунистическая утопия

Первый элемент советской утопической идеологии базировался на философских и политэкономических идеях Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Опираясь на диалектику Гегеля,⁸⁷ понимая мир как материалистический и диалектический, они видели в экономическом и историческом процессе определенную предопределенность, а именно – неизбежность смены общественно-экономических формаций.⁸⁸ В 1848 году Маркс и Энгельс публикуют «Манифест коммунистической партии» – свою программу, предлагая точный, основанный на законах науки, план переделки мира.⁸⁹ Понимая историю человечества как историю борьбы классов,⁹⁰ Маркс и Энгельс провозглашают неотвратимость гибели капитализма от рук пролетариата, который должен взять власть и средства производства в свои руки и построить бесклассовое коммунистическое общество. Геллер выделяет три основных линии, на которых основывалась эта программа:

1. «Романтическая» линия как критика капиталистического общества, в котором индивид становится носителем безличных коллективных сил. Вера в то, что в будущем коммунистическом мире будут ликвидированы государство, право, нации, деньги. Рухнут институты, отделяющие личность от общества.
2. «Прометейско-фаустовская» линия как вера в безграничные возможности человека. Пролетариат в процессе революции избавит человечество от извечного противоречия интересов личности и рода людского.

⁸⁶ Ср. Бердяев Н., Новое средневековье, Берлин, Обелиск, 1924, стр. 122.

⁸⁷ См. Hegel Georg Wilhelm Friedrich, Wissenschaft der Logik, Nürnberg, Schrag, 1812, 1813, 1816; Hegel Georg Wilhelm Friedrich, Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Berlin, Verlag von Duncker und Humblot, 1840.

⁸⁸ См. Илюшечкин В., Теория стадийного развития общества. История и проблемы, Москва, Восточная литература РАН, 1996, стр. 93–121.

⁸⁹ Marx Karl, Engels Friedrich, Manifest der Kommunistischen Partei, London, Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter, 1848, S. 11–16.

⁹⁰ Там же, S. 3.

3. «Детерминистская» линия. Законы общественной жизни так же незыблемы, как и законы природы. Неизбежность прихода к коммунизму продиктована этими законами.⁹¹

Вторым элементом советской утопической идеологии становится развитие идей Маркса и Энгельса, разработанных Лениным.⁹² В 1917 году он дополняет программу, описанную в «Коммунистическом манифесте», практическими предложениями. Выходят статьи «Государство и революция», и «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»,⁹³ где излагаются политические и экономические шаги по построению утопии. Суть этой программы сводилась к полной национализации всех финансовых и производственных активов для передачи их в руки трудящихся и упрощению структуры и роли государства. Ленин связывает понятия «свободы» и «государства» категоричным: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства».⁹⁴ Формируются основные принципы нового учения, призванного проложить дорогу к утопии «марксизма-ленинизма», которое и ляжет в основу советской идеологии.⁹⁵ Ранняя история СССР станет попыткой реализации этой утопической программы всеми доступными силами и средствами, а марксистское добровольное отождествление индивида с коллективом окажется не всегда таким уж добровольным. Непреклонная ленинская диалектика, призванная отменить государство в интересах свободы, так и не будет реализована. Насильственность этого движения к утопии, не считающейся со свободной волей конкретного человека, отразилась в ранней советской антиутопии.⁹⁶ Однако и намного позже, в годы зрелого советского социализма, интерес к теме отношений человека и государства, конфликта утопии и реальности, прогресса и будущего будет сохраняться и отразится, в том числе, в творчестве советских писателей Аркадия и Бориса Стругацких.

⁹¹ Ср. Heller Michel, Утопия в советской идеологии, *Revue des études slaves*, tome 56, fascicule 1, 1984, стр. 105–106.

⁹² См.: Ленин В., Государство и революция, Полное собрание сочинений, т. 33, Москва, Издательство политической литературы, 1969, стр. 1–120.

⁹³ Ленин В., Грозящая катастрофа и как с ней бороться, Полное собрание сочинений, т. 34, Москва, Издательство политической литературы, 1969, стр. 151–199.

⁹⁴ Ленин В., Государство и революция, Полное собрание сочинений, т. 33, Москва, Издательство политической литературы, 1969, стр. 95.

⁹⁵ См. Marcuse Herbert, *Soviet Marxism: A Critical Analysis*, New York, Columbia University Press, 1969.

⁹⁶ Ср., например: Платонов: «Чевенгур», «Котлован»; Замятин «Мы», «Ангел Дормидон».

Структура работы

Данная диссертация состоит из трех тематических глав. В первой главе я исследую начальный период творчества Стругацких. Я привожу доводы и свидетельства того, что Стругацкие в молодости, до начала процесса десталинизации, были убежденными сталинистами и идеологическим продуктом сталинской эпохи. Далее я рассматриваю события, происходившие в период XX и XXII съездов КПСС, а также тенденции, возникшие в это время в советском обществе и литературе. Мне представляется, что именно десталинизация и либерализация общества и культурной среды, появление на переднем плане социалистического строительства образа научного работника и, в целом, представителя творческого труда, послужили толчком для создания Стругацкими своей коммунистической утопии – Мира Полудня. Кроме того, в данной главе я показываю, что Стругацкие на этом этапе своего творчества оставались убежденными приверженцами коммунистической идеи и видели в своей работе воспитательно-просветительскую миссию советского писателя по воспитанию масс в духе социализма, стремились своими произведениями пропагандировать ценности познания и творческого подхода к труду как важнейшего фактора, необходимого для построения коммунистического общества.

Во второй главе, на примере таких произведений как «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Хищные вещи века» и «Улитка на склоне», я исследую, как в творчестве Стругацких появляются первые проявления инаковости подхода к тематике и стилистике произведений в советской научной фантастике, показываю, как и по какой причине в мире утопии Полудня появляются первые признаки антиутопии, и выявляю их взаимосвязь с попыткой рефлексии Стругацкими происходящих общественных, политических и культурных процессов в СССР.

В третьей главе я подробно останавливаюсь на произведениях Стругацких, переосмысливающих коммунистический проект утопического будущего. Выявляю основные аспекты данного переосмысления. В этой главе я показываю, что разочарованию Стругацких в утопии сопутствовало переосмысление роли власти и ее практик в отношении «массового человека». В частности, это проявляется в критике Стругацкими таких аспектов тоталитарной власти, как воинственность и пропаганда. Далее я обращаю внимание на деконструкцию Стругацкими их идеи «прогрессорства» и «вертикального прогресса» посредством дискредитации агентов прогресса и проявления в утопии Полудня империалистических практик на фоне возникновения ситуаций культурных дистанций.

В данной работе я рассматриваю следующие произведения братьев Стругацких: «Страна багровых туч», «Полдень, XXII век», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди», «Сказка о тройке», «Обитаемый остров», «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер», а так же идею ненаписанного романа, выборочные статьи, интервью и воспоминания писателей Стругацких.

В своей работе я применяю комплексный подход, реализующий сравнительно-сопоставительный, биографический, культурно-исторический и психологический методы исследования. Так же применяется методика интертекстуального анализа литературного произведения, что позволяет привлечь обширный философский, культурологический и собственно литературоведческий материал.

Во всех цитатах, использованных в данной работе, сохранена авторская орфография и пунктуация.

Глава 1: *Per aspera ad astra.*⁹⁷ Утопический период в творчестве Стругацких

Я верю, друзья,
Караваны ракет
Помчат нас вперед
От звезды до звезды.
На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы.
(В. Войнович)

Два брата. Штрихи к портрету

Творчество Стругацких тесно связано с историческими событиями, на фоне которых происходила их творческая деятельность. Поэтому речь в данной работе будет идти не только о самом творчестве писателей Стругацких и их произведениях, но и о политических и исторических событиях, на фоне которых складывался их творческий путь. В этой связи мне кажется целесообразным дать некоторые биографические сведения о Стругацких. Главным образом о том, что представляли из себя начинающие писатели Борис и Аркадий Стругацкие к моменту начала их совместной творческой деятельности. Их биографические данные взяты мною из биографии Стругацких, написанной Володихиным и Прашкевичем.⁹⁸

Аркадий Натанович Стругацкий родился в 1925 году в Батуми. Борис Натанович Стругацкий в 1933 году в Ленинграде. Их отец Натан Залманович Стругацкий (1892–1942) был убежденным коммунистом. Будучи студентом юридического факультета Петроградского университета, он вступил в партию большевиков еще в марте 1917 года (до Октябрьской революции). Работал в «Наркомате агитации и печати», «Наркомате народного образования», в продовольственном агитационном отряде, в «Главлите». К началу Великой Отечественной Войны он был сотрудником Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, являясь начальником отдела эстампов, где занимался искусствоведческой работой. Мать писателей – Александра Ивановна

⁹⁷ Через тернии к звездам (лат.).

⁹⁸ Володихин В., Прашкевич Г., Братья Стругацкие, Москва, Молодая гвардия, 2017.

Стругацкая (1901–1979) – всю жизнь проработала учителем русского языка и литературы.⁹⁹

Семья Стругацких была типичной семьей советских интеллигентов – именно в советском понимании этого слова.¹⁰⁰ Они жили в отдельной квартире в Ленинграде, что говорит об их привилегированном положении. С детства братьям прививали любовь к литературе. В доме имелась обширная библиотека, о которой Борис Стругацкий вспоминал:

В шкафах была «библиотека интеллигента» – от Толстого и Щедрина до Дюма и Жюль Верна, от Пушкина и Лермонтова до Уэллса и Лондона, «Тысяча и одна ночь», «Сага о Форсайтах», «Трилогия» Горького, полный Достоевский, разрозненная «Всемирная Библиотека», «ACADEMIA», сойкинские собрания Луи Буссенара и Луи Жаколио (тоже разрозненные). Невероятное множество писателей, ныне уже почти или совсем забытых: Анри де Ренье, Верхарн, Селин, Пьер Марк Орлан. Все это мы с АН¹⁰¹ – каждый в свое время – перевернули, и вкусы у нас образовались не одинаковые, конечно, но близкие.¹⁰²

Следует сказать, что старший брат Аркадий оказал заметное влияние на формирование интересов младшего брата. Именно Аркадий, под влиянием Жюль Верна и Герберта Уэллса, в юности сильно увлекался астрономией, мечтал по окончании школы пойти учиться на звездного астронома, сам мастерил телескопы из очковых стекол, высчитывал орбиты движения планет, увлекался химией, физикой, математикой.¹⁰³ С самого детства он пробовал писать фантастику, которую сам и

⁹⁹ Ср. Там же, стр. 9.

¹⁰⁰ Общие сведения о советской интеллигенции как явлении см., например, Tromly Benjamin, *Making The Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev*, New York, Cambridge University Press, 2014, pp. 3-12; Ср. отрывок из доклада Сталина о появлении в СССР советской интеллигенции, О проекте Конституции Союза ССР: «Перейдем, наконец, к вопросу об интеллигенции, к вопросу об инженерно-технических работниках, о работниках культурного фронта, о служащих вообще и т. п. Она также претерпела большие изменения за истекший период. Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталась ставить себя над классами, а на самом деле служила в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция – это совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции. 80–90 процентов советской интеллигенции – это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился, наконец, и самый характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у нее не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового, бесклассового социалистического общества». Сталин И., Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года, Сочинения, Москва, Писатель, 1997, т. 14, стр. 124.

¹⁰¹ Здесь и далее: АН – Аркадий Натанович, БН – Борис Натанович, АБС – Аркадий и Борис Стругацкие (такие сокращения приняты у Стругацких. В своей переписке они часто записывают названия своих произведений тоже с помощью аббревиатуры).

¹⁰² Володихин В., Прашкевич Г., Братья Стругацкие, Москва, Молодая гвардия, 2017, стр. 7.

¹⁰³ Ср. Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 21–24.

иллюстрировал.¹⁰⁴ Аркадий был кумиром и примером для подражания для младшего брата Бориса. Об отношениях братьев в детстве Борис писал:

Был царь, бог, командир, полководец, орел, великий и могучий утес – Аркадий. И был маленький, преданный, готовый и согласный на все ради старшего, покорный, никогда не бунтующий младший брат Борис.¹⁰⁵

Однако мечтам Аркадия об учебе на астронома не пришлось сбыться, и его судьба сложилась иначе. Виной тому было начало Великой Отечественной Войны. Семья Стругацких осталась в городе Ленинграде. Им суждено было пережить тяготы блокады. Не всем это удалось. Умерла бабушка будущих писателей. В самые тяжелые дни блокады, в январе 1943 года, для отца и старшего сына Аркадия появилась возможность эвакуироваться. Они передали свои продовольственные карточки на следующий месяц матери и Борису, что спасет последним в последствии жизнь, а сами попытались выехать из осажденного города. Во время эвакуации погиб отец. Так шестнадцатилетний Аркадий вступил на свой самостоятельный жизненный путь.

Примечательным в биографии Аркадия Стругацкого, в отличие от Бориса, является его довольно обширный жизненный опыт, накопленный до того, как он начал писать. Еще во время войны он закончил военное училище, счастливым образом избежал фронта, попав в институт военных переводчиков (японский и английский) в Москву. После войны он останется служить офицером в Сибири, на Дальнем Востоке, на Камчатке. Аркадий принимал участие в ликвидации последствий землетрясения и цунами в Северо-Курильске в 1952 году и боролся с остатками японского сопротивления на Южных Курилах. Женился, развелся и снова женился. При этом, несмотря на тяжелые условия службы и быта, Аркадий не потерял интереса к науке, литературе и творческой деятельности. Из личного интереса он переводил с английского и японского языков интересующую его художественную и научную литературу, занимался астрономией и математикой.

После долгих попыток уйти в отставку в июне 1955 года Аркадию, наконец, удалось демобилизоваться и стать гражданским человеком. Ему 30 лет, он образован, опытен, а главное – он хочет писать. Сфера его интересов – научная фантастика. Он читает все, что выходит в Советском Союзе в этом жанре. Вскоре у него выйдет первая публикация – повесть «Пепел Бикини», написанная в соавторстве с его приятелем – журналистом Львом Петровым. Речь в повести идет о последствиях испытания водородной бомбы, проведенного американцами на атолле Бикини.

¹⁰⁴ Ср. Там же, стр. 24–26.

¹⁰⁵ Володихин В., Прашкевич Г., Братья Стругацкие, Москва, Молодая гвардия, 2017, стр. 32.

Повесть была напечатана в хабаровском толстом журнале «Дальний Восток»¹⁰⁶ в 1956 году. Антиимпериалистическая-антиамериканская повесть не прошла незамеченной и в следующем году вышла в столичном журнале «Юность»,¹⁰⁷ а в 1958 году была издана уже отдельной книгой в издательстве «Детгиз».¹⁰⁸ Безусловно, это был большой успех для начинающего автора. Он поселился в Москве, на родине своей второй жены, и всерьез планировал заняться литературой. Однако писателя Аркадия и Бориса Стругацких к этому моменту еще не существует. Для этого не хватает второй половины – Бориса.

К этому времени младший брат Борис Стругацкий под чутким руководством Аркадия¹⁰⁹ прошел путь, о котором так мечтал его старший брат. Он поступил в Ленинградский университет и закончил его по специальности «звездная астрономия». По окончании университета поступил в аспирантуру. В то же время он поступил на работу в Пулковскую обсерваторию. Ему не удалось закончить диссертацию по той причине, что в самом конце работы Борис обнаружил, что его тема уже была исследована несколькими годами ранее за границей. Однако он остался работать в Пулковской обсерватории, учувствовал в астрономической экспедиции на Кавказ, где вместе с коллегами занимался поиском места для строительства большого телескопа.¹¹⁰

Все это время Аркадий и Борис, несмотря на расстояния, их разделяющие, вели интенсивную переписку и пробовали писать по-отдельности. У них уже были первые наработки – сборник рассказов «Извне». Таким образом, после демобилизации Аркадия и его переезда в Москву у братьев появилась возможность видеться и общаться намного чаще, что и дало импульс их совместной работе.

Обыкновенный сталинизм. Письма брату

Чтобы проследить истоки творчества писателей Стругацких, понять причины метаморфоз их взглядов, найти логику в их творческом пути, выявить закономерности появления тех или иных произведений, необходимо попытаться разобраться в том, что представляли из себя братья Стругацкие в годы их становления, узнать больше об

¹⁰⁶ Петров Л., Стругацкий А., Пепел Бикини, Дальний Восток, 1956, № 5, стр. 31–100.

¹⁰⁷ Петров Л., Стругацкий А., Пепел Бикини, Юность, 1957, № 12, стр. 2–35.

¹⁰⁸ Петров Л., Стругацкий А., Пепел Бикини, Детгиз, Москва, 1958.

¹⁰⁹ Братья вели активную переписку, в которой Аркадий играл роль наставника для Бориса. Учитывая разницу в возрасте и безусловный авторитет старшего брата, Борис во многом следовал наставлением Аркадия.

¹¹⁰ Большой телескоп азимутальный, расположенный в районе поселка Нижний Архыз, Карачаево-Черкессия.

их отношениях, увлечениях и мотивациях. Наилучшим доступным способом сделать это является анализ их переписки. Возможно, какие-то события, упомянутые в письмах, и реакция братьев на эти события, могут пролить больше света на их личности и убеждения. Это чрезвычайно важно для темы данного исследования, поскольку я рассматриваю творчество Стругацких именно с точки зрения эволюции их творческого пути. К сожалению, ранние письма Бориса к Аркадию не сохранились (за исключением нескольких писем), и мы не знаем, что именно писал Борис брату вплоть до 1964 года. Однако из писем одного Аркадия уже можно почерпнуть много информации о том периоде их жизни, когда они еще не были писателями.

Изучив корпус писем Аркадия Борису времен службы Аркадия в вооруженных силах СССР (1943–1955 годы), можно с достаточной долей уверенности сказать, что в молодости Стругацкие были типичными представителями своего поколения, нового сталинского поколения молодых людей, родившихся после революции – людей новой формации: идеологически бескомпромиссных, свято верящих в идеи «Ленина-Сталина» и в научно-технический прогресс. Это было поколение мечтателей и идеалистов – первый урожай от нового проекта будущего, людей, верящих, что коммунизм обязательно будет построен, если много и самоотверженно работать на благо страны. Молодым людям, воспитанным в обстановке советской идеологии культа личности, свидетелям «великих свершений» сталинской индустриализации, где каждый день совершается «подвиг», было привито определенное мировоззрение, суть которого – абсолютная вера в правильность избранного страной пути, убежденность в том, что общество, в котором они живут – самое справедливое общество в мире, уверенность, что их лучшая на свете страна окружена врагами, жаждущими ее разрушить. В них был воспитан культ героя, готовность пожертвовать собой во имя родины и своих убеждений.¹¹¹

С точки зрения идеологии это были уже новые люди, возвращенные новой системой общественных отношений, существовавшей только в СССР.¹¹² Все это соответствовало сталинской идее о единстве («смычке») народа и армии, что

¹¹¹ Ср.: Сомов В., *Первое советское поколение. Испытание войной*, Москва, АИРО-XXI, 2015; Starkova-Vindman Maria, *Fighting for Utopian Childhood: Militarism in Children's Periodicals of the Early Soviet Union*, in *Utopian Reality: Reconstructing Culture in Revolutionary Russia and Beyond*, ed. Lodder Christina, Kokkori Maria, Mileeva Maria, Leiden/Boston, Brill, 2013, pp. 79–97; Фатеев А., *Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. 1930–1950 гг.*, Москва, Макс-Пресс, 2007.

¹¹² Ср. Kirschenbaum Lisa A., *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*, London and New York, Routledge Falmer, 2001.

обеспечивало внушительный военно-мобилизационный потенциал.¹¹³ Примечательно, что именно данное поколение станет тем самым поколением шестидесятников, значительная часть которых, будет потом пытаться снизу двигать страну в сторону культурной, научной и идеологической либерализации.¹¹⁴ Парадоксально, но данный запрос на либерализацию был обусловлен успехами образовательной системы, выстроенной в СССР как раз в сталинский период. Важным результатом этой образовательной политики стало «появление класса советской интеллигенции, который определялся советскими идеологами как класс специалистов с высшим образованием».¹¹⁵ Именно эта система подготовила фундамент, обеспечивший массовое появление в стране хорошо образованных людей.¹¹⁶ Стругацких можно в полной мере отнести к данному поколению как исторически, так и ментально.

Позже оба с изрядной долей иронии вспоминали о том, каковы были их убеждения и образ мыслей в сталинские годы.¹¹⁷ Действительно, письма Аркадия брату того времени оставляют довольно однозначное впечатление.

В письмах Борису Аркадий, как старший брат и непререкаемый авторитет, берет на себя роль наставника. Следует отметить, что, наряду с советами брату по поводу учебы, Аркадий нередко выступает в роли идеологического наставника. Его письма по стилистике напоминают выступление на комсомольском собрании. Приведу один из показательных примеров данной формы общения из письма двадцатидвухлетнего Аркадия своему четырнадцатилетнему брату Борису от 10.01.1948:

Не успокаиваться на достигнутом, не зазнаваться – учит нас великий Сталин [...]. Тебе необходимо готовиться в комсомол. Сразу же, с первых шагов ты должен увеличивать не только багаж общих знаний, но, в первую голову, начинать создавать себе эрудицию в области политэкономических наук [...]. Уверяю тебя, это тебе очень и очень поможет в дальнейшей учебе, а главное – сделает из тебя настоящего сознательного большевика. Ты, возможно, улыбаешься, читая эти строки, от которых, как тебе кажется, за версту несет

¹¹³ См. Сталин И. В., Сочинения, Москва, ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1949, т. 11, стр. 21–26.

¹¹⁴ О поколении шестидесятников см., например, Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998.

¹¹⁵ Шпаковская Л., Советская образовательная политика. Социальная инженерия и классовая борьба, Журнал исследования социальной политики, 2009, т. 7, № 1, стр. 39.

¹¹⁶ См. Tromly Benjamin, Making The Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev, New York, Cambridge University Press, 2014, pp. 23–128; О самой системе образования в СССР, выстроенной в годы правления Сталина, см. Медынский Е., Народное образование в СССР, Москва, Академия педагогических наук РСФСР, 1952.

¹¹⁷ Ср. Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 251–252.

газетчиной и правоверным благолепием. Нет, Боб, это и есть именно то, что необходимо нам с тобой – быть большевиками, стоять впереди в той последней борьбе, которую переживает мир – в борьбе империализма и коммунизма. Быть большевиком-ленинцем не так-то просто. Для этого недостаточно родиться и воспитываться в социалистической стране – для этого нужно учиться, учиться много, учиться всему (по возможности), во всяком случае нужно быть уверенным (а не верующим) в правоте дела Ленина–Сталина. Итак, Боб, за книги, за устав ВЛКСМ.¹¹⁸

Этот отрывок из письма Аркадия дает ясное представление о степени его вовлеченности в идеологический контекст, присущий эпохе сталинского правления. Стать сознательным большевиком, быть в первых рядах борьбы коммунизма с империализмом – в этом он видит главную задачу для себя и брата. Если Борису в юности, несмотря на отличную учебу, была присуща некоторая индифферентность в идеологических и политических вопросах,¹¹⁹ то Аркадий предстает перед нами сильно идеологически ангажированной личностью.

Приведу случай, происшедший два года спустя и характеризующий Аркадия времен армейской службы. Рассмотрим отрывок из письма Аркадия брату от 14.11.1950, посланного с Камчатки, где он служил в это время. Письмо написано в ответ на жалобы Бориса, уже студента первого курса университета, по поводу того, что его как старосту группы, склоняют доносить в деканат об опрометчивых поступках однокурсников. Он отказался доносить и написал об этом брату. Из текста ответного письма становится понятно, что отказ Бориса доносить на однокурсников Аркадий воспринимает как идеологическую ошибку. Он пытается убедить Бориса беспрекословно следовать воле партии и государства. Обращает на себя внимание назидательно-пропагандистский тон письма:

О чем именно ты должен «доносить» в деканат? Короче, предлагают тебе работу сплетника или контрразведчика? [...] Учти, пожалуйста, следующее, ты, политический недоросль: научные специалисты, на подготовку которых государство тратит огромные деньги, должны быть свободны от всяких признаков разложения морального, разложения политического, разложения идейного [...] они должны быть идеальными людьми с точки зрения нравственной, с точки зрения преданности государственным интересам, с точки зрения преданности идее коммунизма. Если ты считаешь себя способным помочь государству в воспитании именно таких людей, а не пошленьких, гнилозубо хихикающих над всем, что у нас делается, мещан, предателей в потенциале, ты должен стать контрразведчиком, тем более что тебя нашли достойным доверия. Если нет, если ты сам никак не можешь высвободиться из

¹¹⁸ Там же, стр. 74–75.

¹¹⁹ Ср. интервью Бориса Стругацкого от 20.04.2002: Бондаренко С. Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 73.

мещанского болота «юношей бледных со взглядом горящим»,¹²⁰ которые «из принципа» не останоят махинации какого-нибудь гадика и из «принципиальной» неприязни к милиции не передадут ей в руки иностранного шпиона, боясь запачкать чистые интеллигентские ладошки, если ты такой – брось все, университет, комсомол, ибо такой мерзавец, хлюпик, да еще с высшим образованием, да еще комсомолец или коммунист, сегодня закрывает глаза на моральное разложение товарища, завтра примет поручение шпиона (неловко будет отказать), послезавтра сам станет «чужой тенью».¹²¹ [...] И так, мое мнение такое – делай то, что приказывает тебе партия и государство в лице вашего парторга и декана.¹²²

Пожалуй, это письмо наилучшим образом отражает совершенную убежденность молодого Аркадия Стругацкого в правдивости и правильности линии партии. То, что он ссылается на удостоенную сталинской премии 1949-го года пьесу Симонова «Чужая тень»,¹²³ тоже довольно любопытно. Следует учесть, что воинская специальность военного переводчика, не ограничивалась переводческой работой. Выпускники Военного института иностранных языков (ВИИЯ), коим являлся Аркадий Стругацкий, были задействованы в разведывательной и контрразведывательной деятельности. Аркадий не любил распространяться о своей службе на Камчатке, но многое указывает на то, что и он принимал участие в этой работе.¹²⁴

Рассмотрим еще несколько показательных отрывков из переписки авторов. Незадолго до перевода на Камчатку, Аркадий служил в Канске преподавателем в школе военных переводчиков восточных языков. В письме от 04.06.1950 он пишет брату, что ему и другим офицерам дали приказ мобилизовать местное население на «мероприятия по благоустройству города». Население не слишком охотно откликнулось на призыв бесплатно поработать в выходной день. Отзыв Аркадия, следующий:

¹²⁰ Строка из стихотворения В. Брюсова «Юному поэту». См. Брюсов В., Юному поэту, Русская поэзия XX века, Антология русской лирики от символизма до наших дней, сост. И. Ежов, Е. Шамурин, Москва, Новая Москва, 1925, стр. 52.

¹²¹ Отсылка к антишпионской пьесе Константина Симонова «Чужая тень» (1949). См. Симонов К., Собрание сочинений, Пьесы, т. 2, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1952, стр. 283–373; Первое издание: Симонов К., Чужая тень, Знамя, № 1, 1949, стр. 20–72.

¹²² Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 130–131.

¹²³ В пьесе рассказывается про ученого, из тщеславия отправившего свои секретные научные разработки для публикации на запад, тем самым выдав важные секреты потенциальному врагу.

¹²⁴ См.: Полоцк И., О пользе иностранных языков, Понедельник (Абакан), 1995, № 2 (<https://www.e-reading-lib.com/chapter.php/144045/207/neizvestnye-strugackie-pisma-rabochie-dnevniki-1942-1962.html>); Прашкевич Г., Человек эпохи, Если, Москва, 2005, № 9, стр. 291–296; воспоминания Л. Берниковой: Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 230–231.

[...] в подавляющем большинстве население правобережного Кана уже имело знакомство с нашими карательными органами, [...] насчет Советской власти у всех у них рыльце в пушку – уголовники, дерьмо, ссыльные кулаки [...]. Сволочь! Воспитывай таких вот мерзавцев.¹²⁵

Однозначна реакция Аркадия и на так называемое «дело врачей».¹²⁶ В письме от 17.01.1953 следует эмоциональный комментарий Аркадия на статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», опубликованную в центральной прессе:¹²⁷

Ну-с прежде всего об организации «Джоинт».¹²⁸ Я много ожидал (по тем сведениям, какими располагал до этого) от этих засранцев, но такие преступления – выше всяких ожиданий. [...] Гадость всего этого усугубляется еще и тем обстоятельством, что они не только опозорили славные имена Маркса, Кагановича, Свердлова, но еще и ударили по нам, сыновьям своего отца... Зубами бы загрыз мерзавцев, клянусь тем, что у меня осталось от чести.¹²⁹

Примечательно, что Аркадий здесь сетует на еврейскую национальность обвиняемых врачей и, якобы, общую сионистскую направленность диверсии, имея в виду собственную национальность братьев, воспринимая это событие как удар непосредственно по ним как евреям (тема еврейства довольно заметна в творчестве Стругацких, что будет показано ниже). Кроме того, он с гордостью упоминает имена Маркса, Кагановича и Свердлова, ставя их в один ряд и воспринимая их как одних из лучших представителей еврейской нации. Любопытно, что «дело врачей» и непосредственно Лидия Тимашук будут фигурировать в романе Стругацких «Град обреченный» (1970–1972) много лет спустя.

¹²⁵ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 122.

¹²⁶ «Дело врачей – убийц» – сфабрикованное дело против коллектива лечащих врачей высших партийных функционеров. Большинство обвиняемых врачей были еврейской национальности. Действия большинства арестованных увязывались с идеологией сионизма и возводились к уже фигурировавшему в деле «Еврейского Антифашистского комитета» тайно убитому сотрудниками МГБ СССР в 1948 году Соломону Михоэлсу. Героем, якобы избличившим «убийц в белых халатах» (популярный пропагандистский штамп этой кампании), пропаганда представила Лидию Тимашук – врача, обращавшуюся в ЦК с жалобами на неправильное лечение Жданова еще в 1948 году. «За помощь в деле разоблачения врачей-убийц» она была награждена орденом Ленина. После смерти Сталина все арестованные по «делу врачей» были освобождены и восстановлены на работе. Лидия Тимашук была лишена государственной награды. «Дело врачей» считается последним преступлением сталинского режима. Подробнее о деле врачей см.: Rapoport Louis, *Stalin's War Against the Jews: The Doctor's Plot and the Soviet Solution*, New-York, The Free Press, 1990, pp. 80–176; Rapoport Yakov, *The Doctors's Plot of 1953: A survivor's Memoir of Stalin's last act of Terror, against Jews and Science*, Cambridge, Harvard University Press, 1991; Брент Д., Наумов В., *Последнее дело Сталина*, Москва, Проспект, 2004.

¹²⁷ Ср. Правда, 13.01.53, стр. 1.

¹²⁸ «American Jewish Joint Distribution Committee» (JDC), «Американский еврейский объединенный распределительный комитет» (в рамках «дела врачей – убийц» обвиняемым вменялось в вину принадлежность к данной организации, якобы уличенной в диверсионной деятельности в СССР и других странах восточного блока и объявленной филиалом американской разведки).

¹²⁹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 167.

То, что молодые Стругацкие были глубоко погружены в идеологическую парадигму советского строя и в те годы мало чем отличались в оценке происходивших исторических процессов от рядовых граждан страны, показывает тот факт, как реагирует Аркадий Стругацкий на смерть Сталина. В письме от 05.03.1953, в день смерти Сталина, Аркадий пишет брату:

Умер Сталин! Горе, горе нам всем. Что теперь будет?

(Далее написано красным карандашом, прим. А.К.)

Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать свое дело, только делать еще лучше. Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму. Смерть Сталина – невосполнимая потеря наша на дороге на Океан,¹³⁰ но нас не остановить. Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!¹³¹

Упоминание романа Леонида Леонова «Дорога на океан» показывает идеалистический взгляд Аркадия в отношении представлений о будущем. Слово «океан», написанное им с большой буквы, – олицетворение светлого коммунистического будущего – для Аркадия тех лет, как и для героя романа Леонова коммуниста Курилова, – заветная цель, отражение мечтаний человечества о справедливом мироустройстве. Книгу Леонова Аркадий прочитал в 1944 году¹³² в девятнадцатилетнем возрасте, и она, судя по всему, произвела на него сильнейшее впечатление. Даже значительно позже, в черновике к статье «Литература – жизнь моя», датированного 28.01.1981, Аркадий упоминает о романе Леонова как об одной из его любимых книг, а об образе Курилова, в частности, пишет: «Между прочим, для меня самым сильным образом Коммуниста в литературе до сих пор остается леоновский Курилов, начальник политотдела транссибирской магистрали и профессиональный революционер...».¹³³

То, что Аркадий пишет с заглавной буквы слова: «коммунист», «коммунизм», «океан», «партия», говорит о его внутреннем пиетете перед заложенными в них символами. Такие приметы, в определенной степени, характеризуют человека, дают штрихи к его идейно-психологическому портрету. Мне представляется отсылка к роману Леонова в реплике Аркадия в связи со смертью Сталина весьма

¹³⁰ Отсылка к роману Леонида Леонова «Дорога на океан» (1935). Первое издание: Леонов Л., Дорога на океан, Роман-газета, №№ 1, 2, 3, 1936.

¹³¹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 178.

¹³² Письмо Аркадия Стругацкого брату от 06.10.1944: «Читаю сейчас хорошую книгу «Дорога на Океан» [...] описывают последнее сражение Советских Республик с мировым капиталом. Это очень интересно, обязательно прочти». Ср.: Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 51.

¹³³ Там же, стр. 51–52.

репрезентативной, и то, что она написана красным карандашом, все это показывает степень веры и убежденности Аркадия в святость поставленной цели – коммунизма. Аркадий понимает и принимает наваждение Курилова о чудном новом мире метафизически и стремится к воплощению утопического «мира Океана» в реальности.

Сложно сказать, насколько искренним было отношение к советскому строю, отразившееся в письмах Аркадия брату того периода. Нельзя исключать, что служба Аркадия предполагала контроль за его перепиской, и, зная об этом, он осознанно цензурировал свои письма, чтобы они соответствовали определенному идейному портрету. Тем не менее, в этот период жизни Аркадия его самоцензура представляется мне довольно маловероятной, поскольку, кроме патриотичных и политических высказываний, в письмах присутствует много личной информации, порой довольно щепетильной. Что касается Бориса Стругацкого, то в интервью Самуилу Лурье в 1992 году, отвечая на вопросы об истории написания романа «Град обреченный»,¹³⁴ Борис характеризовал себя и брата следующим образом:

(Мы, прим. А.К.) начинали жизнь как отпетые коммунисты. Не просто коммунисты... Это были коммунисты-сталинисты. [...] Это были два типичных героя оруэлловского романа, у которых «doublethink» – двоемыслие, было отработано идеально. Ибо двоемыслие – это, как известно, способность сделать так, чтобы две противоречащих друг другу идеи никогда не встречались в сознании. А мы всю свою жизнь носили в сознании одновременно тот факт, что органы не ошибаются, и тот факт, что наш дядя, коммунист с дореволюционным стажем, расстрелян в 37-ом году, а отец исключен из партии в 37-ом году, тоже большевик с 16-го года. Надо было как-то так идти по жизни, чтобы эти две мысли приходили в голову только порознь. Сегодня я думаю о дяде и об отце, о том, какие это были хорошие люди. Потом эти мысли куда-то вынимаются, и вставляются другие мысли, что в КГБ, конечно, не ошибаются, и если арестовали врачей вредителей, то, наверное, там что-то было. Им там видней.¹³⁵

Все приведенные свидетельства позволяют с большой долей уверенности сказать, что Аркадий и Борис Стругацкие практически до самого начала своей писательской деятельности были сторонниками Сталина и сталинского советского строя как идеологически, так и мировоззренчески.

¹³⁴ Секретный роман Стругацких. «Град обреченный» писался с 1970 по 1972 год, как говорили в те годы – «в стол». По свидетельствам Бориса Стругацкого, они сами не делали попыток издать роман, не показывали его в редакциях, из-за опасений последующих после прочтения политических репрессий. Роман был сделан в трех экземплярах и хранился у разных, не явных для КГБ друзей Стругацких. Ср. интервью Бориса Стругацкого Самуилу Лурье: <https://www.youtube.com/watch?v=oziST40YRbM> (6:22 – 6:56).

¹³⁵ Там же, (29:23 – 30:50).

Скучная фантастика

В связи с вышесказанным, тем не менее, необходимо сделать некоторую оговорку. Политическая тема в переписке между братьями все же не была превалирующей. В большинстве своем это был обмен идеями, интересными сведениями, впечатлениями о прочитанном: художественной литературе, научных статьях. Круг общих интересов широк – математика, астрономия, теоретическая физика, философия и конечно литература. С 1953-го года в переписке братьев все больше места уделяется идее написания собственных художественных произведений. Избранный жанр – научная фантастика. Оба брата пытались писать по-отдельности. Они обменивались между собой написанным, пытались нащупать подходящие для них формы. Их не удовлетворяла современная советская фантастика. Она казалась им неживой, слишком скучной. Стругацкие полагали, что могли бы написать лучше и интереснее.¹³⁶

Дело в том, что научная фантастика в СССР как жанр в эти годы ограничена концепцией «реальной фантастики» – так называемой «фантастики ближнего прицела». В рамках этой концепции главной задачей советской фантастической литературы являлась популяризация достижений современной советской науки и техники и их развития в ближайшем будущем. Для фантастики этого направления был свойственен интерес к научно-техническим подробностям, слабая психологическая проработанность образов героев, имеющих в произведении второстепенное значение. Как правило, действие этих произведений происходит в недалеком будущем и сосредотачивается вокруг описания изобретений, полезных для народного хозяйства.¹³⁷

Эти конъюнктурные ограничения, продиктованные идеологическими интересами сталинской системы, устанавливали пределы развития жанра в неестественном псевдоприкладном ключе. Стругацкие видели слабость такого подхода с точки зрения художественной полноты произведений, понимали, что писать надо по-другому. С самого начала своего творческого пути они искали способ оживить научную фантастику стилистически, придать ей больше глубины и жанрового разнообразия. Борис позже утверждал, что они старались писать каждую

¹³⁶ Ср. Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 295–296.

¹³⁷ Ср. статью одного из апологетов концепции «фантастики ближнего прицела» С. Иванова: Иванов С., Фантастика и действительность, Октябрь, 1950, № 1, стр. 155–164.

из своих книг стилистически по-разному, не хотели повторяться и не боялись экспериментировать.¹³⁸

Сохранилось письмо Аркадия Борису, датированное 29 сентября 1957 года, в котором Аркадий излагает свои соображения о том, как им надлежит писать. В начале письма Аркадий перечисляет то из советской фантастики, что вышло в последнее время, и указывает:

Но все эти вещи (кроме, конечно, «Туманности») объединяют по крайней мере две слабости: а) их пишут не писатели – в них нет ни стиля, ни личностей, ни героев; язык их дубов и быстро приедается; сюжет примитивен и идея одна – дешевый казенный патриотизм. б) их писали специалисты-недоучки, до изумления ограниченные узкой полоской технических подробностей основной темы. Широты знаний и необходимой эрудиции в них не чувствуется. Они тяжеломерно топчутся на одном месте, назойливо втолковывая читателю, что дважды два четыре.

И еще одно – этого, по-моему, не учитываешь даже ты. Они смертельно боятся (если только вообще имеют представление) смешения жанров. А ведь это громадный выигрыш и замечательное оружие в умелых руках...¹³⁹

Далее Аркадий приводит цитату из послесловия А. Анкеста¹⁴⁰ к «Тихому американцу» Грэма Грина,¹⁴¹ в котором критик в превосходной степени отзывается о том, как автору удалось из разнородных элементов убедительно сплести разные жанры в стилистически органическое произведение. Далее Аркадий продолжает:

Понимаешь теперь, какой громадный козырь упускают наши горе-фантасты? Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее – пусть идея уже десять раз обсасывалась дураками – сколько по а) широте и легкости изложения научного материала; «долой жульверновщину», надо искать очень точные, короткие умные формулировки, рассчитанные на развитого ученика десятого класса;

б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев;

в) по разумной смелости введения в повествование предположений «на грани возможного» в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев;

г) по смелому, смелому и еще раз смелому обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации. Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства в четвертом и т. д. Такая смесь жанров должна придать вещи еще

¹³⁸ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 193–194.

¹³⁹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 295.

¹⁴⁰ Анкест А., Грэм Грин и его роман «Тихий американец», Послесловие, Грин Г., Тихий американец, Москва, Издательство иностранной литературы, 1956, стр. 183–191.

¹⁴¹ Greene Graham, The Quiet American, Melbourne/London/Toronto, William Heinemann Ltd, 1955.

больший привкус необычайного. А разве необычайное – не наша основная тема?¹⁴²

Однако все эти смешения жанров и стилистические эксперименты едва ли смогли бы открыть дорогу молодым Стругацким в советскую литературу и, прежде всего, в печать. Наиболее вероятно, они вообще не состоялись бы как писатели, по крайней мере, какими мы их знаем сейчас, если бы не два события, изменившие политический фон, а с ним и литературный ландшафт в научной фантастике на следующее десятилетие. Одно из этих событий – XX съезд КПСС, другое – выход романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» (1957).¹⁴³

XX съезд КПСС. Десталинизация

Через три года после смерти Сталина, 14–25 февраля 1956 года прошел XX съезд коммунистической партии СССР. XX съезд стал грандиозным событием, поскольку он явился важной вехой в истории СССР, положившей конец сталинской эпохе с идеологической и ментальной точки зрения. Именно на этом съезде партии были приняты решения о некотором ослаблении идеологической цензуры в литературе и искусстве, были сделаны первые шаги к либерализации сталинской системы, сделавшие возможным обсуждение ряда общественных вопросов в более свободном и дискуссионном ключе.

Считается, что с этого момента в СССР начинается так называемая «оттепель». Главным событием съезда можно считать секретный доклад,¹⁴⁴ прочитанный Хрущевым на закрытом заседании ЦК КПСС в последний день съезда. В докладе Хрущев предлагает партии пересмотреть оценку наследия Сталина, выступает с критикой культа личности Сталина (позже доклад будет опубликован в центральной прессе уже как Постановление Президиума ЦК КПСС от 30 июня 1956 года под названием «О преодолении культа личности и его последствий»). Этому были свои причины.

Сам факт осуждения культа личности Сталина позволял преодолеть, усугубляющийся после его смерти, идеологический кризис, вызванный различными

¹⁴² Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 296.

¹⁴³ Первое книжное издание: Ефремов И., Туманность Андромеды, Москва, Молодая гвардия, 1958.

¹⁴⁴ См. Хрущев Н., О культе личности и его последствиях. Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года, в Сталин И., Сочинения, Москва, Писатель, 1996, т. 16, стр. 381–440; Jones Polly, Myth, Memory, Trauma: Rethinking The Stalin's Past in Soviet Union, 1953–70, New Haven and London, Yale University Press, 2013, pp. 17–56.

асpekтами, связанными с уходом вождя. Одним из таких аспектов была остановка сталинской репрессивной машины.

Больше не представлялось возможным должное функционирование карательной системы, выстроенной при нем, что приводило к массовым восстаниям и беспорядкам в лагерях, где было много политических заключенных. Несмотря на попытки реформирования пенитенциарной системы, ситуация стала выходить из-под контроля.¹⁴⁵ Происходила существенная криминализация общества, связанная с возвращением из лагерей репрессированных по политическим статьям граждан, а с ними и амнистированных уголовников.¹⁴⁶ Как отмечает исследователь данного периода истории СССР Виктор Наумов:

Восстания в лагерях потрясли всю систему ГУЛАГа, возникла опасность, что миллионы заключенных обретут свободу. А это могло стать детонатором больших социальных потрясений. Обстановка в стране угрожающе накалялась. СССР стоял перед необходимостью кардинальных мер, направленных на реформирование, и в то же время – сохранение сущности существующего режима. Это и была одна из важнейших причин, побудивших руководителей партии выступить с критикой сталинизма.¹⁴⁷

В высшем правящем кругу и в самом обществе возникла необходимость перемен. Александр Зиновьев – ученый, писатель и автор «Зияющих высот»¹⁴⁸ – в своей автобиографической книге «Русская судьба. Исповедь отщепенца» подчеркивает, что «антисталинское давление снизу было таким, что с ним невозможно было больше не считаться».¹⁴⁹

К тому же, после смерти Сталина стали не совсем ясны черты коммунистического будущего, к которому должна стремиться страна. Крайне важно было вновь заложить образ этого будущего в умах людей.¹⁵⁰ Доклад открывает глаза советских граждан, в том числе представителей научной и технической интеллигенции, на фигуру Сталина, заставляет их переосмыслить последние двадцать

¹⁴⁵ См. Elie Marc, Khrushchev's Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin's Death, 1953-1964, in *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*, ed. by Eleonory Gilburd and Denis Kozlov, University of Toronto Press, Toronto/Buffalo/London, 2013, pp. 109–115.

¹⁴⁶ См. Dobson Miriam, *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*, Cornell University Press, Ithaca/London, 2009, pp. 21–156.

¹⁴⁷ Наумов В., К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, *Новая и новейшая история*, 1996, № 4, стр. 147–168.

¹⁴⁸ Зиновьев А., *Зияющие высоты*, Москва, Канон+, 2021.

¹⁴⁹ Зиновьев А., *Русская судьба. Исповедь отщепенца*, Москва, Центрполиграф, 1999, стр. 311.

¹⁵⁰ Ср. Jones Polly, Introduction to *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in Khrushchev Era*, ed. Polly Jones, Routledge, London/New York, 2006, pp. 1–18.

лет истории своей страны, вынуждает критически взглянуть на общество, в котором они живут.¹⁵¹

Вскоре после «секретного доклада» последовал общественный резонанс. Созывается множество встреч и конференций, посвященных обсуждению открывшихся преступлений. Задается вопрос об ответственности тех, кто знал о преступлениях, но молчал.¹⁵² Начинаются волнения в студенческой среде. Происходит идеологическая перестройка в литературных, научных и околонучных кругах.¹⁵³ Процесс десталинизации, приведший к разочарованию в отношении личности вождя, пошатнул веру граждан в партию и в коммунистическую утопию в целом. По словам литературного критика и очевидца данных процессов идеологической трансформации советского общества Всеволода Ревича, «антикультовая речь Хрущева на XX съезде партии в 1956 году нанесла тяжелый удар не только по сталинизму, но и по социалистической идее в целом: в умах миллионов людей и то, и другое слилось воедино».¹⁵⁴

Тем не менее, осуждение сталинских репрессий было жизненно необходимо. Система была вынуждена ампутировать данную часть истории страны, как пораженную гангреной конечность хотя бы для того, чтобы выжить. Подобная идеологическая ампутация не могла пройти без последствий. Это стало тяжелым психологическим ударом для огромной массы населения.¹⁵⁵ Послабления хрущевской оттепели были попыткой сгладить последствия этой травмы.

Эти процессы не обошли стороной и братьев Стругацких. Много позже Борис Стругацкий вспоминал, что в отношении личности Сталина и он был «полным идиотом», и «идиотизм его длился почти до самого XX съезда партии». Впрочем, по словам Бориса, в его избавлении от «идиотизма» заметную роль сыграла вторая жена

¹⁵¹ Cp. Schattenberg Susanne, “Democracy” or “Despotism”? How the Secret Speech was Translated into Everyday Life, in *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in Khrushchev Era*, ed. Polly Jones, London/New York, Routledge, 2006, pp. 64–79.

¹⁵² Kozlov Denis, *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge/London, Harvard University Press, 2013, pp. 183–187.

¹⁵³ Cp.: Tromly Benjamin, *Making The Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev*, New York, Cambridge University Press, 2014, pp. 131–138, 146–150; Zubok Vladislav, *Zhivago’s Children: The Last Russian Intelligentsia*, Cambridge/London, The Belknap Press, of Harvard University Press, 2009, pp. 61–70.

¹⁵⁴ Ревич В., *Перекресток утопий, Судьбы фантастики на фоне судеб страны*, Москва, Институт Востоковедения РАН, 1998, стр. 240.

¹⁵⁵ “The so-called “secret speech” was a bombshell for Soviet society, as millions of citizens who had recently viewed the leader with devotion struggled to make sense of Khrushchev’s revelations of mass terror and misrule.” Cp. Tromly Benjamin, *Making The Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev*, New York, Cambridge University Press, 2014, p. 129.

Аркадия Елена Ошанина – дочь крупного советского ученого-китаиста профессора Ошанина. Об их неистовых спорах Борис вспоминал так:

Она была из семьи старинных русских интеллигентов, принявших русскую революцию от всего сердца, и по которым эта революция проехала всеми колесами и гусеницами. [...] И она была первым человеком, который как-то поколебал мою идиотическую убежденность – еще до Двадцатого съезда. Я помню бешенные споры, которые у нас с ней происходили, с криками, с произнесением сильных слов и чуть ли не с дракой. [...] Ленка кричала, что все они (большевики то есть, молотовы эти твои, кагановичи, ворошиловы) кровавые бандиты, а я кричал, что все они великие люди, народные герои... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей – все-таки именно кровавые бандиты.¹⁵⁶

Исходя из данных свидетельств, логично будет предположить, что и Аркадий в данном вопросе неизбежно подвергся влиянию своей супруги и ее семьи, учитывая, что к тому времени он уже жил в Москве в семье Ошаниных и делил с ними одну жилплощадь. Что касается Бориса, то, по его словам, для него XX съезд знаменует первый «малый перелом» в его мировоззрении.¹⁵⁷

Начав процесс десталинизации и освобождения от наследия культа личности Сталина, партийное руководство, в первую очередь, решало свои номенклатурные задачи и отводило от себя вину за преступления сталинского периода. Однако партии было не в меньшей степени необходимо дать старт новому периоду социалистического развития страны: справедливому, очищенному от крови и грязи сталинских лет.¹⁵⁸ И пусть Хрущев столкнул камень, который подхватили тысячи рук, для партии было крайне важно дать обществу новую перспективу, подтвердить правильность избранного пути.

В этой связи значительные сдвиги начинают происходить и в управлении процессами, связанными с литературой и издательской деятельностью.¹⁵⁹ У советских людей появилась возможность читать гораздо больше иностранной литературы, а

¹⁵⁶ Интервью с Борисом Струшацким. См. Вишневский Б., Не стреляйте «Гадких лебедей», Вечерний Петербург, № 156, 26.08.2000, стр. 2.

¹⁵⁷ «1956 год, XX съезд. Слушаю радио, чешу репу и думаю в некоторой растерянности: да-а, а Ленка-то права!.. Впрочем, к этому моменту мне и так уже понятно, что она права, а я – зеленый идиотик. Вот он – первый, малый перелом. «Малый» – потому что и пять лет спустя я еще зеленый идиотик, со слабыми только проблесками здравого смысла»: Измайлов А., Справедливое общество: мир, в котором каждому – свое, беседа с Борисом Стругацким, Санкт-Петербург, Московский комсомолец в Питере, 1998, № 15. (<http://www.rusf.ru/abs/books/publ49.htm>).

¹⁵⁸ Большое количество образованной молодежи сохраняло оптимизм в отношении социалистического строя и продолжали верить в коммунистический проект. Ср. Zubok Vladislav, Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia, Cambridge/London, The Belknap Press, of Harvard University Press, 2009, p. 122.

¹⁵⁹ См. Suny Ronald G., The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States, New York/Oxford, Oxford University Press, 1998, pp. 404–407.

также многих ранее запрещенных русских и советских авторов.¹⁶⁰ Серьезные изменения коснулись и жанра фантастической литературы. Немалую роль в этом сыграли успехи в освоении космоса.

В 1957 году СССР запускает первый искусственный спутник земли.¹⁶¹ Впервые преодолена сила земного притяжения. Событие, как многим тогда казалось, рисуящее для человечества неограниченные перспективы, показывающее на практике силу научно-технического прогресса и достижений советского государства. О запуске первого спутника Борис Стругацкий вспоминал: «Это был сплошной телячий восторг – песни, пляски, карнавалы и сатурналии... Это было счастье и ощущение прорыва в будущее».¹⁶²

Влияние достижений научно-технического прогресса приобретало все более осязаемый характер. Новыми героями страны становятся бывшие обитатели «шарашек» – химики, физики, ракетостроители.¹⁶³ Научная работа и все, что связано с достижением научно-технического прогресса, вызывает в умах людей определенный налет романтики,¹⁶⁴ где человек посвящает свою жизнь науке и находит себя в служении прогрессу через открытие загадок природы и ее подчинение себе. Черняховская называет это явление «научно-техническим романтизмом».¹⁶⁵

«Освоение космоса», «приручение атома», «подчинение природы» – словосочетания, определившие эту специфическую романтическую парадигму. Новый мир рядом. Он не за горами, но он требует появления нового человека, нового романтического героя – человека будущего. Научные журналы издаются

¹⁶⁰ Kozlov Denis, *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge/London, Harvard University Press, 2013.

¹⁶¹ Подробнее о значении запуска первого спутника Земли см.: Richers Julia, *Welt-Raum: Die Sowjetunion im Orbit*, in *Globalisierung imperial und sozialistisch*, Hg. Martin Aust, Frankfurt/New York, Campus Verlag, 2013, S. 400–424; Zubok Vladislav, *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*, Cambridge/London, The Belknap Press, of Harvard University Press, 2009, pp. 122–131.

¹⁶² Бондаренко С., Курильский В., *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962*, Москва, АСТ, 2008, стр. 298.

¹⁶³ Появляются знаковые произведения, которые формировали новое мировоззрение: «Оттепель» (1954) Эренбурга, «Не хлебом единым» (1956) Дудинцева, Статья Померанцева «Об искренности в литературе» (1953), фильм Ромма «Девять дней одного года» (1962).

¹⁶⁴ Имеется в виду понимание термина в соответствии с определениями русских толковых словарей и энциклопедий (Ожегова, Шведовой, Ушакова): Романтика – сочетание различных факторов, таких как идеи, чувства, эмоции, условия жизни, которые вкупе создают эмоционально-возвышенное мироощущение. Также романтика может восприниматься как образ жизни, который отличается оптимизмом, альтруизмом, положительными эмоциями, высокими чувствами, возвышенным отношением к человеку и исповеданием ценностей, которые противопоставляются «серым будням», материальным ценностям, в том числе прагматизму. Романтика связана с рассмотрением ситуаций с точки зрения идеальных взаимоотношений.

¹⁶⁵ Черняховская Ю., *Братья Стругацкие, Письма о будущем*, Москва, Книжный мир, 2016, стр. 73–74.

впечатляющими тиражами, настолько велик интерес в стране к науке.¹⁶⁶ Эти процессы дают толчок к популяризации научной фантастики. Научную фантастику начинают публиковать в гораздо большем количестве.¹⁶⁷ Так, одним из существенных политических аспектов, направленных на поиск новых идеологических ориентиров, становится посыл: вместе со всеми прогрессивными достижениями советской науки и техники советский человек должен стать самым прогрессивным человеком на планете, и это, в свою очередь, есть верный путь к построению коммунистического общества. По словам историка науки Вячеслава Геровича:

[...] the tremendous Soviet technological leap into space had a very specific symbolic meaning. In the public mind, it represented a daring breakthrough into the future – both into the technological utopia of interplanetary travel and into the political utopia of Communism.¹⁶⁸

[...] грандиозный советский технологический скачок в космос имел очень специфическое символическое значение. В общественном сознании он представлял собой дерзостный прорыв в будущее – как в технологическую утопию межпланетных путешествий, так и в политическую утопию коммунизма. (перевод А.К.)

Кроме того, представление о том, что научно-техническая революция на следующем витке развития страны должна сыграть историческую роль второй индустриализации, придавало процессу популяризации науки дополнительный импульс и смысл.¹⁶⁹ Придав процессу научно-технического прогресса политический контекст, осудив преступления сталинской эпохи, осуществив идеологическую перезагрузку, партия укрепила свою роль проводника в коммунистическое будущее, правдоподобный образ которого, в свою очередь, должен был быть найден в художественной литературе.

¹⁶⁶ Например, тираж одного только ежемесячного журнала «Наука и жизнь» к середине 60-х годов превысил 3 миллиона экземпляров.

¹⁶⁷ Если до начала 60-х издавалось не более 10 книг НФ в год, то в период с 1959 по 1965 было опубликовано 1266 произведений НФ русских и иностранных авторов общим тиражом около 140 миллионов экземпляров: Ср. Бритиков А., Русский советский научно-фантастический роман, Ленинград, Наука, 1970, стр. 268.

К примеру, только за два года 1959–60 публикуются несколько сборников советской НФ: «Дорога в сто парсеков» (1959), «Невидимый свет» (1959), «Альфа Эриадна» (1960), «Золотой лотос» (1961): Ср. Геллер Л., Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, стр. 104.

¹⁶⁸ Gerovitch Slava, Stalin's Rocket Designers' Leap into Space: The Technical Intelligentsia Faces the Thaw, Osiris, January 2008, p. 191.

¹⁶⁹ Ср. Buchholz Arnold, The Role of Scientific-Technological Revolution in Marxism-Leninism, Studies in Soviet Thought, № 20, 1979, pp. 147–153.

Новая утопия – «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова

Наряду с событиями реальной жизни в жизни литературной и, в частности, в научной фантастике, произошло событие, повлиявшее на творчество молодых писателей Стругацких радикальным образом. В 1957 году в журнале «Техника – молодежи»¹⁷⁰ выходит «Туманность Андромеды» – роман писателя-фантаста и авторитетного ученого, археолога и палеонтолога Ивана Ефремова.

Если научно-фантастическая литература того времени в СССР, в традициях концепции «фантастики ближнего прицела», по большей своей части, занималась псевдонаучным конструированием, Ефремов обращается к утопии, он описывает коммунистический мир будущего, установившийся на земле. Ефремов приводит в том числе этапы развития земной цивилизации, предшествующие будущему коммунистическому мироустройству, то есть мир его представлен в логике исторического развития. Населяют этот мир невероятно красивые, мудрые и честные люди коммунистической эпохи.¹⁷¹ Они стремятся познавать, открывать и созидать. Их силой является просвещение и духовные ценности. Ими движет жажда знаний и абсолютное благородство. Фактически, по Ефремову, вся Земля в далеком будущем населена людьми, занимающимися исключительно той или иной научной работой.

Этот роман во многом стал предтечей новой советской фантастики, яркими представителями которой и стали братья Стругацкие. Но самое главное, несмотря на некоторую вторичность,¹⁷² он давал новые образцы и ориентиры. Анализируя роман Ефремова в свете практики преодоления сталинизма Геллер отмечает:

Кризис 1956 г. (имеется в виду кризис, возникший в связи со смертью Сталина, прим. А.К.) подорвал основы основ установившегося мировоззрения, новой идеологии, данной людям взамен «бывших» верований. Поиски Ефремова – это попытки склеить рассыпающуюся картину мира. Все заимствования Ефремова пропускаются через особый фильтр – фильтр опыта сталинского времени.¹⁷³

Ефремов «продолжал верить в то, что ничего лучшего для будущего Земли придумать невозможно и поставил себе задачей убедить окружающих, что коммунизм

¹⁷⁰ Ефремов И., Туманность Андромеды, Техника – молодежи, №№ 1–11.

¹⁷¹ За исключением аспекта, связанного с коррекцией природы и животного мира. Однако книга Ефремова была написана еще до начала возникновения движения по защите природы и не вызывала негативных коннотаций, которые неизбежны в наши дни. Напротив, подчинение и управление природой, как правило, без оглядки на последствия, считалось проявлением мощи цивилизации и олицетворением научно-технического прогресса.

¹⁷² В плане многих идей предшествующих Ефремову утопистов и, прежде всего, Уэллса. Ср.: Wells H. G., A Modern Utopia, London, Chapman and Hall, 1905; Wells H. G., Men Like Gods, London, Cassell and Company, 1923.

¹⁷³ Геллер Л., Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, p. 97.

– не унылый фаланстер, не принудилровка, а счастливая, творчески наполненная жизнь для всех».¹⁷⁴ С этой точки зрения генезис раннего творчества Стругацких восходит прежде всего к идеям ефремовской «Туманности...».

На фоне того, что в СССР существовала такая наука как марксизм-ленинизм, в которой научно доказывалось, что приход коммунизма неизбежен, а учеными, например Циолковским, пусть и в духе русской религиозной философии, предсказывалось, что человек непременно покинет Землю и выйдет на путь освоения космоса,¹⁷⁵ то с точки зрения идеологии мир «Туманности...» приобретал уже признаки научного прогноза и вместе с тем становился, пусть далеким, но зримым для общества.

Несмотря на некоторые нападки в прессе, случившиеся, по-видимому, по инерции, роман отстояли, и в дальнейшем он был прочно приписан к золотому фонду советской фантастики. Сила романа заключалась еще и в том, что наряду с пусть умозрительной и противоречивой философской концепцией утопического будущего, представленной Ефремовым, произведение имело развернутый сюжет, наполненный приключениями и психологическими коллизиями персонажей. По этим причинам популярность романа, особенно среди молодежи, была велика.¹⁷⁶

До определенного момента почитателями творчества Ефремова были и братья Стругацкие. Кроме того, Ефремов неоднократно помогал Стругацким и покровительствовал им, написав несколько вступительных статей к их произведениям, а также, имея репутацию маститого мастера, защищал их от нападок в прессе.¹⁷⁷ В контексте сказанного приведу отрывок из статьи Аркадия Стругацкого в газете «Литература и жизнь», отражающий комплементарную реакцию начинающего автора на выход книги Ефремова, а также показывающий общий полит-идеологический фон жизни в СССР конца 50-х годов прошлого века:

Но мечта не стоит на месте. Ее провозвестники, писатели и поэты, тянутся дальше, в коммунистическое будущее мира. [...] В превосходном научно-фантастическом романе «Туманность Андромеды» И. Ефремов показывает нам, что в далеком будущем не прекращается борьба, гигантская благородная борьба Человека против природы. Человек уже не обороняется, он наступает. Эскадры звездолетов летят к далеким мирам, пытливая мысль бросает человека на новое,

¹⁷⁴ Ревич В., Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны, Москва, Институт Востоковедения РАН, 1998, стр. 242.

¹⁷⁵ «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Циолковский К., Труды по ракетной технике, Москва, Оборонгиз, 1947, стр. 323.

¹⁷⁶ Первое книжное издание вышло в издательстве «Молодая гвардия» тиражом 165 тыс. экземпляров. В следующие два года (1958, 1959) книга переиздана дополнительным тиражом 300 тыс. экземпляров.

¹⁷⁷ См. ниже.

невиданное завоевание – на преодоление физической природы пространства и времени. [...] мечта получила мощное научное обоснование. Но она еще остается мечтой. Путь к ее осуществлению лежал через долгие годы большевистского подполья, через залп «Авроры», через создание первого в мире социалистического государства. Он, этот путь, обеспечен был превращением нашей родины из нищей страны в страну «мечтателей и ученых», вооруженную мощной индустрией, мощным сельским хозяйством, обладающую огромными энергетическими возможностями, вырастившую великолепные кадры рабочих, техников и ученых. Нет, совсем не случайно первые вымпелы земель, сброшенные на лунную поверхность, украшены гербом Советского Союза. Именно Советскому государству, которое в силу социалистического строя способно сконцентрировать на решении той или иной проблемы самые лучшие кадры, самые лучшие предприятия и самые лучшие материалы, суждено было стать родиной первых искусственных спутников и космических ракет, как и первой атомной электростанции, первого по мощности ускорителя элементарных частиц, первого атомного ледокола.¹⁷⁸

Как мы видим, инерция пафоса сталинской эпохи до конца не отступала и в 1959 году, когда Аркадий писал эти строки. По-видимому, и сам Аркадий вполне органично чувствует себя в роли пропагандиста. В целом тон статей в советской прессе тех лет повсеместно был выдержан в данной стилистике. Интересно другое. При всем внешнем сохранении атрибутики отправления идеологического ритуала мы наблюдаем трансформацию идеалистическую. Будущее человечества, определенное Ефремовым как мир «мечтателей и ученых» (а не «рабочих и крестьян»), Аркадий проецирует на Советский Союз, и в этом заключается дух нового времени – дух «оттепели».

Пожалуй, для движения шестидесятников, в большинстве своем состоящих именно из мечтателей и ученых, людей еще молодых и энергичных, вовсе не отрицающих коммунизм, а напротив, видящих себя главными его строителями, очень важно было видеть будущее в обновленной, освобожденной от культа личности, дающей перспективы модели развития. Роман Ефремова заметным образом повлиял на Стругацких, побудив придумать свою коммунистическую утопию, свой мир, который позже получит название «Мир Полудня» по названию сборника их рассказов о мире будущего «Возвращение. Полдень, XXII век».¹⁷⁹ Однако это случится немного позже. Первая повесть Стругацких окажется написанной в духе тех же производственных романов социалистического реализма.

¹⁷⁸ Стругацкий А., Исполнение мечты, Литература и жизнь, 16.09.1959, стр. 3.

¹⁷⁹ Первое полное издание: Стругацкий А., Стругацкий Б., Возвращение, Москва, Детгиз, 1962.

Производственная фантастика

Первой повестью начинающих писателей Стругацких стала «Страна багровых туч».¹⁸⁰ Она включила в себя многие идеи и наброски периода их любительских попыток писать. Повесть была закончена в 1958 году, впервые опубликована в 1959 году и благосклонно принята критикой и читателями. Причина, по которой Стругацким удалось обратить на себя внимание, заключалась в том самом попадании в тренд времени, когда научная фантастика, набирая популярность, по своей сути, еще вполне укладывалась в рамки концепции социалистического реализма и производственного романа.¹⁸¹

Новая советская утопия отвечала критериям социалистического реализма и выполняла возложенную на нее задачу по идейной переделке и воспитанию трудящихся в духе социализма. Проекция положительных героев соцреалистической прозы в далекое утопическое будущее не лишало их качеств положительных героев советских производственных романов, быть может потому, что сами эти герои для современников уже были вполне фантастическими фигурами. Их качества – бескомпромиссность, прямолинейность, монолитность и твердокаменность – соответствовали критериям идейного воспитания масс. В этой связи Геллер отмечает:

[...] богатство внутреннего мира утопийцев отнюдь не состоит в многосторонности; наоборот, их отличает необыкновенная единоподнаправленность – все свои силы и великие помыслы они отдают труду, подчиняют труду все другие виды деятельности [...] речь продолжает идти о бесконечно экспансивном технологическом производстве. [...] Все главные качества людей будущего вытекают из их отношения к этому труду – и так они

¹⁸⁰ Первое издание: Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна багровых туч, Москва, Детгиз, 1959.

¹⁸¹ Выдержка из устава Союза советских писателей о методе социалистического реализма: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма», ср. Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934. Стенографический отчет, Москва, 1934, стр. 716.

Об особенностях построения сюжета в произведениях советского производственного романа и подробнее о методе соцреализма см.: Clark Katerina, *The Soviet Novel, History as Ritual*, Chicago/London, The University of Chicago Press, 1981.

О методе соцреализма в советской литературе и искусстве см., например: Petrov Petre M., *Automatic for the Masses: The Death of the Author and the Birth of Socialist Realism*, Toronto, University of Toronto Press, 2015; Clark Katerina, *The Soviet Novel: History as Ritual*, Chicago/London, The University of Chicago Press, 1981; Dobrenko Evgeny, *The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture*, Stanford, Stanford University Press, 2001; Dobrenko Evgeny, *Political Economy of Socialist Realism*, New Haven/London, Yale University Press, 2007; Гюнтер Х., Добренко Е., *Соцреалистический канон*, ред. Гюнтер Х., Добренко Е., Санкт-Петербург, Академический проект, 2000; Suny Ronald G., *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successors States*, New York/Oxford, Oxford University Press, 1998, pp. 269–274; Критический взгляд на метод социалистического реализма: Терц А., *Что такое социалистический реализм*, Париж, Syntaxis, 1988.

сближаются (на новом уровне) с положительными героями соцреалистического, и в первую очередь, производственного романа.¹⁸²

Первая повесть Стругацких «Страна багровых туч» отлично вписывалась в данную тенденцию. Стругацкие тоже воспевают ту гигантскую благородную борьбу человека против природы, о которой пишет Аркадий в своей статье на «Туманность Андромеды».

Герои «Страны багровых туч» сражаются с природой на Венере. Они такие же бескомпромиссные и твердокаменные, готовые пожертвовать собой ради дела, в данном случае – ради экспансии человечества в космос. Тогда, в традициях советской фантастики, Стругацкие еще были озабочены научным элементом в повествовании и уделяли много внимания таким понятиям, как орбита, плотность атмосферы, температура поверхности и прочее, однако, если убрать из повести весь научно-фантастический антураж, то останется производственный роман, повествующий о трудовом подвиге советского человека. Персонажей повести отличает явная декларативность, присущая производственному роману. Несмотря на то, что Стругацким все же удалось выстроить палитру разнохарактерных персонажей, весь конфликт состоит в спорах хорошего с очень хорошим. Приведу лишь один показательный пример такого диалога в тексте повести:

– [...] Ах, Василий, Василий, нет в тебе ни капли поэзии! Совершил такой перелет!.. Нет, ты положительно недостойн такой чести.

Ляхов нахмурился.

– Я, знаешь ли, не спортсмен, – сердито сказал он, – я работник! И не вижу в этом ничего дурного.

– Никто не говорит, что это дурно... – Юрковский поднял к потолку томные глаза. – Но согласись, мон шер, что путь прокладывают обычно... спортсмены, как ты их называешь.

– [...] имейте в виду, государство, наш народ, наше дело ждет от нас не только... вернее, не столько рекордов, сколько урана, тория, трансуранидов. Мы все мечтатели. Но я мечтаю не носиться по пространству подобно мыльному пузырю, а черпать из него все, что может быть полезно... Что в первую очередь необходимо для лучшей жизни людей на Земле, для коммунистического содружества народов. Тащить все в дом, а не транжирить то, что есть дома! В этом наше назначение. И наша поэзия.¹⁸³

Как и свойственно производственному роману, произведение заканчивается в логике жанра – герои повести пройдя через все испытания, пожертвовав жизнями и здоровьем, выполнили свою важную работу.

¹⁸² Геллер Л., Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, p. 153.

¹⁸³ Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью, Москва, Текст, 1992, стр. 85–86.

Позже Борис Стругацкий так отзывался об их первой крупной работе:

Пусть повесть эта останется в фантастике как некий уродливый памятник целой эпохе со всеми ее манерами – с ее горячечным энтузиастом и восторженной глупостью; с ее искренней жаждой добра при полном непонимании, что же это такое – добро; с ее неистовой готовностью к самопожертвованию; с ее жестокостью, идеологической слепотой и классическим оруэлловским двоемыслием. Ибо это было время злобного добра, жизнеутверждающих убийств, фанфарного безмолвия и многодумного безмыслия.¹⁸⁴

Несмотря на то, что авторы не любили эту повесть, находя ее дурновкусной и тенденциозной, по иронии судьбы или, скорее, по логике времени, она удостоилась государственной премии на конкурсе лучшей книги о науке и технике для детей школьного возраста Министерства образования РСФСР в 1959 году.¹⁸⁵

Мир, в котором хочется жить и работать, или Человек Воспитанный

Следующие несколько лет станут очень плодотворными для писателей Стругацких. Начинается период их творчества, для описания которого, как мне представляется, лучше всего подходит слово – утопический. И это будут именно коммунистические утопии. За три года будут написаны пять повестей («Путь на Амальтею» (1959),¹⁸⁶ «Возвращение. Полдень, XXII век» (1960),¹⁸⁷ «Стажеры» (1960),¹⁸⁸ «Далекая Радуга» (1961),¹⁸⁹ «Попытка к бегству» (1962)¹⁹⁰). Как уже было сказано выше, толчком для столь плодотворной работы послужил выход «Туманности Андромеды» Ефремова. Эта книга показала Стругацким, какие широкие творческие возможности и горизонты открываются, если научно-фантастическое произведение не ограничивает себя рамками «фантастики ближнего прицела».

Действие «Страны багровых туч» происходит в конце XX века, то есть в относительно недалеком будущем. Столь недалекий взгляд в будущее (сорок лет) едва ли предоставлял фантастам Стругацким много возможностей. «Туманность Андромеды» заглядывала вперед на целое тысячелетие. В своей новой повести они

¹⁸⁴ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 36.

¹⁸⁵ http://www.rusf.ru/abs/encycly/abs_prem.htm

¹⁸⁶ Первое издание: Стругацкий А., Стругацкий Б., Путь на Амальтею, Москва, Молодая гвардия, 1960, стр. 3–83.

¹⁸⁷ Первое полное издание: Стругацкий А., Стругацкий Б., Возвращение, Москва, Детгиз, 1962.

¹⁸⁸ Первое полное издание: Стругацкий А., Стругацкий Б., Стажеры, Москва, Молодая гвардия, 1962.

¹⁸⁹ Первое издание в сборнике фантастики: Стругацкий А., Стругацкий Б., Далекая Радуга, Новая сигнальная, сост. К. Андреев, Москва, Знание, 1963, стр. 50–156.

¹⁹⁰ Первое издание в антологии фантастики за 1962 год: Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству, Фантастика, 1962 год, сост. К. Андреев, Москва, Молодая гвардия, 1962, стр. 146–261.

решили не заглядывать так далеко, как Ефремов, а ограничиться XXII веком, так и назвав книгу – «Полдень, XXII век».

Мир будущего, созданный в этой повести, состоит из рассказов, описывающих этот мир как бы в приближении отдельных его элементов. Здесь авторы закладывают фундамент, который они будут эксплуатировать долгие годы. По признанию самого Аркадия Стругацкого Всеволоду Ревичу, при написании этой повести они отталкивались прежде всего от картины мира будущего, созданного Ефремовым, а «Полдень...» «писался в прямой, хотя и дружеской полемике с автором «Туманности»»: ¹⁹¹

В «Полдне» мы пытались представить себе, какой будет коммунистическая планета. Конечно, мы отталкивались от «Туманности Андромеды», завидовали Ивану Антоновичу в том, что ему удалось создать такую замечательную картину будущего. Нам она представлялась очень полным отражением самых современных представлений научного коммунизма. Но нам не хватало людей! Мы считали, что «завтрашние» люди будут похожи на нас. ¹⁹²

В этой связи приведу также воспоминания Бориса Стругацкого:

Это было время, когда мы искренне верили в коммунизм как высшую и совершеннейшую стадию развития человеческого общества. [...] Перед мысленным взором нашим громоздился, сверкая и переливаясь, хрустально чистый, тщательно обеззараженный и восхитительно безопасный мир – мир великолепных зданий, ласковых и мирных пейзажей, роскошных пандусов и спиральных спусков, мир невероятного благополучия и благоустроенности, уютный и грандиозный одновременно – но мир этот был пуст и неподвижен [...] В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников – нашими друзьями и близкими, чистыми, честными и добрыми людьми, превыше всего ценящими творческий труд и радость познания... ¹⁹³

Действительно, первая глава сборника и один из рассказов в ней так и называются – «Почти такие же». Речь в нем идет о молодежи. Курсанты «Высшей школы космогации» очень похожи на современников Стругацких. Такая же молодежь – студенты, с теми же проблемами: учеба, любовь, стремление попасть под лучшее распределение. В рассказе практически отсутствует какой-либо фантастический элемент. Стругацкие намеренно стремились показать сходство современников с будущими потомками. Это подтверждается и в письме Аркадия брату от 27.11.1959:

¹⁹¹ Ср. Ревич В., Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны, Москва, Институт Востоковедения РАН, 1998, стр. 361.

¹⁹² Там же, стр. 361–362.

¹⁹³ Ср. Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 59.

Идею «Почти такие же», на мой взгляд, надо сохранить и укрепить. Она держит весь рассказ – сходство и преемственность с нынешней молодежью, только более тонкая, более рыцарская молодежь, чем сейчас, и больше энтузиазма.¹⁹⁴

Главный вопрос, поднятый в этом рассказе, сугубо практический. Ребята спорят о том, нужны ли людям межзвездные полеты, на которые нужно положить всю жизнь по причине большой удаленности звезд друг от друга, в то время, когда еще недостаточно освоены планеты нашей солнечной системы. Такой же вполне практический спор мог бы состояться и у студентов астрофизиков шестидесятых годов прошлого века. Однако Стругацкие переводят этот спор в философский аспект о предопределенности природы человека.

Человек! [...] Сначала он говорит: «Хочу есть». Тогда он еще не человек. А потом он говорит: «Хочу знать». Вот тогда он уже Человек. Ты чувствуешь, который из них с большой буквы? [...] На то он и Человек. [...] Он таков. [...] не лезь против законов природы. Это от нас не зависит. Есть закон: стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать. Неминуемо! Познавать ли звезды, познавать ли детские души...¹⁹⁵

Мысль о том, что тяга человека к познанию как к смыслу жизни и ее предназначению заключена именно в природе человека и в будущем, с развитием человечества, будет восприниматься как закон природы, весьма импонировала Стругацким.

Утопизм ранних Стругацких как раз наиболее сильно выражен не в политическом устройстве коммунистической планеты, а в качествах людей ее населяющих. В отличие от геометрически-холодного и совершенного мира эфремовской «Туманности...» коммунистический мир будущего у Стругацких заселен обычными людьми: ищущими, стремящимися, неуспокоенными, красивыми и некрасивыми. В этом его привлекательность. В отличие от как бы застывшего в своем совершенстве мира эфремовской «Туманности...» в мире Полудня будущее еще не наступило. Там кипит жизнь. Сознательные и мудрые взрослые приобщают к своему делу фонтанирующую энтузиазмом молодежь, стремящуюся попасть на самую сложную и опасную работу. Основным посылом утопии Мира Полудня становится мысль, что все прекрасное, лучшее, прогрессивное – начинается с человека. Для Стругацких именно появление нового человека открывает путь к коммунизму.

¹⁹⁴ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 401–402.

¹⁹⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Полдень, XXII век. Далекая Радуга, Москва, Текст, 1992, стр. 36.

Внешнее описание этого мира мы видим наилучшим образом в рассказе «Самодвижущиеся дороги», поскольку он запечатлен от лица звездолетчика из XXI века, попавшего в XXII век в результате «аномалии с пространством-временем». Суть в том, что протагонист попадает в будущее, и в рассказе описываются его впечатления, и они буквально отражают концепцию Стругацких, заселяющих художественный мир будущего своими современниками:

Праправнуки казались в общем самыми обыкновенными людьми. Пожилые и молодые, высокие и маленькие, красивые и некрасивые. Мужчины и женщины. Не было глубоких стариков. Вообще не было дряхлых и болезненных. И не было детей. И вели себя праправнуки на этой улице очень спокойно и непринужденно, словно принимали у себя дома старых друзей. Нельзя сказать, чтобы все они исходили радостью и счастьем. Кондратьев видел и озабоченные, и усталые, изредка даже просто мрачные лица.¹⁹⁶

Интересно, что Стругацкие описывают город Свердловск XXII века, который в реальности уже в конце XX века будет снова переименован в Екатеринбург. Промышленный город Свердловск в XXII веке утопает в зелени. Вместо улиц там тропинки, вместо заборов – кустарники:

На ступеньках крыльца он остановился. Улицы не было. Прямо от крыльца через густую высокую траву вела утоптанная тропинка. Шагах в десяти она исчезала в зарослях кустарника. За кустарником начинался лес – высокие прямые сосны попеременно с приземистыми, видимо, очень старыми дубами. Вправо и влево уходили чистые голубые стены домов.¹⁹⁷

В городе было тихо. Во всяком случае, не было слышно никаких механических звуков. Кондратьев слышал только голоса да иногда – откуда-то – музыку. Еще шумели кроны деревьев, и изредка доносилось мягкое «фр-р-р» пролетающего птерокара. [...] было очень забавно ходить в громадном городе по тропинкам и песчаным дорожкам, задевая одеждой за ветки кустарника.¹⁹⁸

В целом, следует отметить, что Мир Полудня или коммунистическая Земля XXII века в концепции Стругацких очень экологичен. Это отражено во всех без исключения произведениях данного цикла. Этот мир отличается бережным отношением человека к природе. Обитатели утопии Полудня всегда описываются во взаимодействии с ней. Они то в плывь переплывают кристальной прозрачности озера, то часами бродят в девственной лесной чаще, то изучают глубины морей и океанов, сливаясь с природой в гармоничном сосуществовании. Даже огромные города будущего органично вписаны в пейзажи природы, а люди научились жить с ней в радости и гармонии.

¹⁹⁶ Там же, стр. 76.

¹⁹⁷ Там же, стр. 75.

¹⁹⁸ Там же, стр. 76–77.

По аналогии с тем, что в каждом советском населенном пункте должен быть памятник Ленину, есть он и в Свердловске XXII века:

Стеклянные этажи над вершинами сосен внезапно кончились; гигантская глыба серого гранита выросла впереди [...] На вершине глыбы, вытянув руку над городом, весь подавшись вперед, стоял Ленин – такой же, какой когда-то стоял, да и сейчас, наверное, стоит на площади перед Финляндским вокзалом в Ленинграде. Ленин протягивал руку над этим городом и над этим миром, который он видел два столетия назад... Кондратьев стоял и смотрел, как громадный монумент уходит в голубую дымку над стеклянными крышами.¹⁹⁹

По-видимому, у авторов не вызывало никаких сомнений, что и город Ленинград останется на века Ленинградом.

Мир, представленный Стругацкими в данной повести, в действительности представляет из себя образ счастливого будущего советского человека. Когда материальные блага, возможности и комфорт, наконец, соединяются с социалистическим духом. В этом мире чувствуется и раскрепощенность мысли, и сплоченность коммуны одновременно. В нем есть место должному энтузиазму обитателей коммунистического мира, но есть место и готовности получать его блага. Он привлекателен во многом именно по этой причине.

Все рассказы, описывающие этот мир, наполнены материальными благами, которыми люди этого мира пользуются без стеснения и ненужной рефлексии. Можно даже сказать, что в нем есть некоторый налет западного материального благополучия, как он представлялся в умах советских людей. Здесь есть протагонисты с иностранными именами, как например, возлюбленная Славина Шейла, в образе которой мы не чувствуем закомплексованности, а Горбовскому все время требуется полежать, и делает он это с большой непринужденностью и в любой обстановке, позволяя себе философствовать на тему некоторой полезности праздности бытия.²⁰⁰ И, хотя перед нами люди коммунистического будущего – убежденные энтузиасты, готовые отдать свои жизни делу и обществу, они уже вовсе не такие твердокаменные, как в производственных романах социалистического реализма.

В «Полудне...» Стругацкие впервые затрагивают проблему воспитания, разрабатывают тему учителя и учительства, посвящая этому целый рассказ. Новый мир по Стругацким должен быть построен профессионалами, и самым главным профессионалом своего дела должен быть учитель или наставник. Именно он закладывает в своего воспитанника мировоззрение и навыки для жизни в мире

¹⁹⁹ Там же, стр. 79.

²⁰⁰ Там же, стр. 103, 108, 109, 111, 143, 275.

будущего. Главной задачей учителя является не само образование, а культивация в ребенке интереса к познанию, проходящая в атмосфере любви, дружбы и свободного творчества. Учитель воспитывает лишь небольшую группу сверстников, живущих в школе-интернате, и ведет их через все детство вплоть до выпуска из школы. Учителя и врачи в мире Полудня – самые уважаемые люди на планете.

«В Мировом Совете – шестьдесят процентов учителей и врачей. [...] учителей и врачей все время не хватает, а космолетчиков хоть пруд пруди»,²⁰¹ – делают для себя неожиданное открытие юные воспитанники школы-интернета из рассказа «Заговорщики», мечтающие стать космолетчиками и строящие планы сбежать на Венеру. Их наставник, учитель Тенин,²⁰² заметив их приготовления к побегу, действует нетривиально, с точки зрения современников Стругацких. Ничем не выдав своей осведомленности о замысле подростков, он изучает все сведения о Венере и в непринужденной беседе дает им понять, что их знаний далеко недостаточно для данного мероприятия, тем самым мягко подталкивая их самостоятельно отказаться от этой затеи. Не навредить, не уязвить самолюбие воспитанников, не разрушить их веру в себя, не охладить их пламенные юные сердца – в этом его главная задача. Такой подход заметно контрастировал с тем, с чем сталкивались их реальные сверстники и читатели данной повести в советской школе, система обучения и воспитания которой, скорее, тяготела к подавлению проявлений свободомыслия и, зачастую, стремилась к всеобщей усредненности.

Отсутствие материальных проблем у человека в будущем коммунистическом обществе направляет его энергию на выполнение интересной работы, на решение сложных задач. В течение жизни нередко люди изучают новые профессии, следуя своим интересам и пониманию своего долга, а чувство долга, в свою очередь, заложено всей атмосферой процесса воспитания. Именно проблема воспитания является для Стругацких краеугольным камнем эволюционного скачка человека. В воспитании коренится весь груз неразрешенных проблем человечества.

Пафос ранних Стругацких устремлен мыслями в будущее. Парадоксально, но в мыслях о коммунистическом будущем Стругацкие совпадают с русскими религиозными философами-мистиками XX века. По-видимому, это связано с модным в те годы в интеллигентской среде увлечением эзотерикой.²⁰³ Вайль и Генис

²⁰¹ Там же, стр. 46.

²⁰² Фамилия персонажа наталкивает на следующую аллюзию – учитель неавторитарен, он ненавязчив, он как бы тень своих учеников, но в то же время, является их неотъемлемой частью.

²⁰³ Ср.: Belyaev Demyan, Rätselhafte Phänomene: Heterodox-religiöse Subkultur in Russland, in Osteuropa, 2009, Vol. 59, № 9, S. 150–151; Менцель Б., Оккультные и эзотерические движения в России в 1960-х

связывают этот парадокс как раз с тягой к утопическому мышлению советской интеллигенции:

Как ни парадоксально, восточная ориентация части советской интеллигенции, породившая волну увлечения йогой и буддизмом, продолжала утопическую линию коммунаров ранних 60-х с ее отправной точкой – наукой. Фантастическое доверие к науке привело к развитию мистики.²⁰⁴

Так и у Стругацких – «космодесантник» Горбовский почему-то цитирует Николая Рериха и его строки из «Агни-Йоги»:

Для будущего мы встаем ото сна. [...] Для будущего обновляем покровы. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы... Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени.²⁰⁵

А персонаж рассказа «Скатерть-самобранка», «структуральный лингвист» Шейла, транслируют мысли Николая Федорова о будущем человека как существа вселенского, которому подвластны законы природы и уготована жизнь в космическом пространстве:

Мы и сами этого пока еще как следует не понимаем. Ведь это мечта. Человек Всемогущий. Хозяин каждого атома во Вселенной. [...] Человек Всемогущий будет обитать во Вселенной. Как мы с тобой в этой комнате.²⁰⁶

Конструируя утопическое коммунистическое будущее, авторы поднимают вопрос об ответственности настоящего перед грядущим. В заключительном рассказе повести «Какими вы будете» эта мысль явно прослеживается. Стругацкие подчеркивают: чтобы описанное в повести прекрасное будущее наступило, нужно прикладывать усилия уже сейчас. И потомок, пришедший на помощь своим предкам в «сказке», которую рассказывает Горбовский, напоминает об этом:

[...] вы, говорит, товарищи, на правильном пути. Вы нам нравитесь. Мы, говорит, в вас верим. Вы только помните, если вы будете такими, какими собираетесь быть, то и мы станем такими, какие мы есть. И какими вы, следовательно, будете.²⁰⁷

Ранние Стругацкие – это живая коммунистическая утопия, которую вполне можно представить гипотетически и даже примерить на себя. Этот мир наглядно показывал конечную точку на пути к ней, привлекательность которой, однако, была

– 1980-х годах, пер. А. Ташинского, Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры, Русское издание, № 1, 2013, стр. 195–227; Об истории движения последователей Николая Рериха в России и СССР см. Lunkin Roman, Filatov Sergei, The Rerikh Movement: A Homegrown Russian “New Religious Movement”, in Religion, State & Society, 2000, Vol. 28, № 1, pp. 135–148.

²⁰⁴ Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998, стр. 269.

²⁰⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Полдень, XXII век. Далекая Радуга, Москва, Текст, 1992, стр. 284; Рерих Н., Агни-Йога, Москва, АСТ, 2021, стр. 5.

²⁰⁶ Там же, стр. 88–89.

²⁰⁷ Там же, стр. 284.

во многом обусловлена описанным в повести бытовым комфортом и атмосферой свободы.

Конечно, отсутствие конфликта в утопическом коммунистическом обществе беспокоило авторов. Было непонятно, что будет двигать это общество вперед. Отсутствие фундаментальных противоречий в этом мире должно привести его к стагнации, к концу человеческой истории.²⁰⁸ По воспоминаниям Бориса Стругацкого, дилемму отсутствия конфликтности в утопическом мире Полудня Стругацкие решили для себя следующим образом:

В конце концов мы пришли к мысли, что строим отнюдь не Мир, который Должен Быть, и уж конечно не Мир, который Обязательно Когда-нибудь Наступит, – мы строим Мир, в котором НАМ ХОТЕЛОСЬ бы ЖИТЬ и РАБОТАТЬ, и ничего более. Мы совершенно снимали с себя обязанность доказывать ВОЗМОЖНОСТЬ и уж тем более НЕИЗБЕЖНОСТЬ такого мира.²⁰⁹

Однако если обратиться к тексту повести, коммунизм для Стругацких тех лет – это неизбежная форма общественных отношений в будущем и лишь начало пути по новой ветви спирали, устремленной во вселенское будущее человечества. Приведу отрывок из монолога одного из персонажей повести:

[...] мое воображение всегда поражала ленинская идея о развитии человечества по спирали. От первобытного коммунизма нищих через голод, кровь, войны, через сумасшедшие несправедливости – к коммунизму неисчислимых духовных и материальных богатств. [...] Вы понимаете, с коммунизма человек начал и к коммунизму он вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали, ветвь совершенно уже фантастическая...²¹⁰

Чтение Стругацких вдохновляло на работу, рисовало будущее, которое желали все. В таком мире хотели жить и работать не только Стругацкие. Реалистичность и обыденность этого мира, в отличие от ефремовского мира «Туманности Андромеды», создавали иллюзию, что до этого мира лишь один шаг, нужно только стать такими, как эти люди из будущего. Эзра Глинтер в этой связи отмечает, что братья Стругацкие в начале своей карьеры были лучшими социалистическими утопистами своего времени.²¹¹

²⁰⁸ О проблеме постистории (posthistoire) см., например, Steenblock Volker, Das «Ende der Geschichte»: Zur Karriere von Begriff und Denkvorstellung im 20. Jahrhundert, Archiv für Begriffsgeschichte, Vol. 37, 1994, S. 333–351.

²⁰⁹ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 61–62.

²¹⁰ Стругацкий А. Стругацкий Б., Полдень, XXII век. Далекая Радуга, Москва: Изд. Текст, 1992, стр. 284.

²¹¹ «[...] at the beginning of their career, the Strugatsky brothers were the best socialist utopian in the game»: ср. Gliner Ezra, Old-Time Socialist Utopia, The Paris Review, May 11, 2015. (<https://www.theparisreview.org/blog/2015/05/11/give-me-that-old-time-socialist-utopia/>).

Стругацким органически удалось ощутить и угадать веяние времени, изменения в помыслах и мотивации немалой части их современников. Начав свое творчество в традициях адаптированного к научной фантастике соцреализма, со временем им удалось облечь в литературную форму идеи и чаянья поколения ученых и инженеров, которое начало выходить на первый план в связи с успехами СССР в космосе и на многих других направлениях научной работы. Homo sovieticus – революционер заменялся на homo sovieticus – созидатель. Такая модель обещала мир и процветание, намекая на разрядку и подтягивая на авансцену образ нового героя – героя-ученого, героя-интеллекта, героя-первооткрывателя.²¹²

Приключенческая романтика освоения космоса, осуществляемая в атмосфере бескорыстного научного поиска людьми коммунистического будущего, придавала социалистическим идеям дополнительный гуманистический посыл и перспективу. Моральные и этические вопросы, поднятые в произведениях ранних Стругацких, сводящиеся к проблеме выбора между хорошим и очень хорошим, тешили надежды советской технократии 50-х годов, позволяя фантазировать о будущем в позитивистском ключе, подтверждая правильность вектора развития советского проекта. Все это прекрасно вписывалось в новую парадигму доктрины научно-технического прогресса, призванного одержать «окончательную» победу коммунизма над капитализмом и ставящего техническую и научную интеллигенцию в авангарде этой борьбы.²¹³ Впервые после октябрьской революции роль архитектора будущей коммунистической утопии была отдана представителям класса интеллигенции, и наступающая оттепель была тому подтверждением.

Еще больше оснований для оптимизма советскому обществу дал XXII Съезд партии.

Моральный кодекс строителя коммунизма и поиск предназначения

В конце 1961 года проходит XXII Съезд КПСС. Этот съезд стал знаковым событием для страны благодаря трем основным причинам.

Во-первых, в ходе съезда был существенно увеличен объем разоблачений деятельности Сталина на посту руководителя СССР, и было принято решение о

²¹² О популяризации науки и фигуры ученого в общественном дискурсе см.: Zubok Vladislav, *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*, Cambridge/London, The Belknap Press, of Harvard University Press, 2009, pp. 131–140.

²¹³ Ср. Csicsery-Ronay Istvan Jr., *Towards the Last Fairy Tale: On the Fairy-Tale Paradigm in the Strugatsky's Science Fiction, 1963–72*, *Science Fiction Studies*, Vol. 13, №. 1, Mar. 1986, pp. 5–6.

выносе его тела из Мавзолея. Кроме того, в результате решений съезда началась работа по переименованию населенных пунктов и объектов, названных в честь Сталина, включая снос установленных в его честь памятников. Впервые на страницах газет и по радиовещанию были представлены подробности преступлений сталинского режима.

Во-вторых, была принята Третья Программа КПСС²¹⁴ – программа построения коммунистического общества, и людям было объявлено, что уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.²¹⁵

В-третьих, был сформулирован так называемый «Кодекс Строителя Коммунизма», которого должны придерживаться граждане страны, чтобы достичь коммунистического общества в обозримом недалеком будущем.²¹⁶

Не будет преувеличением сказать, что этот съезд радикальным образом изменил атмосферу в обществе. Наконец, населению было официально объявлено, куда движется страна, и были представлены сроки и инструменты для достижения данной цели. И каким бы фантастическим ни выглядел предстоящий путь, Съезд и Третья Программа КПСС дали толчок к существенным изменениям в мироощущении жителей советской страны.

Была поставлена точка в оценке деятельности Сталина, а место в Мавзолее окончательно было закреплено за одним единственным и неоспоримым вождем – Лениным, тем самым завершив в умах людей определенный исторический период, возврата к которому не будет. Достаточно вспомнить стихотворение Евгения Евтушенко, для многих являвшегося глашатаем своего поколения, написанное как реакция на вынос тела Сталина из Мавзолея и его захоронение у кремлевской стены.²¹⁷ Этому способствовала и последующая волна мемуаров,²¹⁸ которая как бы делала законченным эпизодом историю страны в период от Ленина до Хрущева. Это

²¹⁴ Текст новой Программы КПСС попал в газеты уже 30.07.1961, за три месяца до его принятия на съезде.

²¹⁵ Ср., например, передовицу газеты «Советская культура» от 01.08.1961: <https://portal-kultura.ru/upload/iblock/963/1961.08.01.pdf>

²¹⁶ Ср.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет, тт. 1-3, Москва, Госполитиздат, 1962.

²¹⁷ Имеется в виду стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина» (1961), в котором есть следующие строки: «А гроб чуть дымился. Дыханье из гроба текло, когда выносили его из дверей мавзолея. [...] И я обращаюсь к правительству нашему с просьбою: удвоить, утроить у этой стены караул, чтоб Сталин не встал и со Сталиным – прошлое.» См. Евтушенко Е., Граждане послушайте меня..., Москва, Художественная литература, 1989, стр. 415–417. Впервые опубликовано в газете «Правда» от 21.10.1962.

²¹⁸ Например: Эренбург «Люди, годы, жизнь» (1960–1967), Паустовский «Повесть о жизни» (1962), Шкловский «Жили-были» (1966), Катаев «Трава забвения» (1968).

был новый шаг к утопии, которая уже виделась на горизонте, образ которой начал укореняться в сознании советского человека.

Новая программа КПСС обещала построить коммунизм, и эта задача, собственно говоря, уже была выполнена самим произнесением сакральных слов: «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!» Строительство утопии – и есть воплощение утопии, так как все, что для этого нужно, – наличие цели и вера.²¹⁹

История начиналась заново – чистая, светлая, захватывающая дух. Новая Программа КПСС, скорее, походила на художественную утопию, чем на научную экономическую программу, тем самым открывая бескрайние возможности для фантазии.

Можно выделить три основные цели, намеченные Программой: построение материально-технической базы, создание новых производственных отношений и воспитание нового человека. Достижение этих, достаточно эфемерных, целей и должно было привести советское общество к не менее эфемерному коммунизму. Как такое целеполагание влияло на общество, в особенности на советскую молодежь, которая, как предполагалось, уже точно будет жить при коммунизме, не трудно представить. Но как построить коммунизм так скоро? Кто будет его строителями?

Ставка была сделана на воспитание нового человека, обладающего новыми моральными качествами – качествами строителя коммунизма. В тексте программы появляется «Моральный кодекс строителя коммунизма». Однако после прочтения текста Третьей Программы КПСС, становится более или менее очевидно, что строительство коммунизма на данном этапе не было вопросом практической реализации. Достаточно было взглянуть в окно и убедиться, что за двадцать лет невозможно прийти к коммунизму. Это было скорее вопросом веры. Возможно поэтому, моральный кодекс строителя коммунизма во многом выглядит советским аналогом библейских заповедей и Нагорной проповеди. Для сравнения приведу его положения:

1. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.
2. Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
3. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.
4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.
5. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.
6. Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.

²¹⁹ Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998, стр. 12.

7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.
8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.
9. Непримируемость к несправедливости, тунеядству, дурости, нечестности, карьеризму, стяжательству.
10. Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.
11. Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.
12. Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.²²⁰

Моральный кодекс строителя коммунизма висел на доске почета каждого советского учреждения, от детских садов до академии наук, и призван был воплотить задачу по воспитанию нового человека, обозначенную в III программе КПСС.

Как уже было показано, тема воспитания нового человека в значительной степени занимала и братьев Стругацких. Кроме того, программа партии, провозглашая строительство коммунизма, провозглашала строительство общества, целью и смыслом которого является творческое преобразование мира, и здесь полностью совпадая с чаяниями Стругацких о мире людей, занимающихся творческой работой, коей может быть: и научные изыскания ученого, и творческий поиск художника, и стремление к рекордам спортсмена, и глубокие размышления мыслителя. Путь к коммунистической утопии был открыт. Оставалось только изжить некоторые недостатки.

В этой связи следует отметить стремление Стругацких не просто к литературной деятельности, а их особое внимание к воспитательному аспекту, который, в особенности на раннем этапе, они вкладывали в свое творчество. В этот период они уделяют много внимания своей околослитературной деятельности.

Начав печататься и приобретая все большую популярность, понимая литературу как возможность влияния на умы значительного количества людей, Стругацкие пытаются обеспечить себя и соответствующей трибуной. В рамках научной фантастики это было сделать крайне сложно.

Что представлял из себя жанр научной фантастики с точки зрения советских литературоведов и критиков? Как уже было отмечено, в СССР в этот период данный жанр воспринимался исключительно как литература для детей и подростков, призванная показать последние научные тенденции и стимулировать интерес школьника к науке и технике. Иными словами, научная фантастика воспринималась

²²⁰ См. пункт «Утверждение коммунистической морали», III Программа КПСС.

исключительно как детско-юношеская литература. Стругацкие решили изменить данное положение вещей.

К концу 1962 года Стругацкие уже не новички в литературной среде. К этому времени у них складывается определенная концепция в отношении своего творчества, избранного ими жанра, задач, которые они ставят перед собой в литературе. Они четко осознают, что им становится тесно в рамках научной фантастики. Стругацкие делают попытку отвоевать себе место в так называемой «большой литературе». Поскольку в советском литературном мире они причислены именно к авторам научной-фантастики, Стругацкие пытаются показать и доказать, что ошибочно считать научную-фантастику «недолитературой».

В 1962 году братья готовят два доклада на тему места научной фантастики в литературе. Первый доклад был прочитан на международном совещании в редакции журнала «Техника – Молодежи», второй доклад – на совещании «Московского общества молодых писателей фантастов». В этих докладах Стругацкие пытаются донести до литературного и издательского сообщества свою концепцию видения роли и места научной фантастики в советской литературе и доказать, что время «фантастики ближнего прицела» прошло, и что фантастический элемент в произведениях писателей фантастов нужно считать лишь методом, использованным автором для воплощения идей, которые он хочет донести до читателя. В общем и целом, это была попытка дать литературоведческое обоснование изменению направления развития жанра научной-фантастики с псевдоприкладной в сторону социально-философской или приключенческой тематики, что давало возможность определенной легитимации последних тенденций в данном жанре с точки зрения облегчения публикации написанных произведений и иного отношения к ним критики и цензуры.

Учитывая современные тенденции к жанровому и идейному усложнению научной-фантастики, Стругацкие интуитивно стремились обернуть эти тенденции как в свою пользу, так и в пользу других прогрессивных писателей фантастов. Оба доклада для Стругацких тех лет можно считать программными, отражающими их воззрения в отношении задач и методов литературы в целом и жанра научной-фантастики в частности.

Приведу некоторые выдержки из них. Прежде всего Стругацкие пытаются отстраниться от термина «научная фантастика» в пользу более общего термина «фантастика», дать новое определение данного термина:

Мы могли бы определить научную фантастику по БСЭ:²²¹ литература о фантастических достижениях науки будущего. Но наша идейная позиция заключается как раз в том, что фантастика должна быть полноправной частью большой литературы. Поэтому мы определяем научную фантастику следующим образом:

Фантастика есть литература о человеке в необычайных с точки зрения читателя обстоятельствах, причем необычайность достигается либо экстраполяцией новейших научно-технических идей до их осуществления, либо отражением в образах разного рода философских, политических и моральных абстракций, либо введением сверхъестественного элемента.

[...] наше определение отражает крайнюю неудачность, с нашей точки зрения, самого термина «научная фантастика». Этот термин необычайно сужает сферу ответственности жанра и вызывает массу кривотолков и недоразумений у писателей, у читателей, у издателей и критиков. Поэтому мы намерены везде в дальнейшем пользоваться термином «фантастика», отбросив неправомерное определение «научная».²²²

Кроме того, Стругацкие утверждают, что фантастика как жанр литературы наиболее соответствует времени, поскольку способна дать многое читателю именно в период скачка научно-технического прогресса. Они отмечают, что развитие науки и техники влечет за собой появление нового типа героя – ученого, инженера. Его деятельность должна быть отражена в литературе, и фантастический жанр предоставляет для этого огромные возможности.

Приведу отрывок, показывающий отношение Стругацких к научной и технической интеллигенции и важность, по их мнению, появления данных героев в советской литературе:

Прием экстраполяции научно-технических идей до их осуществления оказывается наиболее плодотворным при разработке чрезвычайно важной темы: деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки. Эта тема (вернее, область тем) важна прежде всего потому, что позволяет очень естественно создать образ истинного героя нашего времени – ученого, научного сотрудника, инженера, следопыта науки, – героя, который в наше время гигантских успехов физики и биологии и еще более гигантских перспектив этих наук, давно уже справедливо претендует на ведущее место в литературе наряду с целинником, колхозником и рабочим. [...] Несоответствие роли ученого в нашей жизни вниманию, уделяемому ему нашей литературой, становится особенно нелепой, если вспомнить, что для настоящего литератора такой герой просто находка, настолько он нов, нетрадиционен и неизучен, в сравнении с избитыми классическими образцами.²²³

²²¹ Большая Советская Энциклопедия.

²²² Бондаренко С., Курильский В., Известные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 586.

²²³ Там же, стр. 589.

Подбираются Стругацкие и к теме философской фантастики, вкладывая в нее функцию подготовки путей к осознанию проблем построения коммунизма и философскому осмыслению его возможных внутренних конфликтов.

Прием отражения в образах абстрактных идей чаще всего применяется в философской фантастике. Эта тематическая область была у нас искони предана забвению. И это позор для советской литературы. Главнейшая и важнейшая тема: сущность и философия коммунизма, сущность и философия коммуниста начала по-настоящему разрабатываться буквально несколько лет назад. [...] Дать весомо и зримо облик грядущего, для которого мы все работаем, показать настоящего человека в достойного настоящего человека обстановке, освобожденного от забот о куске хлеба, от давления глупости и пошлости, от тяжелой пяты бюрократизма, – вот задача для советского фантаста. Какой простор для мыслей, для воображения, для принципиально новых методов раскрытия образов. [...] Меняется сам принцип человеческих коллизий. Уже не добро борется со злом, а сталкиваются два положительных героя... А всем этим миром грядущего коммунизма правит уже не стремление к благосостоянию, а стремление к знанию.²²⁴

Данный доклад ценен еще и тем, что здесь мы видим определение Стругацкими своей читательской аудитории, то есть круга читателей, для которого они пишут, к кому обращают свое творчество:

Наш читатель. Это огромная армия людей. Их миллионы и миллионы. Это цвет народа, самое сильное и самое многообещающее из того, что в нем есть. Это, если так можно выразиться, творческий пласт государства. Это научные работники, квалифицированные рабочие, агрономы, студенты, учителя, врачи, школьники старших классов – преимущественно молодой народ в возрасте от тринадцати до сорока лет с образованием не ниже семи классов и не забывшие к сорока годам то, чему их учили в тринадцать. Это люди, общая подготовка которых дает им возможность не спотыкаться на элементарной терминологии современной науки, интересоваться не только сюжетом, но и идеями автора, люди с молодым воображением, способные хотя бы в принципе задумываться, сомневаться и быть справедливыми. Одним словом, современная молодежь. Это народ насмешливый, скептический, они терпеть не могут писать в редакции письма или торчать на скучных читательских конференциях. Они остро чувствуют современность и требуют современности во всем, начиная с литературной стороны и кончая идейной.²²⁵

Таким образом, адресатом своего творчества Стругацкие видят в первую очередь молодых представителей советской интеллигенции, то есть людей, которым и предстоит строить коммунизм в той самой отдельно взятой стране. Именно их пытаются Стругацкие научить сомневаться и думать своей головой, научить тяге к познанию и отращению к мещанству.

²²⁴ Там же, стр. 590–591.

²²⁵ Там же, стр. 599.

* * *

Резюмируя сказанное в первой главе, с точки зрения заданного предмета исследования, можно выделить следующие элементы:

1. Братья Стругацкие происходили из семьи советских интеллигентов. В соответствии с их воспитанием и образованием им самим был присущ интерес к познанию и творческому труду.
2. Несмотря на различие их жизненного опыта, полученного в молодые годы, у них сложились схожие интересы и мировоззрение. В сталинские годы и до XX Съезда КПСС, на котором был разоблачен культ личности Сталина, Стругацкие, как и абсолютное большинство советских людей, были убежденными сталинистами, были склонны к пафосу героизации советского народа, государства и его руководства.
3. Начало совместного творчества Стругацких исторически совпало с началом хрущевской оттепели. На фоне всплеска в СССР общественного интереса к науке, техническому прогрессу и позитивному знанию, значительно вырос интерес к литературному жанру научной фантастики, что открыло Стругацким как писателям-фантастам дорогу в печать. Однако ранние их произведения отмечены печатью метода социалистического реализма: они схожи и сюжетно и идеологически с производственным романом.
4. Выход в 1957 году коммунистической утопии Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» побудил Стругацких придумать вариант собственного мира коммунистического будущего, получившего название «Мир Полудня». Он станет основой многих последующих произведений Стругацких и привлечет огромное внимание читателей как желанный вариант будущего – «мир, в котором хочется жить и работать».
5. В эти годы Стругацкие видят себя авангардом прогрессивных идей общественного развития, берут на себя роль воспитания масс в духе коммунистического строительства, пропагандируют научный и творческий труд как неотъемлемый фактор прогресса на пути в коммунистическое будущее народов.

Далее мы увидим, как данные идеи Стругацких в процессе их воплощения и на фоне дальнейших исторических событий постепенно теряют заданную авторами степень оптимизма и приобретают антиутопические черты. Проследим за тем, как у

Стругацких появляется критический взгляд на прогресс, власть, массового человека и интеллигенцию.

Глава 2: Поиск конфликта и первые признаки антиутопии

Не охотиться за другими людьми –
это Закон. Разве мы не люди?
(Г. Д. Уэллс, «Остров доктора Моро»)

«Попытка к бегству» или другая фантастика

В книге «Перекресток утопий» Всеволод Ревич отмечает:

[...] в «Стране багровых туч», в «Пути на Амальтею», в «Извне», в первых рассказах Стругацкие еще не стали Стругацкими. Чего же не доставало? Были в их книгах захватывающие приключения, были хорошие люди и остроумный диалог, но не было большой человеческой, философской «озадаченности».²²⁶

В статье «Стругацкие и принцип неопределенности» Марк Амусин пишет:

Общепризнанным фирменным знаком прозы Стругацких всегда считались их знаменитые финалы – открытые, обрывистые, оставлявшие читателя несколько ошеломленным и задумавшимся о странном... А теперь, оглядывая более спокойно и основательно сочинения Стругацких, я начинаю понимать: самое своеобразное, пожалуй, даже беспрецедентное в их поэтике – это как раз исходные посылки, фантастические допущения, «идеобразы». При внимательном рассмотрении поражает, насколько стартовые конструкции Стругацких эффектны, ярки, дразняще-завлекательны – и одновременно зыбки, внутренне противоречивы, «неконсистентны».²²⁷

Действительно, произведения Стругацких, зачастую, выделяются немислимыми исходными посылками и допущениями. Однако это утверждение неприменимо к их ранним произведениям, отмеченным либо явными параллелями с производственным романом социалистического реализма, либо написанным под влиянием и в полемике с утопией Ефремова «Гуманность Андромеды» (см. выше). По-видимому, Марк Амусин, как, впрочем, считали и сами Стругацкие,²²⁸ полагает, что «настоящие Стругацкие» начинаются с повести, в которой все эти немислимые «исходные посылки» есть, а именно с «Попытки к бегству». Того же мнения придерживается и Всеволод Ревич, называя эту повесть поворотной в творчестве Стругацких.²²⁹

²²⁶ Ревич В., Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны, Москва, Институт Востоковедения РАН, 1998, стр. 361.

²²⁷ Амусин М., Стругацкие и принцип неопределенности, Нева, 2005, № 4, стр. 190.

²²⁸ Ср. слова Бориса Стругацкого: «Сами авторы дружно считали, что «настоящие Стругацкие» начинаются именно с этой повести.» Стругацкий Б. Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 74.

²²⁹ Ревич В., Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны, Москва, Институт Востоковедения РАН, 1998, стр. 363.

Почему авторы начали писать по-другому? Откуда взялась эта печать неопределенности и философская «озадаченность»? По-видимому, проблема отсутствия конфликта в прекрасном утопическом мире Полудня, с которой они со временем столкнулись, не давала более возможности для полноценного развития сюжета. Тема была исчерпана, и Стругацкие убедились, что дальнейшее ее развитие не ведет никуда. И если в написанных до этого «Стажерах» им удалось оживить утопическое завтра за счет перипетий сюжета, где есть: путешествие, фигура новичка, противопоставленная бывалым профессионалам, линия инспектора и даже определенные мировоззренческие споры с представителями капиталистических осколков земной цивилизации, то в дальнейшем по поводу Мира Полудня Стругацким сказать было просто нечего. Попытка написать очередную повесть, основываясь на тех же посылах, потерпела неудачу и привела авторов к творческому кризису, о котором Борис Стругацкий вспоминал:

Почти сразу возник некий эмоциональный, а потом и логический тупик, писать стало трудно, вязко, тяжело, скучно. Написано было уже две или три главки, страниц двадцать, но ощущение тупика не проходило, оно усиливалось с каждой страницей. Стало ясно, что писать этот сюжет мы не хотим. Писать его неинтересно. [...] Работа остановилась. [...] Перед нами была стена – мрачная и абсолютно непроницаемая, и за этой стеной ничего не было видно. Это была УТРАТА ЦЕЛИ. [...] Ощущение безысходности и отчаянья, обрушившиеся на меня тогда, я запомнил очень хорошо – и сухость во рту, и судорогу мыслей, и болезненный звон в пустой башке... Но совершенно не помню, кого из нас осенила эта гениальная идея: сделать дядьку-психолога пришельцем из прошлого «...А как он туда попал, в XXII век?» – «А никак. Тошно ему здесь стало, он и сбежал...».²³⁰

С этого момента их тексты станут другими. Освободившись от необходимости реалистичных, научных или псевдонаучных объяснений, окончательно отбросив якоря социалистического реализма и логических условностей, нащупав для себя новый вид конфликта и новый тип героя, они ставят задачу в чистом виде, предлагая при этом немислимые исходные. Держит повествование приключенческий сюжет, в котором присутствует логика событий. С этого момента их фантастика перестает быть «научной». Она становится социально-философской.

«Попытка...» – это наше первое произведение, где пересеклись Прошлое, Настоящее и Будущее, и мы впервые поняли, насколько эффективно и продуктивно – в чисто литературно-художественном плане – такое пересечение.²³¹

²³⁰ Ср. Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 76–78.

²³¹ Там же, стр. 74.

С этой точки зрения можно сказать, что именно в 1962 году для многих в СССР происходит рождение нового советского писателя, а сама повесть буквально как дорожная карта отражается во всем их дальнейшем творчестве, в том смысле, что в ней есть зачатки всех самых важных тем и приемов, свойственных «настоящим Стругацким».

Действительно, начиная с первого абзаца этой книги, мы видим существенную разницу между «Попыткой к бегству» и предшествующими повестями. Авторы стараются задать тон с самых первых строк, явно экспериментируя со стилем и пытаясь выйти из привычного канона.²³² Приметы будущего даны мимоходом, без разъяснений – как данность: космический корабль, ремонтирующийся вертолет, планируется выезд на охоту на далекую планету. Все это описывается так обыденно, будто речь идет о простом выезде за город, на природу. Отсутствует присущий фантастике тех лет пафос героизма. Предметы будущего не вызывают никаких эмоций, на них не заостряется никого внимания, они не отвлекают от хода повествования. Вся фантастическая атрибутика служит фоном, а не причиной. Такой художественный ход был далеко не типичен для советской фантастики. Это был перелом и революция. Такой фантастики в СССР не было.

Кроме того, логически ничем не обоснованное появление в XXII веке советского солдата времен Второй Мировой Войны – узника нацистского концлагеря²³³ Саула²³⁴ Репнина – и его путешествие на далекую планету вместе с жителями мира Полудня Вадимом и Антоном было литературным ходом настолько неожиданным для советской фантастики тех лет, что это исключало возможность приписывать данное произведение к самому жанру советской научной фантастики. Наличие на этой планете гуманоидов, ничем не отличающихся внешне и по психологии от землян, усугубляло это впечатление многократно, поскольку, если в советской фантастике тех лет и появлялись инопланетяне – это были, в основном, вариации на тему «зеленых человечков».

²³² Повесть начинается с прямой речи; в третьем предложении, в одной фразе повторяется три раза глагол «быть»; пятое предложение длиной тринадцать строк.

²³³ Примечательно, что в первой версии повести это был сталинский колымский лагерь. Позже они были вынуждены заменить сталинский лагерь на нацистский концлагерь по требованию редакции издательства «Молодая Гвардия»: Ср. Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 78–79.

²³⁴ Стругацкие дают главному герою своей повести древнееврейское имя Саул, которое в переводе означает «испрошенный» или «одолженный» (у Бога). Возникает вопрос, насколько им было известна ветхозаветная история царя Саула и его судьба? Мне представляется, что это не случайное совпадение, а трагический мотив несоответствия человека его предназначению, прослеживающийся в истории царя Саула, имеет параллели с судьбой героя повести Стругацких.

Фантастический мир здесь является картиной человеческой реальности, подсвеченной в несколько ином свете – кривым зеркалом, в котором мы можем увидеть себя с непривычной, необычной стороны. То есть создана иная конструкция или модель мира, в которой действуют именно люди, поставленные в определенные, нужные для автора обстоятельства, а фантастический сюжет помогает автору ставить проблему в чистом виде.

Стругацкие рисуют цивилизацию аборигенов отсталой, находящейся на феодальном уровне развития общественных отношений. Показательным является то, что первым, с чем сталкиваются Саул и его спутники по прибытию на планету, становится затерянный среди снежной пустыни лагерь заключенных, устроенный аборигенами. То, как Стругацкие описывают заключенных, отсылает нас к картинам, знакомым по лагерной прозе или по описанию нацистских концлагерей смерти. И пусть лагерь смерти Стругацкие помещают на другую планету, ужас и переданная атмосфера безысходности, в которой находятся заключенные, довольно ярко отражает земную реальность. Кроме того, в центр повествования они помещают Саула – советского солдата и еврея по национальности, таким образом делая отсылку и к Холокосту, и к ГУЛАГУ.

Интересен тот факт, что Стругацким удалось довольно правдоподобное описание концентрационного лагеря. При этом, важно отметить, что лагерной прозы Шаламова и Солженицына до написания повести они еще читать не могли. «Один день Ивана Денисовича» вышел в «Новом мире» только в ноябре 1962 года, когда повесть Стругацких уже была закончена, а «Колымские рассказы» Шаламова увидели свет гораздо позже. Маловероятно, что к моменту написания повести они уже успели ознакомиться со свидетельствами Примо Леви о его опыте заключения в Освенциме, однако исключать полностью такую возможность нельзя. Возможно, они могли читать книгу Леви на английском, поскольку английский перевод вышел на западе еще в 1959 году.²³⁵ Лагерную прозу Тадеуша Боровского они, скорее всего, тоже не читали, поскольку к 1962 году в СССР была издана только его незавершенная повесть «Наставления его преподобия» о борьбе с вредителями и бандитами, препятствующими строительству польского социалистического государства.²³⁶

²³⁵ Levi Primo, *Se questo è un uomo*, Torino, De Silva, 1947. В английском переводе: Levi Primo, *If This Is a Man*, New York, The Orion Press, 1959; Levi Primo, *Survival in Auschwitz*, New York, Collier, 1961.

²³⁶ Ср. Боровский Т., *Наставления его преподобия*, пер. М. Абкиной, *Иностранная литература*, 1955, № 2, стр. 124–151.

Проблема освещения темы Холокоста состояла в том, что в СССР, как в военные, так и послевоенные годы, сам факт уничтожения евреев по национальному признаку подвергался замалчиванию и был табуирован в общественном дискурсе.²³⁷ Новаторство Стругацких в освещении темы Холокоста для русскоязычной аудитории отмечает и Марат Гринберг, говоря, что в «Попытке к бегству», под видом научной фантастики, братья сознательно внедряют тему Холокоста в советский литературный дискурс, подрывая тем самым царившее вокруг этой темы молчание.²³⁸ Стругацкие так описывают лагерь и заключенных:

Время от времени кто-то где-то начинал хрипло надсадно кашлять, задыхаясь и сипя, так что начинало першить в горле. Этот кашель немедленно подхватывали десятки глоток, и через несколько секунд котлован наполнялся трескучими сухими звуками. [...] Здесь было темное горе, тоска и совершенная безысходность, здесь ощущалось равнодушное отчаянье, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, когда впереди нет абсолютно ничего, кроме смерти один на один с безучастной толпой.²³⁹

Он распахнул дверь и включил фонарик. Скверный, душный воздух ударил ему в нос, и он задохнулся. Круг света упал на сырой земляной пол, покрытый бледной вытопанной травой. Вадим увидел десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огромными ступнями, высохшие лица, искаженные резкими тенями, раскрытые черные рты – люди спали прямо на земле и друг на друге.²⁴⁰

Рядом с лагерем путешественники обнаруживают портал телепортации неизвестной цивилизации, расположенный на этой планете. Он представляет из себя современную многополосную автостраду, выходящую из одного котлована в земле и уходящую в другой котлован. По автостраде непрерывно движутся машины неизвестного предназначения. Портал построен цивилизацией, явно превышающей по развитию и цивилизацию аборигенов, и цивилизацию землян XXII века. На заснеженном ландшафте охранники, одетые в теплые шкуры, вооруженные копьями, заставляют одетых в простую мешковину заключенных, рискуя собственной жизнью, делать различные манипуляции с органами управления идущих мимо них машин, в

²³⁷ См.: Weinberg Robert, *The Politics of Remembering: The Treatment of the Holocaust in the Soviet Union*, in *Lessons and Legacies VII: The Holocaust in International Perspective*, ed. Dagmar Herzog, Evanston, Northwestern University Press, 2006, pp. 314–329.

²³⁸ “Thus, under the guise of science fiction, the Strugatskys explicitly embed the Holocaust into Soviet literary discourse and undermine the reigning silence over it.” Grinberg Marat, *Between Mimesis and Allegory: Vasily Grossman, Boris Slutsky, the Strugatsky Brothers and the Meaning of the Holocaust in Russian*, in *Critical Insights: Holocaust Literature*, ed. Dorian Stuber, Salem Press, Ipswich, Massachusetts, 2016, p. 176.

²³⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., *Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века*, Москва, Текст, 1992, стр. 49.

²⁴⁰ Там же, стр. 61–62.

попытке найти закономерности в управлении ими. Многие заключенные при этом гибнут.

Безостановочное движение этих машин имеет для данной цивилизации сакральное значение. Их движение подобно постоянному течению времени, никогда не прекращающемуся, неумолимому и равнодушному к человеку. И даже когда Саул пытается расстрелять машины – причину гибели заключенных, они с легкостью снова приходят в стройное движение. Стругацкие изящно дают возможность почувствовать эту метафору в титуле местного правителя – «Великий и могучий утес, сверкающий бой, с ногой на небе, живущий, пока не исчезнут машины».²⁴¹ Видимо, в образе машин Стругацкие стремились показать неуклонное течение времени и прогресса. В дальнейшем этот мотив внеэтического детерминистского давления, осуществляемого беспощадным движением времени и прогресса, станет общей чертой многих произведений Стругацких.

Два героя из будущего, воспитанные в парадигме чистейшего гуманизма мира Полудня, и с ними много выстрадавший, знающий боль и горе Саул, совершают нападение на конвой и пытаются освободить группу заключенных. Однако сталкиваются с тем, что каторжники пытаются их убить и защитить своих надсмотрщиков. То есть угнетенные пытаются защитить своих же тиранов. Тут сложно не заметить символизм ситуации. Почему узники концлагеря сражаются за жизнь своих стражников? Очевидно, так устроен их мир. Они действуют в полном соответствии с интересами своих хозяев. Они пытаются воспользоваться достижениями высшей цивилизации в стремлении понять и приобщить их машины во благо своего тиранического государства. При этом, пытаясь понять работу неведомых машин, они работают на развитие и на технический прогресс, хотя машины и используются тиранами не на благие цели.

Интересно, что заключенные – это преступники, осужденные за различные преступления – воры и убийцы, но есть узники, не совершившие никакого преступления, они осуждены за то, что «желали странного». Кто они – «желавшие странного»? Для Стругацких это прообраз интеллигенции – изобретатели и ученые, поэты и философы, мыслители и скептики, авантюристы и бродяги-проповедники, именно те, усилиями которых и движется прогресс, придумывается что-то новое. Напрашивается большое количество аналогий, например: с положением интеллигенции в СССР; со сталинскими зонами-шарашками, которые описал

²⁴¹ Там же, стр. 79.

Солженицын в своем «Круге первом» в 1968; с тоталитарным антигуманным государством и нерациональной верой народа в правильность этого государства.

Определенный интерес представляет полемичность повести. С точки зрения ситуации, перед нами встреча трех цивилизаций – середины XX века (Саул); прекрасного коммунистического XXII века (Вадим и Антон); отсталой и злобной цивилизации далекой планеты (аборигены). При этом все они сталкиваются с результатом деятельности сверхцивилизации (портал Странников²⁴²). В оценке происходящего на планете сталкивается суровая этика XX века с утопической этикой прекрасного будущего. Антон и Вадим не знают насилия, но они не могут и пассивно наблюдать за мучениями невольников. Они вынуждены применить насильственные действия. «Всем нам потом будет очень стыдно», говорит Антон.²⁴³ У Саула другой взгляд на происходящее: «Да перестаньте вы стесняться. Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть активнее чем зло, иначе все остановится».²⁴⁴

Через полемику героев Стругацкие подвергают критической оценке мировоззрения различных эпох: абсолютизма, XX века, и гипотетического утопического будущего. Молодые гуманисты-энтузиасты из светлого Завтра, не теряя оптимизма, утверждают, что, конечно, придется поработать, чтобы навести на этой варварской планете порядок. Нужны будут добровольцы, техника, школы, больницы, вдоволь пищи, и тогда все наладится и благоустроится. Однако Саул знает, что этого мало, что дать кому-то свою историю невозможно, что все блага и справедливость аборигенам нужно выстрадать и заслужить самим, что средневековые нужно преодолеть в голове, иначе ничего не получится.²⁴⁵

В то же время психология Саула – психология борца, психология советского человека. Ведь Саул, в отличие от людей будущего, хорошо знает, что представляет из себя человек, и какова его природа. «Одно жалко, одно... [...] Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом всю тупость и жестокость, не уничтожив при этом человека...», – сетует Саул.²⁴⁶ Вадим, напротив, не понимает Саула, не догадывается, не может себе представить, через что Саулу пришлось пройти. Он уже человек,

²⁴² Цивилизация Странников мотивы и цели которой неясны. Она упоминается во многих произведениях Стругацких как метафора непонятого, неизведанного будущего.

²⁴³ Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 66.

²⁴⁴ Там же, стр. 67.

²⁴⁵ Там же, стр. 84–85.

²⁴⁶ Там же, стр. 94.

ощущающий мир по-другому, он человек будущего. От него человек XX-го века, а тем более средневековья, уже находится бесконечно далеко как ментально, так и мировоззренчески: «Ну, что с них взять, думал он. Тупые невежественные люди. Разве на них можно сердиться по-серьезному?».²⁴⁷ Тем не менее, Саул – человек действия – пытается остановить машины. Однако, не сумев ничего изменить, он просит у своих потомков прощение, одновременно делая им наставление:

Чепуху я сделал, ругайте меня. Но все равно начинать здесь надо с чего-нибудь подобного. [...] помните, что начинать нужно всегда с того, что сеет сомнение.²⁴⁸

Как ни странно, но эта короткая фраза, по моему мнению, является ключевой во всем произведении. «Начинать нужно с того, что сеет сомнение» – нетипичное высказывание для советской детско-юношеской литературы. Ведь сомнение – не то состояние ума, которое культивировалось в советской школе. Именно здесь, в этой повести, у Стругацких появляются признаки амбивалентности посылов, столь свойственные им в дальнейшем: прекращается присущая их раннему творчеству склонность к монохромному восприятию действительности, заканчиваются привычные для советского дискурса попытки деления мира на белое и черное, добро и зло, правильное и неправильное. Саул не просто стреляет в машины, пытаясь расстроить движение их стройных колонн, – он пытается помешать системе, внести хаос в ее стройное движение, которое казалось вечным и непоколебимым, зародить сомнение в ее всемогуществе. Сомнения порождают стремление к поиску истины, а знание истины, очевидно, есть путь к объективному восприятию мира. В Советском Союзе, как правило, считалось, что истина уже найдена, и сомнения больше ни к чему.

Вернувшись на Землю, друзья из XXII века замечают, что Саул исчез. Из последней главы следует, что он героически погиб при попытке к бегству из нацистского концлагеря. Стругацкие замыкают круг, по которому должен пройти Саул. Он убегает из концлагеря середины XX века, проходит сквозь коммунистическую утопию будущего XXII века, где правильное и справедливое общество уже достигнуто, оказывается в средневековье далекой планеты, которое ему так напоминает его время и его лагерный опыт. Саул понимает, что он не может оставаться в прекрасном будущем, в нем нет места дезертирам из прошлого. Он знает, что у него остались недоделанные дела в его времени, что если он не будет вести борьбу в своем времени, то это прекрасное Завтра, в котором он оказался, может и не

²⁴⁷ Там же, стр. 94.

²⁴⁸ Там же, стр. 97.

наступить. Попытка к бегству остается только попыткой. Никакого бегства не будет, а тот, кто сбежит, тот теряет лицо и достоин будущего.

Итак, как мы видим, первая «другая» повесть Стругацких, если присмотреться к ней повнимательней, говорила своим современникам вещи, о которых не писали в советской научной фантастике. Она говорила о том, что человек не может уйти от своей судьбы и от своего долга; в какие-бы миры он ни двинулся, он найдет те же волнующие его проблемы, и, если даже ему не суждено увидеть результат своих трудов, действовать надо все равно; что история, прогресс, будущее жестоки и неумолимы, как и неуклонный ход времени, и будущее наступает, не спрашивая мнения и разрешения у человека; что обществу невозможно дать справедливое социальное устройство извне, справедливое мироустройство нужно выстрадать и завоевать путем собственного исторического развития; что «желающие странного» – прежде всего подвержены ударам со стороны власти, потому что расшатывают ее фундамент и рушат ее устои, прокладывая новые дороги для человечества; что все, что происходит вокруг, нуждается в критической оценке; что время слепой веры должно подойти к концу; что человек должен сомневаться, анализировать, думать, и в этом заключается путь к неподдельной социальной справедливости, и главным элементом на этом пути – является сомнение.

Идеи Стругацких, отраженные в повести, довольно близко соответствуют сформировавшемуся у них к тому времени представлению об особой роли писателя в воспитании лучшей версии человека. То, что Стругацкие ко времени написания «Попытки к бегству» уже возлагали на себя определенную просветительскую функцию, становится понятно из письма Аркадия к матери от 08.04.1962. В ответ на критику матери по поводу их последней повести Аркадий пишет:

Раскритиковала ты нас здорово. Однако, при всем моем к тебе уважении, должен сказать, что не везде и не во всем справедливо. Понимаешь, если исходить из задачи «звать молодежь», то не только эта – ни одна из наших работ ни к черту не годится. Задача же у нас другая совсем. Мы хотим заставить молодежь шевелить мозгами, понимаешь? [...] Нам представляется, что эта задача не менее – а может быть, и более – благородная, чем «звательная» и «направлятельная». Звали нас и направляли всю жизнь, а толку не видно, потому что мыслят люди слишком прямолинейно: либо вперед, либо назад. [...] Мы должны заставить людей думать глубже, мыслить шире, воспитывать отвращение к грязи и невежеству, особенно к невежеству.²⁴⁹

²⁴⁹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 539.

Заметно, что Стругацкие пытаются переработать то, что открылось им, как и большинству граждан страны, после разоблачения культа личности Сталина. В этой повести, завуалированной под фантастику, они одними из первых поднимают лагерную тему – тему, которая явно требовала определенной оценки и рефлексии как в общественном сознании, так и в индивидуальных случаях. Пусть обращение к лагерной теме у Стругацких оформлено более концептуально, чем у писателей, прошедших лагерь²⁵⁰ и позже писавших об этом гораздо глубже и подробнее, тем не менее, необходимо отметить определенное новаторство Стругацких в этой области. Данное произведение, как никогда прежде у Стругацких, отвечало духу времени и даже несколько опережало его, поскольку в простой форме формулировало истины, делало предупреждения, меняло представления, призывало читателя сомневаться и думать собственной головой.

«Трудно быть богом». В Манеже – интеллигенция

Выставка в Манеже

Повесть «Трудно быть богом» (1963),²⁵¹ как и большинство последующих произведений авторов, отмечена отходом от традиционных доминант советской научно-фантастики и все более отчетливо тяготеет к социально-философской тематике. Повесть базировалась на задумках, намеченных в «Попытке к бегству», но значительно их расширяла. Изначально придуманная как развлекательная приключенческая повесть в духе мушкетерских романов, она получилась совсем о другом. Причиной тому стало событие, вошедшее в историю СССР и повлиявшее очень заметным образом на настроения творческой интеллигенции, обозначив начало сворачивания проекта либерализации культурной и общественной жизни и расставания с иллюзиями о возможности несколько иного пути к коммунизму. Этот эпизод культурной жизни страны хорошо известен и изучен.²⁵² Остановливаться на нем подробно в рамках данной работы нецелесообразно, тем не менее, имеет смысл

²⁵⁰ Например: Солженицын, Шаламов, Гинзбург.

²⁵¹ Первое издание: Стругацкий А., Стругацкий Б., Далекая радуга, Москва, Молодая гвардия, 1964, стр. 137–327.

²⁵² Ср.: Eggeling Wolfram, Die sowjetische Literaturpolitik zwischen 1953 und 1970: Zwischen Entdogmatisierung und Kontinuität, Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur, Band 3, Bochum, Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1994, S. 150–155; Герчук Ю., Кровоизлияние в МОСХ, или Хрущёв в Манеже 1 декабря 1962 года, Новое литературное обозрение, Москва, 2008, стр. 297–311; Рабичев Л., Манеж 1962. До и после, Знамя, 2001, № 9, стр. 121–152; Reid Susan E., In the Name of the People: The Manege Affair Revisited, Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 6.4, 2005, pp. 673–716; Zubok Vladislav, Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia, Cambridge/London, The Belknap Press, of Harvard University Press, 2009, pp. 193–194.

кратко напомнить контекст происходивших событий в рамках их влияния на творческий путь авторов.

1 декабря 1962 года в Манеже проходила большая выставка, приуроченная к тридцатилетию Московского отделения союза художников СССР. Часть выставки была отдана художникам-авангардистам студии «Новая реальность». Там были выставлены работы современных советских художников и скульпторов, работающих вне рамок социалистического реализма. На выставку прибыла делегация правительства во главе с Никитой Хрущевым. Выставленные работы произвели на Никиту Сергеевича негативное впечатление. Он был крайне возмущен и не сдержан, бранился нецензурными словами и пытался призвать к ответу художников. Итогом посещения стало заявление, что народу такое искусство чуждо, непонятно, ненужно и даже вредно.

Незамедлительно разгром «неправильного» искусства продолжился в прессе. Была инициирована компания по борьбе с абстракционизмом и формализмом, а 7 марта 1963 года состоялась так называемая «встреча Хрущева с творческой интеллигенцией» в Кремле, где многие представители последних были жестко раскритикованы, подверглись угрозам и оскорблениям.²⁵³

Тональность статей и вал неоправданной критики со стороны партийного аппарата напомнили не столь далекое прошлое в лице сталинского режима и заставили многих представителей интеллигенции задуматься о судьбе оттепели в целом и собственных перспектив в частности, поскольку на этой встрече Хрущев озвучил угрозу, адресованную именно интеллигенции, что теперь будет не «оттепель» и даже не «заморозки», а «самые жестокие морозы».²⁵⁴ Художникам предлагалось приспособиться к новым старым порядкам и идти снова в ногу с партией по пути строительства коммунизма или покинуть страну.²⁵⁵

Нападки и угрозы Хрущева ясно показали, как быстро все процессы либерализации общества, данные оттепелью, могут быть развернуты в противоположном направлении. В этой связи Борис Стругацкий вспоминал:

[...] нам было не столько страшно, сколько тошно. Нам было мерзко и гадко, как от тухлятины. Никто не понимал толком, чем вызван был этот стремительный возврат на гноище. [...] Но одно стало нам ясно, как говорится, до боли. Не надо иллюзий. Не надо надежд на светлое будущее. Нами управляют жлобы и враги

²⁵³ Eggeling Wolfram, Die sowjetische Literaturpolitik zwischen 1953 und 1970: Zwischen Entdogmatisierung und Kontinuität, Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur, Band 3, Bochum, Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1994, S. 155–162.

²⁵⁴ Аудиозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=3f9izHJGIoo> (3:35 – 3:45)

²⁵⁵ Минченко Д., Как нам было страшно!, Огонек, 2002, № 8, стр. 5.

культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. Они никогда не позволят нам говорить то, что мы считаем правильным, потому что они считают правильным нечто совсем иное. И если для нас коммунизм – это мир свободы и творчества, то для них коммунизм – это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства.²⁵⁶

«Трудно быть богом» – непосредственный отклик на изменения окружающей нас действительности. После той знаменитой встречи в Манеже ситуация в стране обострилась, и наше мировоззрение дало некую трещину. Мы поняли вдруг одну вещь: не все люди, говорящие, что они коммунисты, ратуют за коммунизм... совершенно не все они находятся по одну сторону баррикады.²⁵⁷

То, что повесть «Трудно быть богом» в значительной степени была реакцией на события, последовавшие после выставки в Манеже, находит подтверждение и в переписке авторов. Впервые информация о задумке новой повести появляется в письме Аркадия брату от 10–12.03.1963. Как мы видим, письмо было послано вскоре после встречи Хрущева с творческой интеллигенцией. В этом письме Аркадий обрисовывает идею легкомысленной, не имеющей критического подтекста повести с рабочим названием «Седьмое небо»:

Абсолютизм, веселые пьяные мушкетеры, кардинал, король, мятежные принцы, инквизиция, матросские кабаки, галеоны и фрегаты, веревочные лестницы, серенады и пр. И вот в эту страну [...] наши земляне, давно уже абсолютные коммунисты, подбрасывают «кукушку» – молодого здорового красавца с таким вот кулаком, отличного фехтовальщика и пр. [...] Это можно написать весело и интересно, как «Три мушкетера», только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух. [...] Повесть сделать небольшую, листов на восемь, использовать Стивенсона, Дюма, Пьер Марк-Орлана и т.д.²⁵⁸

В письме нет ни одного упоминания о нашумевшей встрече. К сожалению, письма Бориса Аркадию этого периода не сохранились, однако, уже только из ответов Аркадия Борису становится понятно, что писать острую социальную вещь хотел именно Борис.

В ответном письме от 17.03.1963 Аркадий пишет: «я за вещь легкомысленную – это я о «Седьмом небе». Чтобы женщины плакали, стены смеялись, и пятьсот негодяев кричали «Бей! Бей!» и ничего не могли сделать с одним коммунистом».²⁵⁹

²⁵⁶ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 93–94.

²⁵⁷ Кончуков Е., О настоящем во имя будущего. Беседа с Борисом Стругацким, Студенческий меридиан, 1988, № 11, стр. 38.

²⁵⁸ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 27–29.

²⁵⁹ Там же, стр. 31

В следующем ответном письме Аркадия от 22.03.1963 дискуссия продолжается. По-видимому, Борис настаивает на остросоциальной теме:

О «Наблюдателе» (так я переименовал «Седьмое небо»). Если тебя интересует бьющая кругом жизнь, то ты будешь иметь полную возможность вывалить свои внутренности в «Дни Кракена»²⁶⁰ и в «Магов».²⁶¹ А мне хотелось создать повесть об абстрактном благородстве, чести и радости, как у Дюма. И не смей мне противоречить. Хоть одну-то повесть без современных проблем в голом виде. На коленях прошу, мерзавец! Шпаг мне, шпаг! Кардиналов! Портовых кабаков!²⁶²

Однако аргументы Бориса, видимо, оказались более весомыми и в письме к матери от 10.06.1963, когда работа над повестью уже идет полным ходом, Аркадий пишет: «Написано уже 57 страниц, [...] работать интересно, потому что описывается по сути дела некоторое время из современной истории, только замаскированное под средневековье».²⁶³

Итак, из писем Аркадия и воспоминаний самого Бориса Стругацкого следует, что повесть была написана под влиянием событий в Манеже как конкретная реакция на эти события и последовавшие за ними нападки властей. Как вспоминал потом Борис Стругацкий о «Трудно быть богом»: «Это вообще было время, когда мы начали обожествлять интеллигенцию, считая, что именно она является панацеей от всех бед. Потом от этой идеи мы вынуждены были отказаться, но тогда она вела нас».²⁶⁴

В результате Стругацкие пишут крайне злободневную, метафорическую повесть, которую можно охарактеризовать как попытку осмысления роли и положения интеллигенции в тоталитарных обществах.

Конструкция

Проблема контакта цивилизаций, находящихся на разном уровне развития, обозначенная авторами в «Попытке к бегству», в повести «Трудно быть богом» приобретает более осмысленный вид и выражается через идею «прогрессорства».²⁶⁵

Коммунистическая Земля будущего открывает все новые обитаемые планеты, населенные гуманоидами, такими же, как и земляне, но находящимися на низшем уровне социального развития. Для изучения таких планет и их социума на Земле

²⁶⁰ Повесть не была написана.

²⁶¹ Одно из рабочих названий повести «Понедельник начинается в субботу».

²⁶² Там же, стр. 35.

²⁶³ Там же, стр. 67.

²⁶⁴ Кончуков Е., О настоящем во имя будущего. Беседа с Борисом Стругацким, Студенческий меридиан, 1988, № 11, стр. 40.

²⁶⁵ Оригинальная идея Стругацких, прежде не встречавшаяся в жанре научной фантастики. Идея прогрессорства проходит красной линией через творчество Стругацких, являясь предметом социально-философских размышлений, оценок и переоценок.

создан «Институт Экспериментальной Истории», занимающийся наблюдением и поддержкой сил, способных ускорить процесс социального развития данных обществ. Земля посылает на такие планеты своих агентов влияния – прогрессоров, которые должны способствовать развитию этих социумов в просветительском и гуманистическом ключе, при этом не выдавая себя и не предпринимая активных действий. Из «Попытки к бегству» мы уже поняли, что возможность прямого воздействия землян на такие планеты с помощью непосредственного импорта достижений своей высшей цивилизации Стругацкие отрицают как вредный и недействующий прием, а с помощью прогрессоров можно поддерживать тех самых «желающих странного»,²⁶⁶ которые, по мнению Стругацких, и являются двигателем естественного прогресса и социального развития.

Главный герой повести Антон и есть такой прогрессор-историк и агент влияния, посланный на планету со средневековым уровнем развития цивилизации. За образец воображаемого мира авторами взята средневековая западная Европа с ее атрибутами феодализма и всем прочим повседневным антуражем.

Некогда довольно просвещенное Арканарское королевство, куда послан Антон в роли аристократа дона Руматы-Эсторского, переживает не лучшие времена. Королевство стремительно переходит от власти короля под влияние некой «серой гвардии» – штурмовиков дона Рэбы (по утверждению Бориса Стругацкого, первоначально дона Рэбии – намек на Лаврентия Берию²⁶⁷). Отличительной чертой власти Серых является преследование любых образованных людей: врачей, изобретателей, поэтов, книжников, философов и прочих людей науки и искусства. Многие из них бегут в соседние королевства, туда, где не преследуют за ученость. Идет стремительная маргинализация населения, и Арканар рискует стать страной невежества и упадка культуры. Так и происходит, когда в конце повести путем стремительного переворота к власти внезапно приходит орден «черных монахов», уже совсем свирепых ненавистников просвещения и знаний.

²⁶⁶ См. «Попытка к бегству».

²⁶⁷ В интервью от 27.05.99 Борис Стругацкий пишет о вынужденной замене Рэбии на Рэбу: «...в самом первом варианте ТББ (*Трудно быть Богом, прим. А.К.*) он назывался «дон РЭБИЯ». Но Иван Антонович Ефремов, прочитав, сказал: «Эт-то уже с-слишком (*Ефремов заикался, прим. А.К.*)! Т-такую только ленивый не р-разгадает...» Редакторы приняли его сторону, и авторам пришлось пойти на попятный.»; Из письма Аркадия Стругацкого Борису Стругацкому от 08.07.1963: «Прочел и я ТББ, надо сказать, мне очень понравилось. Но Рэбию придется заменить и кое-что добавить для ясности.» См. обе цитаты в Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 69.

Дон Румата (Антон), как человек богатый и уважаемый, тайно имеющий в своих руках силу высшей цивилизации, фактически имея божественную силу в сравнении с местными жителями, пытается всеми допустимыми способами спасти обреченных на уничтожение ученых и книжников (читай интеллигенцию), но внешне вынужден играть роль холодного соглядатая всех «ужасов темных веков».²⁶⁸ Для Антона, историка и коммунара из утопического будущего, – это погружение в юность человечества. Он не может выдать в себе пришельца, ему запрещены активные действия и применение силы. Ненависть к жестокости и невежеству этого мира копится в нем, и, когда в финале проведи убивают его любимую девушку, которую он намеревался забрать с собой на Землю, он проявляет «Бога» в себе, оставляя за собой лишь кровавый след и груды мертвых тел.

Как мы видим, сюжет остался приключенческим. Произведение вызвало большой интерес в среде школьников, тем более что повесть полна атрибутики рыцарско-мушкетерских романов, столь любимых советскими подростками. Мечи, доспехи, перчатки, кони, таверны и вино вкупе с приключенческим сюжетом во многом поспособствовали прохождению повести в печать, усыпив внимание редакторов и цензоров. По просьбе редакции Стругацкие дописали только одну главу – с Аратой Горбатым, играющим роль предводителя народного сопротивления, поскольку образ народного героя-борца был во многом обязателен для детско-юношеской литературы.²⁶⁹ Однако судя по критике в прессе и отзывам, можно констатировать, что повесть была замечена и взрослой аудиторией. Стругацкие все больше становились известными писателями.²⁷⁰

²⁶⁸ Я привожу данный эпитет, чтобы пояснить коннотации, которые связываются в данном случае с понятием средневековья. В советской популярной культуре (речь не идет о научных кругах) существовала стойкая ассоциативная связь периода средневековья с отсталостью, жестокостью, бесправием, отсутствием гигиены, безграмотностью. Возможно, плохая репутация средневековья была определена названием «Темные века» (в историографии период с VI по X век), характеризующихся скудностью источников о нем в противовес расцвету культуры Византии и восточного мира. В экранизации «Трудно быть богом» (2013) режиссера Алексея Германа данный ассоциативный ряд явно прослеживается и является лейтмотивом, на фоне которого происходит действие кинокартины. Герман начал работу над сценарием данной киноленты вместе со Стругацкими еще в 1968 году, и есть основания полагать, что у них были схожие ассоциации, поскольку и в тексте повести тоже передана атмосфера упадка, вони и грязи.

²⁶⁹ В беседе Бориса Стругацкого с «Люденами» (общество ценителей творчества Стругацких) в 1993 году Борис вспоминал, что редактор журнала «Молодая гвардия» (где повесть «Трудно быть богом» была издана впервые) Бела Ключева «отнеслась к новой повести без восторга и сетовала на то, что в повести совсем нет марксизма». Авторы добавили главу с Аратой Горбатым – борцом за свободу и представителем народных масс. Ср. Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 85.

²⁷⁰ О степени известности Стругацких того времени можно судить по интенсивности прессы о них самих и об их творчестве. Ср.: Кологривов Р., Человек не хочет быть богом, Знание – сила, январь 1965, стр. 17; Громова А., Молнии будут служить добру, Литературная Россия, 26.03.1965, стр. 11; Ревич В., Художественная «душа» и научные «рефлексы», Молодая Гвардия, 1965, № 4, стр. 281-290;

Интеллигенция как двигатель прогресса

Отрывок из письма Бориса Аркадию от 03.01.1964: «Суд над Б.²⁷¹ отложен, потому что подсудимый сошел с ума. Сволочи вонючие!».²⁷² Эта реплика Бориса и ее тон говорят о том, что Борис и Аркадий следили за судьбой Бродского и сочувствовали ему. К моменту написания этого письма повесть «Трудно быть богом» была уже завершена.

В тоталитарных обществах вообще и в ситуации СССР 1963-го года в частности в случае, если речь в произведении идет о критическом взгляде на злободневные социальные вопросы, единственным возможным способом высказывания становится обращение к аллегории. Аллегория – это последовательность субметафор, которые в совокупности составляют одну единственную, продолженную, «расширенную» метафору.²⁷³

Аллегория как художественный прием позволяет выразить сложные идеи и концепции, которые могут быть трудны для прямого описания или объяснения. Аллегорические образы и символы позволяют читателям воспринимать и понимать эти идеи на интуитивном уровне и участвовать в их интерпретации. Таким образом, аллегория является мощным средством коммуникации и передачи сложных концепций. Тем не менее, аллегории имеют некоторые функциональные отличия. Если, к примеру, Платон, рассматривая мир явлений как отражение идеального мира идей, в своих «диалогах» часто использовал аллегории для иллюстрации абстрактных философских понятий,²⁷⁴ а в средние века аллегории нередко использовались для

Емцев М., Парнов Е., Наука и фантастика, Коммунист, 1965, № 15, стр. 69–70; Петряковская В., Влюбленные в фантастику. Беседа с Аркадием и Борисом Стругацкими, Московский комсомолец, 13.08.1965, стр. 3; Соловьева И., Будь готов к неожиданному, Литературная Россия, 26.11.1965 (http://www.fandom.ru/about_fan/solovjeva_2.htm); Немцов В., Для кого пишут фантасты, Известия, 18.01.1966, стр. 6 (в данной статье Немцов негативно оценил творчество Стругацких. В ответ на его статью в прессе выходят статьи несогласных с мнением Немцова: Ефремов И., Миллиарды граней будущего, Комсомольская правда, 28.01.1966 (http://www.fandom.ru/about_fan/efremov_2.htm); Брандис Е., Дмитриевский В., Фантасты пишут для всех!, Литературная газета, 01.02.1966, стр. 3 и др.

²⁷¹ Поэт Иосиф Бродский.

²⁷² Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 158; Первый суд над Бродским состоялся 18.02.1964; См. Eggeling Wolfram, Die sowjetische Literaturpolitik zwischen 1953 und 1970: Zwischen Entdogmatisierung und Kontinuität, Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur, Band 3, Bochum, Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1994, S. 173–175.

²⁷³ Ср. Fletcher Angus, Allegory: The Theory of a Symbolic Mode, Princeton, Princeton University Press, 2012, p. 69.

²⁷⁴ Например, чтобы описать отношение между миром идей и миром чувственных впечатлений, Платон использует аллгорию о пещере. Платон изображает людей, находящихся в пещере и видящих не реальные предметы, а только тени, проецируемые на стену. См. подробнее Платон, Государство, Санкт-Петербург, Азбука, Азбука-Аттикус, 2017, стр. 225–226.

иллюстрации библейских историй и демонстрации моральных уроков,²⁷⁵ то у Стругацких, в условиях советской цензуры, они играют роль закодированного сообщения. Илана Гомель, писавшая о функциях аллегории в текстах Стругацких, отмечает:

Allegory stresses the power imbalance between the implied author and the implied reader, demanding the latter's compliance with the encoded textual message. In order to be understandable at its figurative level, allegory forces the reader to engage in a constant hermeneutic activity. This activity is tightly controlled by the text's master code. The more elaborate and esoteric the code is, the greater the reader's satisfaction at having cracked it, at having arrived at the already-inscribed "truth" of the text. To put it simply, anything so difficult to understand must be worth striving for. Thus, on the one hand, the implied author appears as the only source of truth and meaning, while on the other hand, the reader is flattered by the sense of complicity with the text's absolute ruler. This complicity is what makes for the enormous popularity of quasi-allegorical writings in totalitarian societies.²⁷⁶

Аллегория подчеркивает дисбаланс сил между подразумеваемым автором и подразумеваемым читателем, требуя от последнего соответствия закодированному текстовому сообщению. Чтобы быть понятой на образном уровне, аллегория заставляет читателя заниматься постоянной герменевтической деятельностью. Эта деятельность жестко контролируется мастер-кодом текста. Чем сложнее и сокровеннее код, тем больше удовлетворенность читателя тем, что он его взломал, что он пришел к уже прописанной «истине» текста. Проще говоря, все, что так трудно понять, должно стоить того, чтобы к этому стремиться. Таким образом, с одной стороны, подразумеваемый автор представляется единственным источником истины и смысла, а с другой стороны, читателю льстит ощущение соучастия в абсолютной власти над текстом. Именно это соучастие обуславливает огромную популярность квазиаллегорических произведений в тоталитарных обществах. *(перевод А.К.)*

Теоретик эзопова языка Лев Лосев определяет этот феномен как структуру, делающую возможной взаимосвязь автора и читателя, одновременно скрывающую от цензора непозволительное содержание. Внутренним содержанием эзоповского произведения является катарсис, переживаемый читателем как победа над репрессивной властью.²⁷⁷

Вайль и Генис, в контексте анализа полемики 60-х годов в СССР, отмечают:

²⁷⁵ См., например, «Психомахию» Пруденция, где персонажи поэмы носят имена различных добродетелей и пороков, уже неся в себе аллегорический смысл. Ср. Пруденций, Сочинения, Москва, Водолей, 2012, стр. 31–56.

²⁷⁶ Gomel Elana, *The Politics of Censorship: Allegory as Form and Ideology in the Novels of Arkady and Boris Strugatsky*, *Science Fiction Studies*, Vol. 22, № 1, Mar. 1995, p. 96.

²⁷⁷ Loseff Lev, *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Russian Literature*, Munich, Sagner, 1984, p. 230; О функции эзопова языка в произведениях Стругацких см. подробнее Каспэ И., *Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?*, *Новое Литературное Обозрение*, 2007, № 6, стр. 202–231.

Специфика советской жизни способствовала появлению грандиозной эзоповой системы. Почти любое понятие, имя, явление могло получить эзопов псевдоним. Сталин трансформировался в усатого батьку, Хрущев – в проявления волюнтаризма, еврей – в инвалида пятой группы, женщина – в товарища, 37-ой год – в опричнину. Система эта настолько тотальна, что мысль, выраженная внеэзоповыми средствами, представлялась либо плоской, либо – даже – невозможной. [...] Мир, в котором эзопова словесность замещает обыкновенную, требует особого способа восприятия. Читатель становится не пассивным субъектом, а активным соавтором. Более того, читатель превращается в члена особой партии, вступает в общество понимающих, в заговор людей, овладевших тайным – эзоповым – языком.²⁷⁸

Очевидно, для интеллигенции шестидесятых не составляла особого труда «дешифровка» написанного Стругацкими. Можно с большой долей уверенности предположить, что большинство из них угадывали в лице Арканара родной СССР и достаточно ясно видели аналогию власти «серых» с фашизмом и сталинизмом, а в перевороте «черных монахов» – предупреждение о репрессиях.

Неудавшийся ренессанс в средневековом мире далекой планеты, описанный Стругацкими, подразумевал под собой неудавшуюся оттепель в СССР, что было эмоционально близко прослойке интеллигенции, надежды и чаянья которой были отягощены неожиданными нападками и отношением власти, демонстрировавшей невежество и досадную отсталость в вопросах культуры и путей качественного развития общества. Фундаментальность проблемы заключалась в разном понимании будущего, несовпадении взглядов творческой интеллигенции и власти на коммунизм, путь к нему и его конечное предназначение.

Герберт Уэллс, один из любимых писателей Стругацких, высказал однажды догадку: «Большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. [...] Чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить их психологию».²⁷⁹

Судя по всему, коммунизм и возможность его воплощения, виделись в то время Стругацкими реальной и выполнимой задачей. Причем главенствующую роль в будущем, воплощенном в реальности коммунизме, они отводили интеллигенции, а вовсе не классу рабочих и крестьян. По-видимому, для них коммунизм был возможен только в том случае, если все классы продвинулись на пути познания так далеко, что естественным образом образуют лишь один класс – интеллигенцию. В подтверждение

²⁷⁸ Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998, стр. 166.

²⁷⁹ Уэллс Г. Д., Россия во мгле, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1958, стр. 74.

этой версии приведу отрывок из письма Аркадия брату от 12.09.1963 года: «Для меня (да и для тебя тоже) коммунизм – это братство интеллигенции, а не всяких там вонючих садовников. На солженицынских матренах²⁸⁰ коммунизма не построишь».²⁸¹ Для Стругацких начала 60-х годов дорогу в светлое будущее прокладывают не праведники, а наука и культура.

Серый цвет, болото, грязь, превалирующие в атмосфере мира произведения, отражали серость мысли, серость бытия и пугающую отсталость существующего порядка. Размышления Стругацких о зависимости как самого прогресса, так и государства от науки и культуры отражены во внутреннем монологе коммунара из светлого будущего – Антона. Вглядываясь в ночной город с высоты дворцовой башни, словно с высоты прожитых человечеством веков, на юность человечества, он размышляет об обществе и роли интеллигенции в ней. Приведенный ниже отрывок является, своего рода, концепцией, которой придерживаются Стругацкие в годы написания повести:

Они (*люди, прим. А.К.*) были слишком пассивны и невежественны. Рабство их зиждилось на пассивности и невежестве, а пассивность и невежество вновь порождало рабство. Если бы они все были одинаковы, руки опустились бы и не на что было бы надеяться. Но все-таки они были людьми, носителями искры разума. И постоянно то тут, то там вспыхивали и разгорались в их толще огоньки неимоверно далекого и неизбежного будущего. Вспыхивали несмотря ни на что. Несмотря на всю их кажущуюся никчемность. Несмотря на гнет. Несмотря на то, что их затаптывали сапогами. Несмотря на то, что они были не нужны никому на свете и все на свете были против них. Несмотря на то, что в лучшем случае они могли рассчитывать на презрительную недоуменную жалость... Они не знали, что будущее за них, что будущее без них невозможно. Они не знали, что в этом мире страшного прошлого они являются единственной реальностью будущего, что они – фермент, витамин в организме общества. Уничтожьте этот витамин, и общество загниет, начнется социальная цинга, ослабеют мышцы, глаза потеряют зоркость, вывалятся зубы. Никакое государство не может развиваться без науки – его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, [...] И как бы ни презирали знания эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторического прогресса, они могут только притормозить, но не остановить. [...] Им нужна новая атмосфера – атмосфера всеобщего и всеобъемлющего познания, пронизанная творческим напряжением, им нужны писатели, художники, композиторы, и стоящие у власти вынуждены идти и на эту уступку. Тот, кто упрямится, будет сметен более хитрыми соперниками в борьбе за власть, но тот, кто делает эту уступку, неизбежно и парадоксально, против своей

²⁸⁰ Персонаж рассказа «Матренин двор» Александра Солженицына. Рассказ впервые опубликован в журнале «Новый мир» в январе 1963 г. Солженицын А., Матренин двор, Новый мир, 1963, № 1, стр. 42–63.

²⁸¹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 80.

воли, роет тем самым себе могилу. Ибо смертелен для невежественных эгоистов и фанатиков рост культуры во всем диапазоне – от естественнонаучных исследований до способности восхищаться большой музыкой...²⁸²

Как мы видим, концепция развития цивилизации у Стругацких подразумевает неизбежную победу культуры в исторической перспективе. Просветительский посыл данного монолога, адресованный скорее к юной читательской аудитории, давал установку и указывал вектор развития, который, по мнению авторов, был единственно возможным с точки зрения природы исторического процесса цивилизационного развития.

Однако, следуя за этой концепцией, Стругацкие ставят вопрос, а что же эти «огоньки будущего», должны ли они что-то предпринимать сами, или их роль просто парить в эфире невежества и серости в ожидании прозрений власть имущих? И этот вопрос Стругацкие формулируют уже в самом начале повести. Румата спрашивает у спасающегося от смерти книжника Киуна, пытающегося покинуть Арканар:

- Неужели тебе никогда не хочется подраться, Киун? Все разговоры, разговоры...
- Нет, – сказал Киун. – Мне никогда не хочется подраться.
- В том то и беда, – пробормотал Румата, ...²⁸³

Очевидно, что в данном диалоге Стругацкие выражают мнение, что при всей полезности интеллигенции для науки, культуры и развития социума, она слишком пассивна, никогда не в состоянии оказать сопротивление притеснениям власти, а все, на что она способна, это вести бесконечные бесполезные разговоры о несправедливом мироустройстве. Румата прямо спрашивает лекаря и химика Буддаха: «Почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадежно пассивны? Почему вы безропотно даете себя презирать...?». ²⁸⁴ Эти вопросы адресованы непосредственно интеллигенции.

Тем не менее, в то же время, по мнению Стругацких, ценность интеллигенции для общества сложно переоценить. При всей внешней социальной импотенции в ней есть нечто необходимое. Поиск научной истины, знания и стремление познавать ставят ее этически выше власти невежественной и грубой силы, создают ей столь необходимую альтернативу, преображая мир в лучшую сторону, потому как истина и знание – тоже имеют силу – силу другого порядка, обращенную во благо народа, человечества, цивилизации:

²⁸² Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 204–206.

²⁸³ Там же, стр. 121.

²⁸⁴ Там же, стр. 245.

А по темной равнине королевства Арканарского, озаряемые заревами пожаров [...] со сбитыми в кровь ногами, покрытые потом и пылью, измученные, перепуганные, убитые отчаянием, но твердые как сталь в своем единственном убеждении, бегут, идут, бредут, обходя заставы, сотни несчастных, объявленных вне закона за то, что они умеют и хотят лечить и учить свой изнуренный болезнями и погрязший в невежестве народ; за то, что они, подобно богам, создают из глины и камня вторую природу для украшения жизни не знающего красоты народа; за то, что они проникают в тайны природы, надеясь поставить эти тайны на службу своему неумелому, запуганному старинной чертовщиной народу... Беззащитные, добрые, непрактичные, далеко обогнавшие свой век...²⁸⁵

Узнаваемость контекста обеспечивается примерами из образа мыслей и действий представителей интеллигенции при тоталитарной власти. Эту роль выполняют такие персонажи, как: отец Кабани – изобретатель, мучающийся угрызениями совести и спивающийся от мысли о том, что его изобретения, задуманные им, чтобы облегчить жизнь людям, используются для казней и пыток его же народа; Гур Сочинитель – прекрасный поэт, глубокий драматург, он больше не пишет сочинений, а из-за страха за свою безопасность и безопасность своей семьи, он пишет оды во славу короля, которых тот даже не понимает, по причине своей невежественности; Будах – лекарь и философ, которого пытаются спасти Румата на протяжении всей повести, искренне считающий, что, несмотря на отдельные недостатки, социальное устройство его мира уже достигло совершенства, что феодализм – это самая устойчивая и красивая система устройства социума; Гаук – книголюб и ценитель поэзии, олицетворяющий всех думающих и грамотных людей, сфера интересов которых лежит за рамками удовлетворения лишь только физических потребностей; Киун – выбравший способом спасения бегство из страны. Все это типы разных представителей интеллигенции, которых Стругацкие могли наблюдать в повседневной жизни и в своем окружении.

Стругацкие наполняют мир этой повести и другими элементами, с помощью которых читатель мог провести параллель с окружающей его действительностью: так, предводитель и «крестный отец» местных бандитов очень похож на отечественного «вора в законе» и даже общается на местной «фене» (примечательно, что советник короля – сам дон Рэба, тоже свободно на ней разговаривает); так, пыточные камеры «Веселой башни» никогда не пустуют, а целая гильдия профессиональных мучителей готовит себе молодую смену; так, представитель местной элиты дон Тамэо – беспринципный человек, ищущий свою выгоду при любой власти, – после переворота

²⁸⁵ Там же, стр. 123.

«черных монахов» радостно восклицает: «Мы смели серую нечисть с лица земли, и так сладко и вольно дышится теперь в возрожденном Арканаре».²⁸⁶ Это выражение перекликается со словами знаменитой песни сталинского периода, написанной в 1936 году, накануне жестокой волны террора, который пришлось пережить стране.²⁸⁷ В этой песне есть следующая строка: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Отсылка к данным строкам Лебедева-Кумача, отражающих атмосферу и лицемерие сталинского режима, свободно считывалась интеллигенцией.

Стругацкие любят и понимают интеллигенцию, но упрек, вложенный в уста Антона (Руматы), коммунара и соглядатая Земли, звучит просто и жестко – вас режут, а вы пассивны, как стадо овец!²⁸⁸

Таким образом, размышления Стругацких о судьбе и роли интеллигенции, оформленные в форму граничащей с сатирой приключенческой фантастической повести, отражали актуальные события жизни страны, выдвигали концепцию, объявляющую интеллигенцию важнейшим компонентом прогресса и неотъемлемой частью на пути к коммунизму, призывали интеллигенцию к более активной гражданской позиции в отстаивании своих интересов.

Парадокс коммунара

Следующим аспектом, поднятым Стругацкими в «Трудно быть богом», является вопрос – что случится с коммунаром, человеком из другого мира, воспитанным в установке человеколюбия, обладающим значительными знаниями о социуме и окружающем мире, имеющим представления о закономерностях исторического развития, если его поместить на продолжительное время в отсталый, темный мир безнравственности и мракобесия действительно планетарного масштаба? Как долго он останется тем же человеком утопии, и что он должен делать, чтобы им остаться? Как проявит себя человек прекрасного будущего перед лицом ужасающего прошлого?

Дело в том, что Антон сталкивается в Арканаре не просто с властью, которую он считает антигуманной, вредной и антиисторической, проблема в том, что человеческие массы – простые жители Арканара – с восторгом готовы поддержать ее

²⁸⁶ Там же, стр. 232.

²⁸⁷ Песня «Широка страна моя родная» была написана Василием Лебедевым-Кумачом и Исааком Дунаевским для фильма «Цирк» (1936): режиссер Григорий Александров, композитор Исаак Дунаевский.

²⁸⁸ Ср. Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 224.

жестокие практики. Иными словами – если зло разрешено и поощряется властью, народ готов творить его с упоением и гордостью. Онтологическим антагонистом Антона является не столько власть дона Рэбы, сколько сама темная сторона народа, творящего зло и препятствующего прогрессу. И здесь Стругацкие приходят к неутешительному выводу, что человек утопии, в конечном счете, будет вынужден действовать методами, принятыми в мире, в который он помещен. А значит, при ближайшем рассмотрении, оптимизм юных коммунаров из «Попытки к бегству» авторы считают преждевременным.

Если резюмировать кратко центральный сюжет книги, то суть в том, что посланник с коммунистической Земли, научный сотрудник Института Экспериментальной Истории провалил большой исторический эксперимент, повел себя непрофессионально, не смог завершить задание, которое выполнял уже в течение пяти лет, и, в конечном счете, был отправлен обратно на Землю для реабилитации.

На метафизическом плане с самого начала и до конца повести Стругацкие показывают внутреннюю борьбу коммунара Антона с его ставшим вторым я образом Руматы Эсторского. Больше всего на свете Антон боится стать им в действительности. Приведу в хронологическом порядке отрывки из текста, описывающие внутренний диалог главного героя повести и отражающие нарастание душевного кризиса Антона-Руматы за время участия в эксперименте:

1. Останемся гуманными, всех простим и будем спокойны, как боги. Пусть они режут и оскверняют, мы будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность,²⁸⁹
2. Стисни зубы и помни, что ты замаскированный бог, что они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым.²⁹⁰
3. Ведь я их чуть не зарубил, вдруг понял он. Если бы они не убрались, я бы их зарубил. [...] Сейчас бы они валялись вот здесь, как свиные туши, а я бы стоял с мечом в руке и не знал, что делать... Вот так бог!.. Озверел...²⁹¹
4. Волна бешенства и отвратительной непристойной радости освобождения от всего человеческого уже захватила его. Он (*Антон, прим. А.К.*) еще оставался землянином [...] Но он больше не был коммунаром. У него больше не было обязанностей перед Экспериментом. Его заботили только обязанности перед самим собой.²⁹²
5. Он (*Антон, прим. А.К.*) вдруг поймал себя на мысли о том, что оскорбительные жесты получают у него рефлекторно, что он уже не играет роль высокомерного хама, а в значительной степени стал им. Он представил себя таким на Земле, и ему стало мерзко и стыдно.²⁹³

²⁸⁹ Там же, стр. 122.

²⁹⁰ Там же, стр. 136.

²⁹¹ Там же, стр. 154.

²⁹² Там же, стр. 180–181.

²⁹³ Там же, стр. 191.

6. Братья мои, подумал Румата. Я ваш, мы плоть от плоти вашей! С огромной силой он вдруг почувствовал, что никакой он не бог, сберегающий ладонями светлячков разума, а брат, помогающий брату, сын, спасающий отца.²⁹⁴

В итоге, внутренняя психологическая борьба в финале приводит Антона к простой и очевидной с точки зрения авторов мысли: «Это Эксперимент надо мной, а не над ними».²⁹⁵ В этой повести Стругацкие ставят эксперимент, и именно над Антоном, одним из лучших представителей их утопической Земли XXII века – эксперимент над экспериментатором.

Антону не под силу справиться со своей ролью бога. У бога слишком много соблазнов, связанных с изменением мира. А Антон не бог, а значит и не в его власти менять ход истории. Трагический выбор Антона как раз и заключается в невозможности уклониться от законов истории, которые препятствуют как короткому пути к утопии, так и возвращению к простоте эпохи графов. Попытки Антона примерить себя с действительностью не дают результата. Его терзания сродни терзаниям интеллигента в мире невежества, а культурная дистанция между ним и остальным социумом непреодолима.

Концепция закономерности исторического развития базируется у Стругацких на убежденности в необходимости поступательного пути. В этом смысле в «Трудно быть богом» Стругацкие делают попытку осознать и критически оценить практику «экспорта революций» и другие эксперименты над социумом, например, переход от феодализма сразу к социализму. Данную концепцию Стругацкие защищают в полемике Будаха (великий ученый своего времени) с Руматой, где Румата иронически выступает от лица воображаемого бога, а Будах просит у него во имя блага для человечества. В нем Стругацкие подчеркивают, что процесс исторического развития сложен, многогранен и не терпит простых решений. Приведу главные тезисы этого диалога:

Вопрос: Что может сделать людей добрыми и счастливыми?

Будах: Дай людям материальные блага, и пусть исчезнет то, что их разделяет.

Бог: Не поможет. Сильные отберут у слабых.

Будах: Вразуми сильных и жестоких, накажи их за жестокость к слабым.

Бог: Но потеряв жестокость, они потеряют и силу, на их место придут другие, и тогда придется карать всех.

Будах: Дай людям все, что они хотят, и им не надо будет отбирать друг у друга.

²⁹⁴ Там же, стр. 206.

²⁹⁵ Там же, стр. 227.

Бог: Но тогда они забудут труд, потеряют вкус к жизни и превратятся в моих домашних животных, которых мне придется кормить вечно.

Будах: Давай им постепенно.

Бог: Постепенно они и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах: Сделай так, чтобы больше всего они любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни.

Бог: Я мог бы сделать и это, но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли менять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Будах: Тогда оставь нас и дай нам идти своей дорогой.²⁹⁶

Для Стругацких путь в светлое Завтра – это путь не революционный, а социально-эволюционный. Он должен быть проделан самостоятельно. Только так может появиться устойчивая и жизнеспособная система общественных отношений. Возможность достижения качественно новых форм этих отношений лежит в развитии науки и культуры во всем ее диапазоне.

Чем глубже Антон ментально погружается в прошлое человечества, тем сложнее ему вырваться за рамки догмы. Прекрасный, гуманный, просвещенный Антон терпит сокрушительное поражение в результате столкновения с тем, что можно назвать традицией системы. В «Трудно быть богом» Стругацкие метафорически размышляют о взаимоотношении системы и прогресса. Задача системы заключается в том, чтобы удерживать общество в плену удобной для системы парадигмы представлений о мире и давить или дискредитировать ростки будущего, способного разрушить или поколебать ее. Провал Антона отражает слабость просвещения перед системой. Жизнь в рамках установленной системы предполагает массовость, а значит и усредненность. «Все, что хоть немного поднимается над средним уровнем, оказывается под угрозой», – сетует Румата.²⁹⁷

Приведу несколько цитат, отражающих данную оценку системы авторами и являющимися примером обращения к эзопову языку, о котором я упоминал выше, – это и положение интеллигенции: «Грамотей не есть враг короля. Враг короля есть грамотей-мечтатель, грамотей усомнившийся, грамотей неверящий»;²⁹⁸ и отношение народа: «Ты, сынок, главное, не сомневайся. Поверь, главное. Раз власти поступают, значит, знают, что делают...»;²⁹⁹ и установка власти: «Умные нам не надобны.

²⁹⁶ Ср. там же, стр. 247–248.

²⁹⁷ Там же, стр. 130.

²⁹⁸ Там же, стр. 145.

²⁹⁹ Там же, стр. 156.

Надобны верные»;³⁰⁰ и неутешительный вывод авторов: «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные».³⁰¹

Попытка Антона изменить установившийся порядок и отомстить обидчикам приводит лишь только к тому, что он вынужден переступить через свои этические нормы и установки, вынужден идти вопреки социально-историческим достижениям утопического Завтра. Культурная дистанция, существующая между ним и окружающими, сокращается. Но не в сторону развития, а в сторону регресса. Оружием людей мира Полудня является высокий уровень культуры и просвещения. Именно это является фундаментом того уровня любви, понимания и внутренней строгости, который демонстрируют люди коммунистической утопии.

Для Стругацких история идет всегда в одном направлении. По-видимому, марксистское понимание смены общественно-политических формаций у них не вызывала никаких сомнений. По марксистскому учению, каждая смена формаций приводит к более справедливому варианту общественного устройства. Видимой максимумом справедливого устройства является коммунизм.

Моральные качества человека коммунистического будущего очень высоки, и, показывая их регресс в лице Антона, Стругацкие делают из утопического коммунара живого человека, их ментального современника. Перейдя черту и устроив самосуд над более отсталыми представителями человечества, Антон идет по пути исторической деградации, обесценивает достижения своего общества. Это приводит к катастрофическим последствиям.

Метафорой данного регресса можно считать эпизод, описанный в прологе повести, когда Антон в юности пошел по заброшенному анизотропному (одностороннему) шоссе против направления его движения и, в итоге, вышел к взорванному мосту (т.е. – дорога оборвалась) и скелету, прикованному к старому пулемету (т.е. – насилие, смерть, прах). Данный эпизод заключает в себе взгляд Стругацких на историю, которую Павел, друг Антона, объясняет следующим образом: «Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошел. И наткнулся на прикованный скелет».³⁰² Примечательно, что сам Павел пошел в правильном противоположном направлении по этому шоссе и там помог кому-то починить сломавшийся транспорт, то есть сделал свой вклад в историю, в прогресс, в развитие.

³⁰⁰ Там же, стр. 146.

³⁰¹ Там же, стр. 222.

³⁰² Там же, стр. 261.

В отношении сказанного выше следует сказать несколько слов о персонаже, не упомянутом в найденных мной анализах произведения, но выполняющему, по моему мнению, важную функцию. Это Анка. Она фигурирует в тексте повести лишь опосредованно. Анка – подруга Антона с Земли и, скорее всего, его первая любовь. Она единственный женский персонаж повести из мира Полудня. Для Антона, находящегося в Арканаре, она является своего рода внутренним цензором. Он сверяет свои поступки с тем, как бы отнеслась к ним Анка. Она несет в себе образ женщины Мира Полудня – несколько дерзкий, но не феминистический, заключающий в себе одновременно теплоту, понимание и строгость. Когда Антон думает о Земле, он думает об Анке. Пожалуй, она и есть воплощение образа далекой Земли.

Эпизод, описанный в финале повести, подчеркивает морально-этическую подоплеку произведения, когда в эпилоге Анка впервые встречает Антона после его отправки на Землю, поджидая его на лесной поляне, зная о том, что произошло в Арканаре, зная сколько человек он убил: «Он протянул к ней огромные руки. Она робко потянулась к нему и тут же отпрянула. На пальцах у него... Но это была не кровь – просто сок земляники».³⁰³ Кажется, словно сама Мать-Земля отшатнулась от своего сына, совершившего много страшного и недостойного.

Мир светлого будущего отторгает Антона. Ему больше нечего делать в мире утопии Полудня. Он больше не коммунар и не историк. Повернув против истории и эволюции, он потерял себя и больше не знает, кто он на самом деле, и что ему делать. Нам предельно сложно представить его будущее хоть сколько-нибудь оптимистичным. Эпиграф, взятый Стругацкими у Пьера Абеляра: «То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться»,³⁰⁴ полностью отражает те чувства, на которых Стругацкие хотели заострить внимание в истории Антона. Это очень важный момент, который найдет продолжение в дальнейшем творчестве Стругацких, и мы вернемся к нему позже.

Попытка противостоять логике исторических процессов, логике прогресса, постоянность движения которого для Стругацких совершенно безразлично к человеку как таковому и находится вне категорий этики в принципе, всегда приводит к тупику и жертвам, причем совершенно бесполезным.

С этой точки зрения интеллигенция в СССР 60-х годов прошлого века, скорей всего, прекрасно понимала, о чем говорится в повести, и то, какие в ней заключены

³⁰³ Там же, стр. 262.

³⁰⁴ Там же, стр. 106.

предостережения. Попытки сохранения традиций системы в обществе, усомнившимся в правильности данных системой практик, в обществе, вкусившем от плода прогресса, почувствовавшего притягательность свободы самовыражения и свободного поиска, чреватые социальными потрясениями, и первой жертвой этих процессов будет как-раз ее прогрессивная часть – интеллигенция. Однако и бездействие невозможно, поскольку это противоречит самой природе исторического развития человечества.

Футурология Стругацких, в данном случае, обращенная через прошлое в настоящие и будущее, давала богатую почву для интерпретаций. Утопические коммунары Мира Полудня поставлены ими в некий этический цугцванг. Поступок Антона в конце повести виделся совершенно естественным для соотечественников Стругацких, и досаду вызывало лишь только то, что он так долго медлил в активных действиях по «наведению справедливости».³⁰⁵

Психология строителя коммунизма предполагает активную борьбу за справедливость и равенство. Ставя вопросы об идеалах будущего утопического общества и заводя читателя в логическую морально-этическую ловушку, напоминая, что утопия начинается с человека, но и кончается им, Стругацкие показывают, как далек еще путь к утопии, и задаются вопросом – достижима ли она, исходя из самой природы человека.

Мир Полудня, созданный ими в предыдущих повестях, в «Трудно быть богом» начинает давать первые трещины, начинает постепенно дезавуироваться. Поворотный момент в мировоззрении самих авторов выражен ими, осознано или неосознанно, в дискредитации человека Мира Полудня через провал коммунара Антона, ниспровергнутого с пьедестала утопического богоподобного Нового Человека. Этот символический акт разоблачения собственных иллюзий в последствии все больше приближает авторов к проблематике современного им общества и показывает, что человеку богом быть трудно, если он все еще является человеком.

³⁰⁵ Критика «Трудно быть богом» в советской прессе, зачастую, была направлена именно на Антона, и упрекала его в слишком долгом бездействии. Ср., например, «На этот раз он (*Румата*) убивает тех, кого должно убить. Гуманизм действия побеждает гуманизм бездействия.» Кологривов Р., Человек не хочет быть богом, Знание – сила, № 1, 1965, стр. 17.

«Хищные вещи века». Критика мещанства или сладость запретного плода

Товарный дефицит и мещанство

В 1985 году лидер советской рок-группы «Наутилус Помпилиус» Вячеслав Бутусов в тексте песни «Гуд-бай Америка» («Последнее письмо»)³⁰⁶ напишет в отношении США: «нас так долго учили любить твои запретные плоды». Парадоксально, совершенно того не желая, но к этой науке приложили руку и братья Стругацкие.

СССР – это страна, в которой никогда не было изобилия. Население Советского Союза всегда страдало от того или иного дефицита.³⁰⁷ Выбор продуктов питания в магазинах был очень ограничен. Дефицит затрагивал и потребительские товары, и сферу услуг. Для того, чтобы приобрести дефицитный товар, нужны были знакомства. Товар этот продавался скрыто, как правило, с переплатой или в обмен на какую-либо услугу или другой товар. Поэтому в СССР, за редким исключением, самым выгодным и престижным местом работы была сфера торговли и сфера услуг. Там, за счет сложной сети знакомств и связей, можно было обеспечить себе доступ к качественным продуктам питания, дефицитным товарам легкой промышленности, продуктам умственного и духовного труда (книгам, билетам в театры и т.д.).

Более качественные товары иностранного производства попадали на полки магазинов крайне редко и, как правило, появлялись только в столице или крупных городах. В большинстве своем средний советский гражданин не знал вкуса тропических фруктов, например, ананаса, а имел доступ, и тоже ограниченный, лишь только к тем продуктам, которые производила страна.

Атрибуты общества потребления были абсолютной фантастикой и вызывали легкое благоговение, как образ запретного плода. Увидеть и вкусить от этого плода было суждено лишь немногим избранным. Иными словами, обычный советский человек мог представить себе капиталистическое общество потребления и изобилие товаров в нем только гипотетически, то есть вооружившись большой долей фантазии

³⁰⁶ Авторы текста песни Д.Умецкий, В.Бутусов. Песня входит в альбомы «Невидимка» (1985), «Князь Тишины» (1988).

³⁰⁷ Подробнее о товарном дефиците в СССР см., например: Кушкова А., Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците, Неприкосновенный запас, № 2, 2009, стр. 174–187; Травин Д., СССР. От мифов к фактам, Звезда, № 1, стр. 188–201; № 2, стр. 156–172; № 3, стр. 186–201; О причинах дефицита в социалистической плановой экономике см., например: János Kornai, Socialist System: The Political Economy of Communism, Princeton, Princeton University Press, 1992; Корнаи Я., Дефицит, пер. С. Берзиной, С. Булаха, В. Заикина, Д. Маркова, А. Михальской, А. Полякова, М. Попова, В. Филиппова, Москва, Наука, 1990.

вообразить вкус того или иного продукта или напитка, которого он никогда не видел, или образ которого у него сложился в голове из обрывков какой-то разнородной информации. Видимо поэтому, описание западного мира с его изобилием товаров, возможностей потребления, свободы нравов у советских писателей всегда было очень субъективным, то есть сильно зависело от фантазии автора и от его собственных представлений, поскольку составить какое-либо достоверное впечатление о нем многие из них не могли. И если в конце 1979 года, когда Василий Аксенов писал свой «Остров Крым», атрибуты западного мира уже можно было увидеть в столицах СССР, в 1964 году это было довольно трудно. Контакт с миром, находящимся по ту сторону «железного занавеса», для рядового гражданина, как правило, ограничивался взглядом на проезжающий мимо автобус с надписью «Intourist».

При всем внутреннем дефиците в отношении Запада идеология рисовала неприглядную изнанку капиталистического общества и его «мнимого» изобилия, концентрируясь на его недостатках. Наряду со многими недостатками, заклеяемыми советской пропагандой, было то, что на ее языке обозначалось понятие мещанство. Мещанином называли человека, характерными чертами которого были скупость, стяжательство, привязанность к материальным ценностям, отсутствие социальной ответственности. Мещанство было понятием оскорбительным, уничижительным, было образом действий, не достойным высоты помыслов советского человека. Да, у нас пока нет товарного изобилия, но зато мы духовно более развиты, у нас более высокие цели, чем простое удовлетворение сиюминутных потребностей. Жизнь без идеи не имеет смысла. Таков был послыл.

В 1964 году Стругацкие пишут повесть «Хищные вещи века»,³⁰⁸ в которой делают попытку внести свой вклад в дело критики мещанства и общества потребления. Отношение Стругацких к мещанству, в то время резко отрицательное, можно проследить из интервью журналу «Смена», опубликованном в январском номере 1966 года. Приведу их высказывания на этот счет:

Паскаль сказал: «Учитесь хорошо мыслить – вот основной принцип морали»... Мещанин – это человек, который не желает или не может мыслить хорошо. Его кругозор узок, его духовные потребности бедны и примитивны, а эгоизм его богат и многогранен. Он не хочет знать больше, чем знает, и не желает понять, что кто-то способен думать и чувствовать иначе, чем он. Мещанин – это прежде всего эгоист, и все его усилия направлены на создание оптимальных условий для своего существования. Бывает, на наш взгляд, мещанин глупый и мещанин умный. Глупый мещанин обнаруживается легко: он честен, ибо искренне

³⁰⁸ Первое издание Стругацкий А., Стругацкий Б., Хищные вещи века, Москва, Молодая гвардия, 1965, стр. 131–318.

полагает, что является центром мироздания. Умный мещанин подозревает, что это не так, но считает, что это должно быть так, а потому лжет и скрывается под удобными масками: под маской простосердечия, или под маской учености, или под маской преданности, или под маской принципиальности и непримиримости. Каждый человек в какой-то мере эгоист, а значит, несет в себе зеркало мещанства. Это надлежит иметь в виду, быть начеку и никогда не прощать себе ничего такого, что не прощаешь другим. Знания, любознательность, интерес к миру, жадность к новому, мысль – отличное оружие против мещанства в себе и в других.³⁰⁹

По-видимому, официальное отношение к мещанству у Стругацких полностью соответствует отношению, провозглашенному в Кодексе Строителя Коммунизма.³¹⁰ То же отношение к данному «пороку» высказывает Аркадий Стругацкий и в личном письме к брату от 19.06.1962, за полтора года до интервью журналу «Смена», что говорит о том, что тема мещанства была актуальна в волнующем их дискурсе:

Пятого июня было сборище молодых фантастов, [...] Развернулись прения – аж все вспотели. Спорили и ругались часа четыре. В общем определилась тенденция передовых: фантастика должна быть литературой философской. Так это можно определить. [...] Даешь умные книги, брат Борис! [...] Ненавидь мещанство! [...] Мы на тропе войны! Помни – коммунизм противоположен мещанству. Вот так-то.³¹¹

Кроме того, данное письмо еще раз подтверждает, что мещанство воспринималось братьями как явление, отрицательное и препятствующее строительству коммунистического общества.

Коммунар и космолетчик Иван Жилин – герой повести «Стажеры», провозгласивший столь знаковый для Стругацких постулат, что «главное на Земле»,³¹² согласно сюжету новой повести, действительно остался на Земле и долгое время занимался воспитательской деятельностью, но теперь работает на земные спецслужбы (некий Совет Безопасности). Он направлен инкогнито в страну невероятного материального благополучия – курортный рай, где любят проводить отпуск жители планеты. Жилину поручено разобраться в причине участившихся там случаев загадочных смертей от неизвестного наркотика.

³⁰⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Что вы думаете о жизни, времени, счастье? Ответы на вопросы журнала «Смена», Смена, № 1, 1966, стр. 3, 8.

³¹⁰ Ср. пункт № 9: Непримиримость к несправедливости, туеядству, дурости, нечестности, карьеризму, стяжательству.

³¹¹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962, Москва, АСТ, 2008, стр. 564–565.

³¹² Опытный космолетчик Жилин, после опасного космического полета, в котором он потерял товарищей, погибших в результате попытки сделать новое научное открытие, приходит к выводу, что ни одно научное открытие не стоит человеческой жизни, а главные задачи, которые нужно решать человечеству, находятся не в космосе, а на Земле.

Формально повесть была написана в жанре детектива, но по замыслу авторов должна была стать их первой антиутопией.³¹³ Стругацкие ставят вопросы, соответствующие интересующей их проблематике построения нового общества творческого труда. Что будет с обществом, если дать ему все мыслимые материальные ценности, доступ к образованию и всем доступным благам цивилизации и при этом не требовать ничего взамен? Способно ли такое общество к развитию или весь творческий потенциал этого общества будет направлен исключительно на удовлетворение все более изощренных индивидуальных потребностей и поиск все более невероятных развлечений? Каковы будут духовные потребности такого общества, или духовная деградация неизбежна?

Эти вопросы, поставленные авторами в духе борьбы с мещанством, так или иначе, затрагивали напрямую и советское общество. К середине 60-х годов все большее количество советских людей начинает чувствовать на себе приближение относительного материального благополучия. Преодолены голод и разруха послевоенных лет, развивается инфраструктура, идет масштабное строительство индивидуального жилья. Многие семьи получают отдельные квартиры в так называемых «хрущевках», переселяясь туда из коммуналок.³¹⁴ У большого количества людей впервые появляется не свой угол за фанерной перегородкой, а полноценное отдельное жилье, где они могут устроить все, как им хочется.³¹⁵ Эти квартиры нужно было обустроить: делать ремонт, приобретать мебель, наполнять предметами быта.³¹⁶ Все это влекло за собой много приятных «мещанских» забот, что в условиях дефицита было делом непростым и требовало проявлений немалой изобретательности. Словом, значительная часть советских людей была занята приобретением индивидуальных материальных благ, а не построением коммунизма. В целом, данный курс не противоречил постулатам XXII съезда, ведь построение материальной базы было одной из его задач, однако излишние проявления мещанства критиковались и высмеивались.³¹⁷

³¹³ «Изначально авторы были уверены, что написали антиутопию, изобразили мир, в котором каждому уважающему себя человеку тошно и стыдно жить». См. Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 118.

³¹⁴ Подробнее о коммунальных квартирах в СССР см.: Pott Philipp, Moskauer Kommunalwohnungen 1917 bis 1997: materielle Kultur, Erfahrung, Erinnerung, Zürich, Pano Verlag, 2009; Schlögel Karl, Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergegangenen Welt, München, C. H. Beck, 2017, S. 324–345.

³¹⁵ Ср. Reid Susan E., Happy Housewarming!: Moving into Khrushchev-Era Apartments, in Petrified Utopia: Happiness Soviet Style, ed. Marina Balina, Evgeny Dobrenko, London/New York/Delhi, Anthem Press, 2011, pp. 138–140.

³¹⁶ Там же, pp. 150–153.

³¹⁷ См., например, Никольский А., Как я ловил мещанина, Крокодил, 1964, № 5, стр. 4.

Общество потребления. Человек Беззаботный как Человек Невоспитанный

Стругацкие подходят к проблеме мещанства по-своему. Они пытаются представить, как будет выглядеть общество потребления с учетом надвигающихся вызовов, связанных с научно-техническими достижениями будущего. Они рисуют общество, в котором практически все живут только ради собственного удовольствия: общество, в котором рабочий день длится не более четырех часов, где день и ночь праздник, где существует бесконечное разнообразие кулинарных и наркотических соблазнов, где население не помнит своей истории, никто не читает книг, где воспитанию детей никто не уделяет внимание, где все поверхностно и глупо, где духовные ценности забыты и поруганы.

Однако население при этом ни в чем не нуждается, имеет достаток и досуг. Все живут легко и непринужденно. Стругацкие наполняют этот мир всевозможными соблазнами, какие только мог представить себе советский человек: комфортабельные и обустроенные виллы, машины, шикарные магазины, любой алкоголь, коктейли, бары и рестораны, все в этом мире просто и сделано для удовольствия. Каждый может себе обеспечить данный уровень жизни.

По ходу повествования, следуя за Жилиным в его расследовании, мы замечаем неоднородность и извращенность этого мира. И хотя таксист Амад сулит новоприбывшему Жилину «двенадцать кругов рая»,³¹⁸ скорее Жилин сталкивается с разной степенью декаданса. Погружая читателя все глубже в многокусие запретного плода, Стругацкие, как еще глубоко советские по духу писатели, искренне пытались показать отвратительность и примитивность мира сытости и низких развлечений. Мне кажется, это удалось им лишь отчасти.

В чем проявляется отвратительность этого гедонистического мира? Основная масса людей ничем не интересуется, ничего не знает. «Самое главное – ни о чем не думайте»,³¹⁹ – советует Жилину Амад. Такой же жизненной установки придерживаются и некоторые представители местной науки. Персонаж повести доктор философии Опир пытается дать такому образу жизни уже научно-философское обоснование. В этом герое Стругацкие явно пытаются выстроить образ паразитирующего на науке шарлатана, действия которого, однако, имеют реальные социальные последствия.

³¹⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 270.

³¹⁹ Там же, стр. 275.

Диалог Жилина с Опиром, читающим лекции по «философии неооптимизма» в местном университете, ясно показывает потребительское отношение профессора к целям и достижениям науки. Сама философия Опира – это философия потребления:

Наука! Ее Величество Наука! [...] Она зрела долго и мучительно, но плоды ее оказались изобильны и сладки. Остановись, мгновение, ты прекрасно. [...] Нам исключительно повезло. Мы родились в величайшую из эпох – в Эпоху Удовлетворения Желаний. О наука! Ты наконец освободила человечество! Ты дала нам, даешь и будешь отныне давать все... пищу – превосходную пищу! – одежду – превосходную, на любой вкус и в любых количествах! – жилье – превосходное жилье! [...] Да, мы, философы, много и злобно ругали науку. Мы призывали луддитов, ломающих машины, мы проклинали Эйнштейна, изменившего нашу вселенную, мы клеймили Винера, посягнувшего на нашу божественную сущность. Что ж, мы действительно утратили эту божественную сущность. Наука отняла ее у нас. Но взамен! Взамен она бросила человечество за пиршественные столы Олимпа... [...] вспомните, что было причиной всех несчастий рода человеческого. Неудовлетворенные инстинкты, неразделенная любовь и неутоленный голод, не так ли? Но вот появляется Ее Величество Наука и дарит нам удовлетворение. [...] Любовь и голод. Удовлетворите любовь и голод, и вы увидите счастливого человека. При условии, конечно, что человек наш уверен в завтрашнем дне. Все утопии всех времен базируются на этом простейшем соображении. Освободите человека от забот о хлебе насущном и о завтрашнем дне, и он станет истинно свободен и счастлив. Я глубоко убежден, что дети, именно дети – это идеал человечества. Я вижу глубочайший смысл в поразительном сходстве между ребенком и беззаботным человеком, объектом утопии. Беззаботен – значит счастлив.³²⁰

Итак, достижения науки, по Опиру, должны обеспечить появление нового человека – Человека Беззаботного.

Тут уже заметна определенная внутренняя полемика с утопией Полудня, поскольку в повести «Полдень, XXII век» человек, воспитанный в мире будущего, а вместе с ним и Стругацкие формулировали некий закон природы. А именно: «стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать» (см. выше).

В стране, куда попадает Жилин, этот закон уже совсем не так очевиден. Человек Воспитанный здесь уступает место Человеку Беззаботному. У Опира – дети являются идеалом человечества. Детская беспечность открывает двери ко всеобщему счастью. Но какова плата за эту беспечность? Платой является утрата духовных ориентиров: духовная деградация. Стругацкие довольно прямолинейно обозначают эту мысль уже в эпиграфах к произведению. Первым эпиграфом они берут строки из стихотворения Вознесенского «Монолог битника» (1961): «О хищные вещи века! На

³²⁰ Там же, стр. 307–309.

душу наложено вето...».³²¹ Здесь же они берут и название повести. Вторым эпитафием взята цитата Антуана де Сент-Экзюпери: «Есть лишь одна проблема – одна-единственная в мире – вернуть людям духовное содержание, духовные заботы».³²² Вещи – хищные вещи, отнимают у человека глубину внутреннего содержания. Человек сам заполняет пространство духовного вещественными объектами. «Постепенно там не остается больше места для души», – говорят нам Стругацкие. Не случайно Жилин вспоминает Достоевского и слова старца Зосимы из «Братьев Карамазовых»:

Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок.³²³

Однако и Жилин, пусть непреднамеренно, но на себе испытывает радости «Дрожки».³²⁴ Противостоять гипнотическому сну невозможно. Только когда интелли³²⁵ расстреливают плафоны, он может снова владеть собой.

Интелли – противники этого образа жизни – действительно пытаются бороться. Но их все ненавидят и не понимают. Одним не нравятся их террористические методы, другим отвратительна их тяга к знаниям, третьим – и то, и другое. Интелли слабы и плохо организованы. Стругацкие очень скупо описывают интелли, просто давая нам понять, что они есть и пытаются вести борьбу.

Пресыщенность этого мира рождает такие явления, как Меценаты. Меценаты – это секта самых богатых людей страны. Их тайным развлечением является скупка и последующее торжественное уничтожение ценных предметов искусства.³²⁶

Другие персонажи повести пытаются поднять самооценку, прибегая к экстремальным развлечениям, подвергая свою жизнь смертельной опасности в притонах у Рыбарей.³²⁷

³²¹ Ср., Вознесенский А., Антимир. Избранная лирика, Москва, Молодая гвардия, 1964, стр. 148–149.

³²² Цитата из «письма к генералу Х» (Lettre au Général X) Антуана де Сент-Экзюпери, Ужда, июль 1943 года. Стругацким могли быть доступны два источника этой цитаты: статья В. Тасалова «Капитализм и культура» (1963) и книга М. Мижо «Сент-Экзюпери», опубликованная в «Молодой гвардии». Ср.: Тасалов В., Капитализм и культура. О современной буржуазной эстетике, Сборник статей, Москва, Искусство, 1963, стр. 13; Мижо М., Сент-Экзюпери, Москва, Молодая гвардия, 1963, стр. 398; Сент-Экзюпери А., Письмо генералу «Икс», пер. Н. Галь, Санкт-Петербург, Знак, 2001.

³²³ Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 331; Достоевский Ф., Братья Карамазовы, Москва, АСТ, 2018, стр. 405.

³²⁴ Некие дикие гипнотические танцы, сопровождающиеся очень приятными ощущениями.

³²⁵ В мире «Хищных вещей...» – подобие интеллигенции или людей, равнодушных к знаниям.

³²⁶ Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 335–336.

³²⁷ Некое подобие полосы испытаний, где ценой ошибки является жизнь. Там же, стр. 356–360.

Однако апогеем духовного разложения становится новый наркотик – слег (наркотик у Стругацких электромагнитный). Слег дает человеку возможность погрузиться в мир его самых сокровенных желаний. Попробовав слег, Жилин понимает, что ему уже никогда не стать прежним. Столкновение со своими сокровенными желаниями непредсказуемо. Существует опасность узнать о себе много такого, о чем лучше не знать. Употребление слега опустошает душу, и это рано или поздно заканчивается для человека смертью. Духовная смерть приравнивается Стругацкими к смерти физической. Особенно эта метафора заметна в образе Пека, превратившегося из верного и любимого друга Жилина в совершенно постороннего ему человека с буквально выжженной слегом душой. Стругацким удалось очень ярко отразить ощущения почти физической боли, которую испытывают пристрастившиеся к слегу люди. Уход от реального мира в мир своих грез является для них безусловной целью, для достижения которой они готовы на любые самые мерзкие поступки.

Возможно, впервые в произведении советских авторов так ярко поднимается проблема наркозависимости и ее последствий. По-видимому, на идею появления опасного психотропного наркотика в произведении Стругацких натолкнула книга Кингсли Эмиса «Новые карты ада»,³²⁸ которая упоминается в произведении,³²⁹ и которую братья могли читать на английском, поскольку первые русские переводы появились только в 1991 году.³³⁰ Эмис, узнав о результатах опытов Олдса и Милнера по нейро-стимулированию центров наслаждения мозга у крыс,³³¹ предположил, что в будущем могут возникнуть возможности нейро-стимуляции мозга человека для создания иллюзии бытия. Не исключено, что Стругацкие также знали о появлении психотропных наркотиков (именно в 60-х годах прошлого века на западе начинается увлечение употреблением ЛСД³³²). Фантазия Стругацких достроила все остальное.

Примечательно, что Стругацкие в тексте повести ссылаются на некую гипотезу «советских педагогов Криницкого и Миловановича»,³³³ якобы живших в конце XX

³²⁸ Amis Kingsley, *New Maps of Hell*, New York, Ballantine Books, 1960.

³²⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 383.

³³⁰ См. пилотный номер журнала “512. Magazine of Science Fiction and Fantasy”. Кингсли Э., Новые карты ада, 512. Magazine of Science Fiction and Fantasy, 1991, стр. 54–63.

³³¹ Крысы, получившие возможность самостоятельно стимулировать области мозга, отвечающие за ощущение наслаждения, прекращали есть и размножаться, отказывались от социальной жизни, предпочитая этому постоянную стимуляцию центров наслаждения вплоть до собственной гибели. См.: Olds James, Milner Peter, Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain, *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, 1954, Dec. 47 (6), pp. 419–427.

³³² ЛСД – полусинтетическое психоактивное вещество из семейства лизергамидов.

³³³ Придуманные Стругацкими персонажи.

века. Очевидно, таким образом Стругацкие формулируют свои соображения по теме столь важной для них теории воспитания в контексте проблематики общества потребления:

В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне восемнадцатого-девятнадцатого столетия. Эта давняя система воспитания ставила и ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовить для общества квалифицированного, но оболваненного участника производственного процесса. Эту систему не интересуют все остальные потенции человеческого мозга, и поэтому вне производственного процесса человек в массе остается психологически человеком пещерным, человеком невоспитанным. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию нашего сложного мира во всех его противоречиях, неспособность связывать психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных социальных инстинктов. [...] Человек невоспитанный воспринимает мир как некий по сути своей тривиальный, рутинный, традиционно простой процесс, из которого лишь ценой больших усилий удастся выколотить удовольствия, тоже в конце концов достаточно рутинные и традиционные. Но и неиспользованные потенции остаются, по-видимому, скрытой реальностью человеческого мозга. Задача научной педагогики как раз и состоит в том, чтобы привести в движение эти потенции, научить человека фантазии, привести множественность и разнообразие потенциальных связей человеческой психики в качественное и количественное соответствие с множественностью и разнообразием связей реального мира. Эта задача, как известно, и должна стать основной задачей человечества на ближайшую эпоху. Но пока эта задача не решена, остаются основания предполагать и опасаться, что успехи психотехники приведут к таким способам волновой стимуляции мозга, которые подарят человеку иллюзорное бытие, яркостью и неожиданностью своей значительно превышающее бытие реальное. И если вспомнить, что фантазия позволяет человеку быть и разумным существом, и наслаждающимся животным, если добавить к этому, что психический материал для создания ослепительного иллюзорного бытия поставляется у Человека Невоспитанного самыми темными, самыми первобытными рефлексам, тогда нетрудно представить себе тот жуткий соблазн, который таится в подобных возможностях...³³⁴

Итак, опировский Человек Беззаботный приравнивается Стругацкими к Человеку Невоспитанному. Помещение Человека Невоспитанного в общество, моделью развития которого является все растущее потребление, влечет за собой неизбежное ослабление духовных потенций. Иными словами, сначала должен появиться Человек Воспитанный, способный к восприятию нашего мира во всей его сложности и разнообразии, у которого соблазны процесса потребления вызывали бы самоочевидное отвращение низостью целей и результатов. Такой человек уже в

³³⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992, стр. 384–385.

состоянии столкнуться с достижениями науки и техники и связанными с ними растущими благами цивилизации без опасности потери личных духовных качеств и присущих Человеку Воспитанному социальных компетенций. Для него развитая материальная база является лишь опорой для духовного поиска и саморазвития. В мире «Хищных вещей» все происходит с точностью наоборот. Жилин сетует:

Ну что у них здесь за тоска!.. Дурака лелеют, дурака заботливо возвращают, дурака удобряют... Дурак стал нормой, еще немного – и дурак станет идеалом, и доктора философии заведут вокруг него восторженные хороводы.³³⁵

Проблема воспитания у Стругацких затрагивает сам подход к целям и задачам данного процесса. Если процесс воспитания направлен на получение все более изощренного и жаждущего все большее количество благ потребителя, то вряд ли стоит ожидать от него духовного и качественного роста, поскольку сложность мира его интересует в последнюю очередь.

Иными словами, идя по такому пути, человечество, как вид, отказывается от развития. Подобно первобытным предкам, прятавшимся от опасностей мира в пещерах, современный человек находит себе такие удобные и теплые лакуны стагнации и вырождения. Жилин задается вопросом в отношении мира «Хищных вещей», а вместе с тем и всего человечества:

Спасать. До каких пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков опиров? Почему вы не желаете утруждать мозг? Почему вы так не хотите думать?³³⁶

Коммунар Жилин останется в этой «стране дураков». И, конечно, он будет ее спасать. Но прежде всего он займется воспитанием детей. Для спасения этого мира Стругацкие вручают ему книги. Книги должны научить этих людей быть другими. Удивительно, но и здесь, Стругацкие снова цитируют отрывок из «Дороги на океан» Леонова.³³⁷ Коммунистический мир протягивает руку помощи своим заблудшим братьям. Дорогой труда, знаний, самопожертвования, веры в величие человека ведет Жилин их к океану истинного счастья, творческих и духовных радостей, являющихся реальными ценностями жизни.

«Хищные вещи века» очень советская книга, хотя и затрагивает невиданную в Советском Союзе проблематику пресыщения потреблением. Примечательно, что на

³³⁵ Там же, стр. 347.

³³⁶ Там же, стр. 412.

³³⁷ Там же.

вопрос газеты «Вечерняя Москва»: «как вы представляете человеческое общество в 2000 году», в конце 1964 года братья отвечают следующим образом:

Что будет характерно для человечества в то время? Во-первых, все международные конфликты будут решены. Во-вторых, во всем мире начнется наступление за человека в человеке. Разные страны будут использовать в этом отношении опыт, накопленный в СССР. А у нас работа по воспитанию людей нового общества уже завершится. Исчезнут из жизни явления, которым соответствуют ныне понятия мещанства, обывательщины, мракобесия.³³⁸

Вкусные вещи века

Вернусь к утверждению, сделанному мной в самом начале данной главы: утверждению о том, что Стругацкие этим произведением, в котором столь ярко описано разнообразие доступных благ общества потребления, сами того не желая, приложили руку к «идеологическому растрелению» тех самых будущих строителей коммунизма, которым оно было адресовано. Вероятно, это очень хорошо почувствовала чуткая на подобные вещи советская цензура. «Хищные вещи века» были изданы в 1965 году, но после, в эпоху Брежнева, очень долго больше не переиздавались, несмотря на большую популярность как авторов, так и самого произведения.

Привлекательность атрибутов общества потребления и манящая легкость бытия его обитателей порой перевешивала морально-идеологический посыл, вложенный Стругацкими в эту книгу. В конце концов, никто не мешал людям описанного Стругацкими сытого и свободного общества вместо пьянства, наркомании и разгула – читать книги и получать образование, заниматься искусствами и любым самовыражением, мечтать и изобретать, делать все, что угодно, не ощущая давления ни государства, ни общества. Для многих советских читателей данная антиутопия Стругацких была именно желанной утопией: возможностью пофантазировать о прелестях жизни, которых априори был лишен обычный советский гражданин.

Чтобы понять, как сильно отличался быт советских людей, а в данном случае – популярного советского писателя Аркадия Стругацкого от описанного им же «порочного» общества потребления, приведу отрывок из его письма брату от 27.10.1964, еще в период работы над повестью «Хищные вещи века»:

³³⁸ «Год 2000-й... Что говорят он нем фантасты», Вечерняя Москва, 31.12.1964; Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 314–315.

Получил твое письмо. Послание к Альтову перепечатаю и вышлю ему завтра. Сегодня, вероятно, не удастся, потому что, во-первых, везу Машку записывать в поликлинику, во-вторых, сегодня выдают муку, которую я должен приволоочь домой – двенадцать кило на нашу семью.³³⁹

Эти строки довольно красноречиво показывают, насколько фантастичным было описанное в повести изобилие для обычного гражданина Страны Советов. Гораздо позже, уже в 1998 году Борис Стругацкий писал о мире «Хищных вещей»:

Наше отношение к этому миру, как к АНТИУТОПИИ, переменялось. Мы поняли, что этот мир, конечно, не добр, не светел и не прекрасен, но и не безнадежен в то же время, – он способен к развитию. Он похож на дурно воспитанного подростка со всеми его плюсами и минусами. И уж во всяком случае, среди всех придуманных миров он кажется нам наиболее ВЕРОЯТНЫМ.³⁴⁰

В том же году, вслед за «Хищными вещами века» Стругацкие пишут юмористическую полу-фольклорную сказку «Понедельник начинается в субботу», на которой я не буду останавливаться. Хотя эта повесть и принесла им невероятную популярность, особенно в среде научных работников, сама она не представляется мне достаточно интересной в рамках темы данной работы. Сами Стругацкие воспринимали ее как забавную вещицу для занимательного чтения. В ней они передают веселую атмосферу работы младших научных сотрудников, можно сказать – внутреннюю кухню творческого научного труда. В ней присутствует и сказка, и элемент сатиры, и приключения во времени, и многое другое. Уже в 1965 году повесть издали отдельной книгой. Книга вышла с очень удачными иллюстрациями незаурядного детского художника Евгения Мигунова и была принята молодыми читателями с восторгом. Большое количество цитат из этой книги были с удовольствием цитируемы представителями научной интеллигенции. Иными словами – цитаты ушли в народ, что обеспечило Стругацким небывалую до тех пор известность.

Профессиональные писатели

Не трудно заметить, что, несмотря на первый неожиданный демарш Хрущева и партийной элиты в отношении творческой интеллигенции, случившийся после выставки в Манеже (см. выше), в 1964 году Стругацкие остаются все еще в высокой степени идеалистами. Они зовут людей в будущее: в светлое будущее творческого

³³⁹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 272.

³⁴⁰ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 119–120.

труда. Мне представляется, немаловажную роль здесь сыграл факт принятия Стругацких в Союз Советских Писателей (ССП), формально делавший их профессиональными писателями. С этого момента их официальной работой становится написание книг, и теперь они могут уволиться с мест своей прежней работы и заняться исключительно писательской деятельностью без риска быть осужденными за тунеядство. Из переписки авторов заметно, что это обстоятельство воспринимается ими как долгожданная победа, дающая возможность влиять на читательские массы уже в новом статусе, а значит, и в большем масштабе.³⁴¹

В письме брату от 20.04.1964 Борис предлагает написать новую статью, освещающую проблему «Писатель – Новый Читатель»:

(Статья, прим. А.К.) о правах и обязанностях писателей в отношении новой аудитории ученых, невиданной раньше (в 1962 г. в вузах СССР училось три миллиона человек, представляешь?).³⁴²

В ответном письме от 22.04.1964 Аркадий реагирует на предложение брата:

Твоя идея отличная. Мы обязательно напишем такую статью и опубликуем в Литературке.³⁴³ Три миллиона научных в год! Ничего себе ухо!³⁴⁴

Статья под названием «Через настоящее – в будущее» действительно вышла, но не в «Литературной газете», а в журнале «Вопросы литературы» в августе 1964 года.³⁴⁵ В ней Стругацкие, уже как члены ССП, пишут о своем понимании вопроса взаимоотношений писателя с читателем в период скачка научно-технического прогресса:

[...] только «короткая нога», с научным мировоззрением, с философией науки позволяет сейчас раздвинуть рамки традиционных сюжетов литературы и заглянуть в новый невиданный доселе мир гигантских человеческих возможностей, всепланетных тенденций, надежд и ошибок. Если так можно выразиться, «писатель-научник» может в литературе больше, чем «обыкновенный» писатель. Человек, не имеющий представления о самых общих закономерностях движения материи и общества, просто не может быть в наше время настоящим писателем.³⁴⁶

³⁴¹ Ср. переписку братьев Стругацких от 22.04.1964, 23.04.1964, 24.04.1964, 25.04.1964.

Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 193–197.

³⁴² Там же, стр. 189.

³⁴³ «Литературная газета».

³⁴⁴ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 193.

³⁴⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Через настоящее – в будущее, Вопросы литературы, 1964, № 8, стр. 73–76.

³⁴⁶ Там же, стр. 75.

Этот отрывок является очень показательным отражением взгляда Стругацких того времени в отношении задач литературы. Новая литература должна готовить человека к вызовам нового мира – мира научного прогресса:

«Писатель-научник», писатель философ видит дальше, угадывает вернее. Взрывоподобное развитие науки застало человечество врасплох. Лучшие умы человечества силятся нынче осмыслить этот процесс и научиться управлять им. [...] Время сейчас сложное. Писатель должен пристально следить за социальной действительностью всех явлений жизни, прогресса науки; он должен первым привлечь внимание к росткам прекрасного нового, первым предупредить о возможной, никем еще не осознанной угрозе. Это может сделать только писатель, вооруженный знанием. Хочется добавить – современным знанием. К сожалению, таких писателей пока прискорбно мало.³⁴⁷

Заметно, что Стругацкие вкладывают в работу писателя элементы сходные миссионерству, очевидно видя и в своей работе определенную миссию. Миссия заключается в попытке заглянуть в будущее, выявить его проблемы, угадать вызовы, а самое главное – подготовить человека к его наступлению. В этом смысле очевидно, что и борьба с мещанством – одна из важнейших задач писателей Стругацких:

Очень хочется написать о многом. [...] о великой эпохе человеческой истории, которая даст нашим потомкам мир и безопасность, об эпохе победоносного сражения с мещанством... [...] Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с развивающейся экономикой и наукой о воспитании человека в человеке.³⁴⁸

Тематика повести «Хищные вещи века», статья «Через настоящее – в будущее», зачисление Стругацких в ССП показывают, что в 1964 году братья еще очень остро чувствовали свою вовлеченность в дело строительства коммунизма, демонстрировали глубокую принадлежность к советскому строю и его целям, возлагали на себя идейно-просветительскую миссию советских писателей по воспитанию масс.

«Улитка на склоне»

Модный экзистенциализм

14 апреля 1856 года, в Лондоне, на банкете в честь четвертой годовщины газеты “The People’s Paper”, Карл Маркс произнес речь об исторической роли пролетариата в эпоху технического прогресса. В своей речи, еще тогда, кроме всего прочего, Маркс высказал следующую мысль:

The new-fangled sources of wealth, by some strange weird spell, are turned into sources of want. The victories of art seem bought by the loss of character. At the same

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же, стр. 76.

pace that mankind masters nature, man seems to become enslaved to other men or to his own infamy. Even the pure light of science seems unable to shine but on the dark background of ignorance. All our invention and progress seem to result in endowing material forces with intellectual life, and in stultifying human life into a material force.³⁴⁹

Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятым чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что по мере того, как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей, либо же рабом собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишённая своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы.³⁵⁰

Пожалуй, одна из самых загадочных повестей Стругацких «Улитка на склоне», если провести широкое обобщение, занимается вопросом, поднятым Карлом Марксом, и разделяет его опасения в отношении прогресса и связанного с ним будущего. Что есть прогресс? В какое будущее он ведёт человечество? Что есть человек, и есть ли человеку место в этом будущем? Каковы отношения человека и эволюции? Кроме того, важным аспектом произведения являются вопросы, поднятые французскими атеистическими экзистенциалистами, и прежде всего Альбером Камю и Жан-Поль Сартром – вопросы свободы, выбора и ответственности перед лицом неминуемого конца существования.³⁵¹

Появление «Улитки на склоне» именно в середине 60-х обосновано исторически. Эта повесть не похожа на другие работы авторов. От всего творчества Стругацких она располагается несколько особняком.

Середина шестидесятых – это было время некоторого замиранья, связанного со сменой руководства страны. Брежнев сменил Хрущёва,³⁵² и было не ясно, куда качнется маятник идеологии. Будет новая волна либерализации, или снова начнется зажим? Но и результаты оттепельной либерализации в плане впитывания советской интеллигенцией современных мировых дискурсов привели к качественному сдвигу в мировоззрении последних, позволив взглянуть на мир в несколько более широком

³⁴⁹ Marx Karl, Speech at anniversary of the People's Paper, The People's Paper, 19.04.1856. <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1856/04/14.htm>

³⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, тт. 1–39, Издание второе, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1958, т. 12, стр. 4.

³⁵¹ См. Альбер Камю: «Миф о Сизифе» (1936), «Чума» (1947), «Бунтующий человек» (1951); Жан-Поль Сартр: «Бытие и ничто» (1943), «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946).

³⁵² См. Suny Ronald G., The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States, New York/Oxford, Oxford University Press, 1998, pp. 418–419.

культурном диапазоне. Взлет интереса к литературе, поэзии, театру, кино не ограничивался отечественными именами. В сферу советской духовной жизни попали в том числе сочинения Сартра, Камю, Кафки, Кобо Абэ и других авторов, близких теме экзистенциализма.

Как отмечают Вайль и Генис: «Французские шансонье, одетые в традиционные черные цвета экзистенциализма, определяли вкус молодых интеллектуалов в той же степени, как рок Элвиса Пресли – вкус столичных «штатников». [...] Литература Сартра, Камю, Кафки пользовалась огромной популярностью».³⁵³

Эти тенденции, отразившись и в творчестве Стругацких, нашли свое воплощение в «Улитке...», где «абсурд» Камю как метафизическое состояние человека в мире и «Ад – это другие» Сартра переплетаются самым причудливым образом.

Композиционно повесть разделена на две части – это попеременно сменяющие друг друга главы, которые можно отнести к двум довольно слабо связанным между собой сюжетным линиям «Леса» и «Управления». Пожалуй, это единственная повесть Стругацких, действие которой происходит в неуказанном мире. Авторы не дают нам никаких подсказок на этот счет. В этом мире существует бескрайний, фантастический, плотомерно-живой «Лес» и существует некое «Управление по делам Леса», расположенное на утесе, в непосредственной близости к Лесу, декларированная задача которого – изучить, понять, освоить и, самое главное, подчинить себе этот неведомый Лес.

Возможно, данная начальная посылка в определенной степени является репликой на повесть «Солярис» (1961) Станислава Лема,³⁵⁴ в которой рассказывается о попытке исследования людьми будущего бескрайнего разумного Океана планеты Солярис. Стругацкие читали эту повесть Лема и, весьма вероятно, отталкивались от нее при построении мира произведения. Действительно, в «Улитке...» вместо Океана появляется бескрайний и непознанный Лес, а вместо Исследовательской станции, парящей над Океаном Соляриса, – стоящее на утесе «Управление по делам Леса».

³⁵³ Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998, стр. 265.

³⁵⁴ Lem Stanisław, Solaris, Warszawa, Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1961; Впервые в СССР повесть была опубликована полностью в журнале «Звезда» №№: 8, 9, 10 в 1962 году. См.: Лем С., Солярис, пер. Д. Брускина, Звезда, 1962, № 8, стр. 85–118; № 9, стр. 139–158; № 10, стр. 118–157.

В повести два главных героя – Перец и Кандид.³⁵⁵ Перец – филолог, приехавший в Управление, чтобы наконец увидеть Лес, о котором он думал, мечтал, писал всю свою жизнь. Он страстно мечтает попасть в Лес, но не может, потому что ему не дают пропуск. Кандид, напротив, один из ученых, работавших в Лесу и пропавший в нем после крушения вертолета. Он страстно желает выбраться из Леса, но тоже не может, застряв в деревне у местных жителей, приютивших и выходивших его после аварии. Две эти диалектически разные стартовые посылки отражены в повести и стилистически по-разному. Часть, относящаяся к Управлению, – это абсурдистская проза, схожая с кафкианской, изобилующая невероятными, нелогичными и, порой, совершенно обескураживающими событиями. Часть, относящаяся к Лесу, напоминает деревенскую прозу, отмеченную как примитивной монотонностью бытия местных жителей, так и печатью определенной эволюционной бесперспективности.

Упорство, с которым Стругацкие традиционно смешивают в своих текстах общечеловеческие вопросы личного морального выбора с вопросами ценности познания и необходимости духовного развития, а также с попытками осознания социально-исторической проблематики аспектов прошлого, настоящего и будущего, в повести «Улитка на склоне» приобретает наиболее выраженный характер. Это смешение в купе с намеренной недосказанностью, незавершенностью сюжетной линии, неоднозначностью оценки морального выбора героев предоставляло богатую пищу для размышлений и споров, составляло посягательство на простоту однозначных трактовок. Аудитория Стругацких – интеллигенция, поэтому не удивительно, что главные герои повести – интеллектуалы. Несмотря на то, что Перец и Кандид находятся в диалектически-противоположной ситуации целеполагания (попасть в Лес и выбраться из Леса), их объединяет одна и та же этическая дилемма, свойственная многим интеллектуалам, – приспособиться или бунтовать, отказавшись от приспособления. В то время как Перец, тщетно пытающийся найти хоть какой-то здравый смысл в работе Управления, болен «тоской по пониманию»,³⁵⁶ Кандид никак не может покинуть деревню, избавиться от ее морока и ее многословных, нелепых и

³⁵⁵ Имя Кандид древнеримского происхождения имеет следующие значения – белый, чистый, искренний, простодушный, наивный. Возможна отсылка к Вольтеру – «Кандид, или Оптимизм» (1759).

³⁵⁶ «Увидеть и не понять – это все равно что придумать. Я живу, вижу и не понимаю, я живу в мире, который кто-то придумал, не затруднившись объяснить его мне, а может быть, и себе. Тоска по пониманию, вдруг подумал Перец. Вот чем я болен – тоской по пониманию»: Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 98–99.

странных обитателей, твердя себе уже ставшее для него мучительным словосочетание: «выходим послезавтра».³⁵⁷

Под надзором

Для начала обратимся к части, касающейся Переца и Управления. Эта часть произведения, в некотором смысле, продолжает тенденцию попыток Стругацких писать острую социальную сатиру и заниматься критикой отдельных аспектов жизни общества. Как мне представляется, немаловажной причиной, подтолкнувшей Стругацких все чаще обращаться к данной проблематике, явилась смена руководства СССР и постепенное превращение модели устройства страны в бюрократизированную партократию.³⁵⁸ С приходом к власти Брежнева оттепельная либерализация стала окончательно затухать.³⁵⁹ Стругацкие видели это.

Существуют свидетельства, которые подтверждают их обеспокоенность сменой курса: «А времена тугие наступают, судя по всему», – пишет Аркадий в письме брату от 28.06.1965.³⁶⁰ В ответном письме от 03.07.1965 Борис разделяет это беспокойство: «И очень меня беспокоят твои намеки на то, что времена наступают тугие».³⁶¹ По-видимому, между собой новую ситуацию в стране братья называли кодовыми словами «общее положение», поскольку это выражение встречается неоднократно в переписке авторов в данный период времени. К примеру, в письме брату от 22.02.1966 Аркадий пишет:

Вчера был у Шефа.³⁶² Славный человек, очень я его люблю. Много говорили о положении общем. [...] Вообще об общем положении очень много чего говорят, но писать об этом лучше не надо. Потом встретимся и поговорим.³⁶³

Именно в это время идет судебный процесс над писателями Синявским и Даниэлем.³⁶⁴ Они переправляли свои произведения за границу для издания их на

³⁵⁷ Там же, стр. 35, 41, 184.

³⁵⁸ См. Малинкович В., Три революции и две перестройки. Этюды на темы советской истории, Москва, ИГПИ, 2008, стр. 179–188.

³⁵⁹ См. Suny Ronald G., The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successors States, New York/Oxford, Oxford University Press, 1998, pp. 425–427.

³⁶⁰ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 407.

³⁶¹ Там же, стр. 410.

³⁶² Стругацкие так называли между собой Ивана Ефремова.

³⁶³ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 530.

³⁶⁴ Подробней о деле Синявского и Даниэля см. Гинзбург А., Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, Frankfurt am Main, Possev-Verlag, 1967.

Западе под псевдонимами, поскольку на родине их не печатали. Их осудят и посадят в тюрьму по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде».

Усиливающийся партийный контроль над прессой и издательствами впервые напрямую затрагивает и братьев Стругацких. На них поступают доносы в ЦК ВЛКСМ³⁶⁵ от коллег по цеху писателей-фантастов Колпакова, Котляра и Чижевского в отношении «удручающего идеологического наполнения произведений Стругацких».³⁶⁶ А в марте 1966 года уже в сам ЦК партии поступает докладная записка от отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС с нелестными отзывами в отношении писателей Стругацких. Приведу выдержки из данной докладной записки:

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считает необходимым доложить о серьезных недостатках и ошибках в издании научно-фантастической литературы. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают произведения так называемой «социальной» или «философской» фантастики, в которых моделируется будущее общество, его политические, моральные, человеческие аспекты. [...] Жанр научной фантастики для отдельных литераторов стал, пожалуй, наиболее удобной ширмой для легального протаскивания в нашу среду чуждых, а иногда и прямо враждебных идей и нравов. [...] представители отечественной «философской» фантастики вступили в противоборство с идеями материалистической философии, с идеями научного коммунизма. Для иллюстрации считали бы возможным подробно остановиться на содержании наиболее показательных в этом смысле произведений, принадлежащих перу братьев А. и Б. Стругацких.³⁶⁷

С этого момента Стругацкие попадают под пристальное внимание идеологического отдела ЦК и, несмотря на беспрецедентную популярность в своем жанре, с точки зрения издания в СССР, судьба их некоторых дальнейших произведений будет трудной.³⁶⁸

Общая тенденция ужесточения идеологического контроля над гражданами страны и постепенное сползание в так называемую «эпоху развитого социализма» (теперь принято называть это время «эпохой застоя») для многих ощущались как абсурдное необоснованное движение назад. Ручеек относительной свободы оттепельных лет стал стремительно пересыхать на глазах обеспокоенных граждан, а смещение оттепельных и застойных нарративов в первые годы правления Брежнева

³⁶⁵ Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

³⁶⁶ Ср. Пушкарь Д., Чарный С., Гнев богов. Рукописи, как известно, не горят. Доносы – тоже, Московские новости, 26.03.2002, стр. 19.

³⁶⁷ Ревич В., Фантасты под надзором ЦК КПСС, Знание – сила, 1993, № 7, стр. 90–95.

³⁶⁸ К примеру, в СССР, «Улитка на склоне» (1966), полностью и в ее настоящем виде, будет издана только в 1988 году. Повесть «Сказка о тройке» (1967) будет издана в первоначальном авторском варианте только в 1987 году. Роман «Град обреченный» (1972) будет написан «в стол», т. е. без надежды на издание, и будет впервые опубликован только в 1988 и 1989 годах.

(до ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году) придавало этому движению еще больше абсурда.

Как мне представляется, именно этот временный, болезненный и деструктивный переход от оттепели к застою, вызывавший особенно в интеллектуальной среде известное отторжение, мог повлиять на появление в творчестве Стругацких кафкианских абсурдистских проявлений. Кафкианский герой, сталкивающийся с безликой (или многоликой), но совершенно бесчеловечной бюрократической машиной бесконечных институций, законов, инструкций и предписаний, ощущающий себя щепкой в океане чужих и непонятных мотиваций, беспокойный и одинокий в чуждом ему социуме подходил как нельзя лучше для описания ощущения растерянности и тревожных предчувствий, связанных с дальнейшей судьбой страны в пост-оттепельный период. Структура Управления, описанная в «Улитке на склоне», дает нам некоторые намеки на абсурдность и противоречивость целей и мотивировок в период этого перехода, отражает атмосферу жизни в обществе переходного периода, когда никто точно не знает, что еще можно, а что уже нельзя.

«Управление» как советское учреждение

Управление разбито на департаменты или группы, занимающиеся зачастую взаимоисключающими задачами: изучением Леса, вооруженной охраной Леса, искоренением Леса, помощью местному населению Леса, инженерным проникновением в Лес, научной охраной Леса и прочим. Сложно не заметить, что у группы охраны Леса и у группы его искоренения должны быть противоположные цели. Одни сотрудники тщательно изучают Лес, другие с восторгом предвкушают, как они сделают на его месте «сухую и ровную бетонированную площадку».³⁶⁹ Несчастному Перецу никак не удастся понять, чем же, собственно, занимается Управление, в чем его задача.

Собственно, часть, посвященная Управлению, есть явная сатира на любое советское учреждение, приметы которого угадываются безошибочно. Кабинет Переца, почему-то, располагается в мужском туалете, а арифмометр, на котором он считает что-то ему совершенно непонятное, вычисляет явно неверно, причем всем это известно. Если в романе Берджиса «Заводной апельсин» герои пьют молоко,³⁷⁰ в

³⁶⁹ Стругацкий А. Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 16.

³⁷⁰ Burgess Anthony, A Clockwork Orange, London, Heinemann, 1962.

повести Стругацких они пьют кефир. Сотрудники Управления постоянно пьют кефир (по-видимому, в мире «Улитки» кефир является алкогольным напитком). Действительно, сложно представить столовую в любом советском учреждении без кефира, и этот сатирический прием создавал нужную и угадываемую читателем атмосферу бытия советского гражданина.

В назначенный день и час все сотрудники Управления получают от директора по телефону важные инструкции, при этом у каждого работника своя телефонная трубка, и каждый в ней слышит что-то свое: «Ведь директор обращается ко всем сразу, но одновременно и к каждому в отдельности».³⁷¹ Почти сакральная фигура директора, которого никто не видел, или каждый видел по-своему, не поддается идентификации и материализуется для нас лишь, когда директором становится сам Перец.

Как это свойственно Стругацким, в каждый персонаж сотрудника Управления они вкладывают определенный социальный тип или функцию, что еще больше придает этой части повести сатирический окрас. Сотрудники Управления постоянно меняют должности и профессии, причем совершенно нелепым образом: вчерашний менеджер – сегодня уже становится механиком, комендант – заведующим парикмахерской, а водитель – старшим лаборантом, что тоже подчеркивает повседневность абсурда жизни Управления.

Символизм заключается в том, что Перец – воплощение интеллектуала – понимает, что он в Управлении «посторонний»,³⁷² что у него даже нет своей трубки. Дистанция между работниками Управления, совершенно разными, но понимающими все про Управление и его природу, и Перцем, не понимающим ничего, как бы призвана показать одиночество и дезориентацию интеллектуала в среде абсурдного настоящего.

Стругацкие, в лучших традициях Франца Кафки, намеренно делают Управление обителью абсурда, и, пожалуй, нет большого резона распутывать хитросплетения вложенных здесь смыслов, учитывая, что многие из них, в соответствии с задумкой авторов, оборваны или не раскрыты. Двусмысленность, возникающая на уровне восприятия текста, отражена Стругацкими не только на мета-уровне, но и буквально. Примером тому служит, например, эпизод диалога Перца с Ахти. На вопрос Перца, где находится оригинал картины, копию которой они обсуждают, Ахти отвечает: «Оригинал, разумеется, уничтожен как предмет

³⁷¹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 59.

³⁷² Там же, стр. 10; Возможна отсылка к повести Камю «Посторонний» (1942).

искусства, не допускающий двоякого толкования. Первая и вторая копии тоже из некоторой предосторожности уничтожены...».³⁷³

Кажется, что каждый эпизод жизни Управления написан Стругацкими так, чтобы однозначной трактовки этого эпизода просто не существовало. Напротив, они стремятся запутать читателя окончательно, с каждой последующей фразой расширяя поле для возможных интерпретаций. Однако, ощущение узнаваемости остается. Дмитрий Быков полагает, что:

Все Стругацкие, начиная с 1965 года, занимаются, в основном, мета-описанием или широким системным описанием советского проекта как такового, и на этом фоне «Улитка на склоне» выделяется великолепным буквализмом в описании того, что на самом деле происходило в Советском Союзе.³⁷⁴

Действительно, читая повесть и, в особенности, часть, посвященную работе Управления, трудно отделаться от мысли, что Стругацкие описывали, пусть и в сатирической форме, но окружающую их действительность. Когда Быков говорит о буквализме Стругацких, он имеет в виду прежде всего признаки советской действительности – узнаваемость примет быта и идеологии.

Приведу наиболее показательные примеры. В эпизоде, когда сотрудники Управления создают комиссию для проверки Переца «так сказать, в демократическом порядке»,³⁷⁵ предлагаются на голосование кандидатуры членов комиссии. Избрать «секретарем» комиссии предлагают Доморощинера, а на должность «товарища секретаря» предлагается кандидатура Вандербильда. И хотя в тексте повести ни разу не встречается обращение «товарищ», что было бы слишком очевидной отсылкой к СССР, здесь Стругацкими оно обыграно в сатирическом ключе. Привычное словосочетание «товарищ секретарь» превращается у Стругацких в комичное – «товарищ секретаря». И в целом в данном эпизоде высмеиваются те слишком частые, зачастую формальные, производственные собрания с избранием членов комиссий открытым голосованием и решением непрофильных вопросов, из чего, зачастую, состояла жизнь работника советского учреждения.³⁷⁶

Следующий пример, где мы сталкиваемся с так называемым «буквализмом», касается идеологического аспекта жизни Управления. Когда «товарищ секретаря» рассказывает о перспективах жизни Управления, о которых ему поведал директор в

³⁷³ Там же, стр. 79.

³⁷⁴ Ср. <https://www.youtube.com/watch?v=3C-yUTBuNQA> (2:53 – 3:18)

³⁷⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 86.

³⁷⁶ Ср. там же, стр. 86–89.

его телефонную трубку, заметны прямые аллюзии на идеологический аспект жизни страны Советов:

В последнем своем выступлении, обращаясь ко мне, директор развернул величественные перспективы. У меня просто дух захватило от восторга, я не стыжусь сознаться. [...] Если хотите знать, все будет снесено, все эти склады, коттеджи... Вырастут ослепительной красоты здания из прозрачных и полупрозрачных материалов, стадионы, бассейны, воздушные парки, хрустальные распивочные и закусовые! Лестницы в небо! Стройные гибкие женщины со смуглой упругой кожей! Библиотеки! Мышцы! Лаборатории! Пронизанные солнцем и светом! Свободное расписание! Автомобили, глайдеры, дирижабли... Диспуты, обучение во сне, стереокино... Сотрудники после служебных часов будут сидеть в библиотеках, размышлять, сочинять мелодии, играть на гитарах и других музыкальных инструментах, вырезать по дереву, читать друг другу стихи!..³⁷⁷

В этом отрывке, кроме явного сходства с риторикой советского идеологического аппарата, заметно сходство с картинами утопического Завтра, которое рисовали Стругацкие в ранние годы творчества в сборнике «Полдень, XXII век» (см. выше). И если в прошлом они писали об утопическом завтра с изрядной долей восторженного оптимизма, в «Улитке» уже наблюдается неприкрытый сарказм. Более того, ответом на данный монолог становится заявление другого протагониста, и этот ответ, скорее всего, соответствует выводам авторов:

Это тебе только кажется. Не будешь ты меня слушать. И стихи ты сочинять не будешь. Повыпиливаешь по дереву, а потом к бабам пойдешь. Или напьешься. Я же тебя знаю. И всех я здесь знаю. Будете слоняться от хрустальной распивочной до алмазной закусовой. Особенно если будет свободное расписание.³⁷⁸

Здесь наблюдается заметный отход Стругацких от мироощущения, свойственного их раннему творчеству. Напротив, теперь Стругацкие вынуждены констатировать, что прекрасные картины будущего, которые рисовались им в молодости, на деле оборачиваются миражом и самообманом, а болезненное столкновение с «прозой жизни», по-видимому, неизбежно. Какие бы прекрасные картины будущего ни рисовали идеология и воображение, это будущее будет не кем заселить. Нет людей, ментально и идеологически готовых в ней жить. Восторженный идеобраз общества творческого труда, ведший их в годы раннего творчества, к 1966 году уже кажется затасканным и тусклым.

³⁷⁷ Там же, стр. 89.

³⁷⁸ Там же, стр. 90.

Между Настоящим и Будущим

Двадцать два года спустя после написания повести в 1987 году Борис Стругацкий, зная, что «Улитку...» интерпретируют совершенно по-разному, на заседании ленинградского семинара писателей фантастов раскрыл задумку авторов.

Прежде всего, Лес и Управление несут в себе символический смысл:

Что такое Лес? Лес – это Будущее. Про которое мы ничего не знаем. О котором мы можем только гадать, как правило, безосновательно, о котором у нас есть только отрывочные соображения, так легко распадающиеся под лупой сколько-нибудь пристального анализа. О Будущем – если честно, если положить руку на сердце, о Будущем мы знаем сколько-нибудь достоверно лишь одно: оно совершенно не совпадает с любыми нашими представлениями о нем. Мы не знаем даже, будет ли мир Будущего хорош или плох – мы в принципе не способны ответить на этот вопрос, потому что, скорее всего, он будет нам безмерно чужд...³⁷⁹

Что такое Управление – в нашей [...] символической схеме? Да очень просто – это Настоящее! Это Настоящее, со всем его хаосом, со всей его безмозглостью, удивительным образом сочетающейся с многомудренностью, Настоящее, исполненное человеческих ошибок и заблуждений пополам с окостенелой системой привычной антигуманности. Это то самое Настоящее, в котором люди все время думают о Будущем, живут ради Будущего, провозглашают лозунги во славу Будущего и в то же время гадят на это Будущее, искореняют это Будущее, всячески изничтожают ростки его, стремятся превратить это Будущее в асфальтированную автостоянку, стремятся превратить Лес, свое Будущее, в английский парк со стриженными газонами, чтобы Будущее сформировалось не таким, каким оно способно быть, а таким, каким нам хотелось бы его сегодня видеть...³⁸⁰

Действительно, в произведении мы можем найти большое количество намеков на этот символизм, разбросанных авторами по всему тексту повести. Эти намеки выражены и в эпиграфе к повести,³⁸¹ и через мысли Переца, беспрестанно думающем о Лесе, как мог бы думать интеллеktуал о будущем человечества.

Примечательно, что будущее здесь рассматривается через призму экзистенциального осмысления. Перец, думающий о Лесе-Будущем, старается осмыслить роль и место человека перед лицом неминуемого конца существования, пытаясь найти смысл в мире абсурдного настоящего. Единственное, на что он может

³⁷⁹ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 135.

³⁸⁰ Там же, стр. 136.

³⁸¹ Один из эпиграфов Стругацкие берут у Пастернака. Это отрывок из стихотворения «За поворотом» (1958): «За поворотом в глубине лесного лога, приснилось будущее мне верней залога...». Ср. Пастернак Б., Стихотворения и поэмы, Ленинград, Советский писатель, 1965, стр. 481. В тексте повести можно проследить буквальные отсылки к данному стихотворению: «... а дорога впереди, совсем близко, делала новый поворот, и что было за поворотом, угадать он не мог.», «Он посмотрел назад. Там тоже был поворот, и что было за этим поворотом, угадать он тоже не мог.» Ср. Стругацкий А. Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе шествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 66–67.

опереться в этом противостоянии, – попытки осмысления этого мира и внутренняя способность отличать истину от лжи, добро от зла, правильное от неправильного. Всматриваясь в Лес, он всматривается в Будущее, пытается сблизиться с ним, протянуть мост из Настоящего.

Перец – единственный рефлексирующий персонаж, ощущающий Лес действительно персонифицированно, ищущий осмысленного контакта с ним. Но даже он не в состоянии установить этот контакт. Лес живет собственной жизнью, и ему нет никого дела до Переца и всех остальных. Обращение Переца к Лесу отражает ту растерянность, одиночество и страх, испытываемый человеком перед лицом неосмысляемого и безразличного мироздания:

Но лес оставался безразличным. Он был так безразличен, что даже не был виден. Под обрывом была тьма, и только на самом горизонте что-то широкое и слоистое, серое и бесформенное вяло светилось в сиянии луны.

– Проснись, – попросил Перец. – Погляди на меня хотя бы сейчас, когда мы одни, не беспокойся, они все спят. Неужели тебе никто из нас не нужен? Или ты, может быть, не понимаешь, что это такое – нужен? [...] Я не знаю, какой ты. Этого не знают даже те, кто совершенно уверен в том, что знают. Ты такой, какой есть, но могу же я надеяться, что ты такой, каким я всю жизнь хотел тебя видеть: добрый и умный, снисходительный и помнящий, внимательный и, может быть, даже благодарный. Мы растеряли все это, у нас не хватает на это ни сил, ни времени, мы только строим памятники – все больше, все выше, все дешевле, а помнить – помнить мы уже не можем. Но ты то ведь другой, потому-то я пришел к тебе издалека, не веря в то, что ты существуешь на самом деле. Так неужели я тебе не нужен? Нет, я буду говорить правду. Боюсь, что ты мне тоже не нужен. Мы увидели друг друга, но ближе мы не стали, а должно было случиться совсем не так. Может быть, это они стоят между нами? Их много, я один, но я – один из них, ты, наверное, не различаешь меня в толпе, а может быть, меня и различать не стоит. Может быть, я сам придумал те человеческие качества, которые должны нравиться тебе, но не тебе, какой ты есть, а тебе, каким я тебя придумал...³⁸²

Проблема «придуманности» человеческого мира, таких атрибутов цивилизации, как веру человеческого общества в абстрактные истины, будь то религии, государства, законы, этика, деньги или светлое будущее, не дает Перецу, в конечном счете, никаких преимуществ перед лицом пугающей неизвестности грядущего. Быть может потому, что оно само в высшей степени абстрактно. Будущее не принимает Переца. Идея общества, устремленного в будущее, каковым само себя видело советское общество, девуализируется авторами посредством Переца неспособного найти контакт с Лесом.

³⁸² Там же, стр. 44–45.

Для освоения Леса работниками Управления привлекаются машины. Стругацкие наделяют их некоторой свободой воли. В эпизоде, когда Перец прячется среди ящиков, где находятся машины, ему становится на какое-то время спокойно. Но и оттуда он бежит, когда разговор заходит о страшном будущем для человечества. Дарко Сувин склонен видеть в образе машин, разговор которых невольно подслушивает Перец, притчу об интеллектуалах «рационализированных или овеществленных для обслуживания военно-промышленного комплекса».³⁸³ Однако можно предположить и другие варианты, например, попытку Стругацких задуматься о гипотетических опасностях, связанных с возникновением искусственного интеллекта, и машин, наделенных им: проекцию, связанную именно с будущим человечества, если такие машины возникнут. Стругацкие наделяют их именами игрушек,³⁸⁴ в зависимости от их образа и предназначения, предлагая тем самым метафорическую связь с тем, сколько опасных «игрушек» придумано человеком за время «игры» в построение лучшего будущего. И главный вопрос здесь снова экзистенциальный: о сосуществовании человека и машины. Ответ на него дает «скучный голос», завершая диалог машин и предлагая рассуждать логически о связи человека и машины:

В таком случае, принимая существующие связи как аксиому, либо они для вас, либо вы для них. Если они для вас и они мешают вам действовать в соответствии с законами вашей природы, они должны быть устранены, как устраняется любая помеха. Если вы для них, но вас не удовлетворяет такое положение вещей, они также должны быть устранены, как устраняется любой источник неудовлетворительного положения вещей. Это все, что я могу сказать по существу вашей беседы.³⁸⁵

Возможно, здесь наблюдается некоторая сатирическая полемика с Айзеком Азимовым – автором трех законов робототехники, сформулированных им в рассказе «Хоровод».³⁸⁶

Административная система

Как бы там ни было, вся повесть, и в особенности часть, посвященная Управлению, предполагает настолько широкое поле для толкования, что становится

³⁸³ “I would read the “machine episode” of chapter 9 as a parable on intellectuals stream-lined or reified into serving the military-industrial complex”: Suvin Darko, *Positions and Presuppositions in Science Fiction*, London, Macmillan Press, 1988, p. 165.

³⁸⁴ Кукла Жанна, медведь Винни Пух, заводной танк, астролог, садовник.

³⁸⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 157.

³⁸⁶ См. Asimov Isaac, *Runaround*, in *I, Robot*, New York, Doubleday, 1950, p. 40.

довольно сложно сказать что-то четко определенное по поводу смыслов, заложенных самими авторами. И все же, пожалуй, наиболее точные и острые сатирические пассажи выявляющие одновременно и абсурдность жизни Управления, и узнаваемость контекста, Стругацкие вкладывают в уста вездесущего Доморощинера – персонажа, которому отведена роль секретного сотрудника и приспособленца, следящего за всем, что происходит в Управлении. Например:

Полная ясность может существовать только на определенном уровне, [...] И каждый должен знать, на что он может претендовать. Я претендовал на ясность, на своем уровне, это мое право, и я исчерпал его. А там, где кончаются права, там начинаются обязанности, и смею вас уверить, что свои обязанности я знаю так же хорошо, как и права...³⁸⁷

Здесь проявляется тонкая сатира Стругацких, где, в данном случае, понятия «прав» и «обязанностей» вымарываются до степени потери их изначальных смыслов: показывается, что наилучшим способом существования в мире Управления является отсутствие моральных и профессиональных принципов, где основным способом высказывания является лишь пустая, и потому безопасная, демагогия.

Управление хоть и занимается делами Леса, однако все, чем оно может похвастаться – это «сверкающей на солнце свежей краской, подвешенной над обрывом, роскошной латриной на четыре очка»,³⁸⁸ где работники Управления справляют на Лес свою нужду. Крайне радикальный образ, принимая во внимание, что Стругацкие подразумевали под Управлением – настоящее, а под Лесом – будущее.

В конечном счете Перец выбирает приспособление. Проведя ночь у Алефтины и оказавшись на месте директора Управления, все, что он так в нем ненавидел, приобретает в глазах Переца некоторый смысл. Начальные мечты о распуске Управления уже кажутся ему поспешным и недалевидными:

В общем, власть имеет свои преимущества, подумал он. Управление я, конечно, распускать не буду, глупо, зачем распускать готовую, хорошо сколоченную организацию? Ее нужно просто повернуть, направить на настоящее дело.³⁸⁹

Административная система, ненавидимая Перцем и внушающая ему страх, так неожиданно и ловко поднявшая его на самый верх иерархии Управления, очень быстро находит отклик в сердце измученного интеллектуала. Напрасные надежды интеллигента о том, что систему можно повернуть или как-то направить, уже кажутся Стругацким довольно наивным, а роль интеллигента как двигателя прогресса и

³⁸⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 11.

³⁸⁸ Там же, стр. 163.

³⁸⁹ Там же, стр. 172.

жителя утопии обнуляется в момент попадания в штат административного аппарата. Отсюда и тезисы Алефтины о преемственности административной системы, показывающие и отношение авторов к системе, и абсурдность такого положения вещей, когда судьбоносные для множества людей решения зависят от странной воли и фантазии тех, кто считает себя в силе и в праве проектировать будущее:

Существует административная работа, на которой стоит все. Работа эта возникла не сегодня и не вчера, вектор уходит своим основанием глубоко в прошлое. До сегодняшнего дня он овеществлен в существующих приказах и директивах. Но он уходит и далеко в будущее, и там он пока еще только ждет своего овеществления. Это подобно прокладке шоссе по трассированному участку. [...] Воображаемая линия, идущая вдоль оптической оси теодолита, есть неовеществленный административный вектор, который из всех людей видишь только ты и который именно тебе надлежит овеществлять. [...] Как шоссе не может свернуть вправо или влево, а должно следовать оптической оси теодолита, так и каждая очередная директива должна служить континуальным продолжением всех предыдущих... [...] ты не вникай, потому что вникание порождает сомнение, сомнение порождает топтание на месте, а топтание на месте – это гибель всей административной деятельности, а следовательно, и твоя, моя и вообще... [...] Но ты пойми: позавчера не было директивы, вчера не было директивы... Как ты думаешь, сколько времени может стоять Управление без директив?³⁹⁰

Ни дня без директивы – вот в чем смысл работы Управления. Не важно, что это будет за директива. Мы видим, что смыслом работы Управления является само существование Управления, а вовсе не познание Леса, для которого оно создавалось.

Экстраполяция данной мысли на Советский Союз вызывала «кошунственное» представление, что и страна Советов является некой бессмысленной машиной воспроизводства самой себя, утратившей за годы существования цель своего создания – коммунизм.

Стругацкие разочарованы не в коммунистической идее. Они разочарованы в самом директорате, призванном эти цели осуществить. Более того, даже культура и интеллигенция, казавшиеся раньше Стругацким движущей силой на пути строительства нового общества, разочаровывает своим слабованием и конформизмом.

Оказавшись у рычагов власти, самый, казалось бы, человечный и совестливый персонаж повести – интеллектуал Перец – оказывается совершенно неспособен предложить ни одного толкового решения, кроме как: «сотрудникам группы Искоренения самоискорениться в самые кратчайшие сроки».³⁹¹ Необдуманная, злая

³⁹⁰ Там же, стр. 175–176.

³⁹¹ Там же, стр. 176.

шутка тут же с деловитостью (Алефтина) и восторгом (Доморошинер) принимается к исполнению. «Овеществленной» метафорой морального падения Переца становится опрокинутая им чернильница и поваленный на Венеру Тангейзер. Управление и дальше продолжает самовоспроизводство, ни на мгновение не приблизив будущее.

Злой прогресс

Если часть повести, посвященная Перецу и Управлению, – это сатира, направленная на окружавшую Стругацких действительность, то есть на Настоящее, то часть, посвященная Кандиду и Лесу, – это мысли Стругацких о прогрессе и будущем, и здесь все несколько сложнее.

Постоянно меняющийся плотоядно живой Лес, являющийся метафорой этого будущего, предстает перед нами не в виде законченного, полного образа, а в форме перманентно меняющегося зыбкого и колеблющегося субстрата мыслей, знаний, представлений и мотиваций различных его обитателей. Лес и его обитатели остаются непонятны, как непонятно и само Будущее. Понятен только Кандид. Только он является человеком Управления – человеком Настоящего. Но и он несмотря на то, что уже прожил в Лесу три года, не имеет о нем ни малейшего представления. Находясь внутри Леса, он знает о нем не больше Переца. И если Перец находится слишком далеко от Леса, чтобы что-то разглядеть, то Кандид слишком близок к нему, чтобы видеть его достаточно отчетливо. Все, что видит Кандид, – это непролазный лес. Все, что он знает, – это деревня и приютившие его жители деревни.

Эти изрядно надоевшие Кандиду за три года деревенские жители, однако, не лишены своего очарования. Стругацкие искусно и с большим чувством юмора описывают суть деревенской жизни, и это, как мне представляется, является некоторой смысловой отсылкой к деревенской прозе тех лет как к явлению.

Так называемая «деревенская проза», зародившаяся именно в оттепельный период, принятая и воспринятая массами с большим интересом, вызвавшая в обществе интенсивную полемику и давшая импульс к ренессансу «русскости» в массе своей космополитично настроенных советских людей, была, несомненно, явлением ярким и значительным в культурной жизни тех лет.³⁹² Деревенская проза была

³⁹² Здесь имеется в виду период возрождение интереса советской интеллигенции к деревне, православию, русскому фольклору. Об этих тенденциях см. подробнее Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998, стр. 246–274.

отражением тенденций по поиску идентичности и обостренного внимания к вопросам нравственности, к взаимоотношениям человека и природы.³⁹³

Парадоксально, но Стругацкие, далекие от деревенской жизни и от ее проблематики, очень точно передали интонацию этой жизни. Цикличность и некоторая бестолковость, присущая ей в купе с ощущением ее онтологической первичности, явлена ими в какой-то новой, но безошибочно узнаваемой форме. В этой связи Дмитрий Быков отмечает:

Лесная часть – это точнее всей деревенской прозы описанная русская сельская жизнь. Я бы сказал, что это до некоторой степени квинтэссенция русской деревенской прозы. И ни Астафьев, ни Абрамов, ни Можаяев никогда не достигали той степени точности, которую в этом концентрированном маленьком тексте сумели достичь Стругацкие.³⁹⁴

Все эти Слухач, Колченог, Хвост, Кулак и прочие жители деревни, с которыми вынужден жить и общаться Кандид, хоть и совершенно неспособны к действиям, находясь в плену страхов, суеверий и своих странных представлений о действительности, все же являются носителями той нехитрой житейской мудрости, неоспоримой именно по причине своей морфологической простоты. Ощущение сходства этих отсталых мужиков из деревни с реальностью русской сельской жизни наталкивает на мысль, что в их образе Стругацкими символизируется обобщенный образ русского крестьянства.

В этой связи возникают определенные смысловые параллели: «жрицы партеногенеза» – действительные хозяйки Леса, преследуя «мужиков», насылая на них своих обжигающих биороботов «мертвяков», следуют методам, присущим действиям советской власти в процессе коллективизации. Жрицам партеногенеза нет дела до судьбы мужиков из этих деревень. Они творят будущее. Отбирая у мужиков женщин, нужных жрицам для дальнейшего деторождения, они обрекают деревни на вымирание (в терминологии повести – «одержание»), превращая некогда благополучные для жизни места в подводные инкубаторы партеногенеза, что, учитывая историю СССР, тоже выглядит довольно символично.

В то же время неоспоримо и то, что жрицы – наиболее прогрессивные обитатели леса. Им подвластны партеногенез, мертвяки, они могут «делать живое

³⁹³ См. наиболее значимые произведения деревенской прозы, например: Солженицын А., «Матренин двор» (1963); Можаяев Б., «Живой» (1966); Абрамов Ф., «Деревянные кони» (1970), «Братья и сестры» (1958); Солоухин В., «Владимирские проселки» (1958); Распутин В., «Прощание с Матерой» (1976); Белов В., «Привычное дело» (1966); Астафьев В., «Последний поклон» (1968), «Царь-рыба» (1976); Шукшин В., «Характеры» (1973).

³⁹⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=3C-yUTBuNQA> (6:25 – 6:45)

мертвым»,³⁹⁵ и в целом – Лес является их вотчиной и ареной борьбы. У них свои ясные цели, коих нет у отсталых мужиков из деревни. Они и есть сам прогресс. В этом смысле, пожалуй, здесь прослеживаются некоторые параллели с советским проектом, который можно тоже воспринимать в определенной степени прогрессивным на фоне царского самодержавия. Идейной символике Стругацких вообще свойственна точность. И жрицы партеногенеза, и мужики, и горе-разбойники – все они в высокой степени представляют собой обобщенный образ явления, социально-смысловой срез описываемых групп.

Стругацкие не симпатизируют жрицам. Они делают их образ отталкивающим, неприятным, злым, высокомерным. Некоторые исследователи творчества Стругацких усматривают здесь антифеминистские мотивы, находя в образе жриц критику набирающего в те годы силу феминистского движения.³⁹⁶ Возможно, это и так, однако, мне представляется, что для Стругацких, да и в целом в Советском Союзе, тема феминизма была не столь актуальна, принимая во внимание изначальную доктрину равенства мужчин и женщин на пути строительства коммунизма.³⁹⁷ На мой взгляд, гораздо интересней предположение Марка Липовецкого, обнаруживающего в проблеме жриц взаимосвязь в отношениях ориентализма, колонизации и прогрессорства с их гендерным началом.³⁹⁸ Готов с этим согласиться, но с одной оговоркой. Липовецкий показывает, что у Стругацких «и власть, и «массы» лишены агентности, не способны к свободному самоосуществлению [...] – и именно эта, возможно, центральная черта ориенталистского дискурса становится двигателем сюжета «Улитки»».³⁹⁹ Что жрицы «грубо ставят его (*Кандида*, прим. А.К.) в положение субалтерна», а «то, как изображены эти женщины в «Улитке», наводит на мысль, что, по-видимому, Стругацкие вообще не могут вообразить власть, не отделенную от «масс» культурной дистанцией – и потому хотя бы просто не напоминающую колониальную».⁴⁰⁰

³⁹⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 139.

³⁹⁶ Ср. Green Diana, Male and Female in “The Snail on the Slope” by the Strugatsky Brothers, in *Modern Fiction Studies*, Vol. 32, № 1, Special Issue: Science and Fantasy Fiction, Spring 1986, pp. 97–108.

³⁹⁷ Советская Россия, и позднее СССР законодательно и официально провозгласили равенство прав мужчин и женщин. Октябрьская революция 1917 года дала женщинам равные с мужчинами юридические и политические права, что было закреплено в первой советской конституции 1918 года, поскольку равенство провозглашалось всеобщей пролетарской идеей.

³⁹⁸ Липовецкий М., Еще раз о комплексе прогрессора, *Неприкосновенный запас*, № 1, 2015, стр. 173–190.

³⁹⁹ Там же, стр. 183.

⁴⁰⁰ Там же, стр. 185–186.

Связь между прогрессорством и колониальными практиками, показанная Липовецким, довольно репрезентативна, когда речь заходит о прогрессорстве как идее некоего просветительского миссионерства с колониальной подоплекой. Она важна и будет описана позже. Но, тем не менее, конкретно в дискурсе «Улитки» она мне кажется несколько преждевременной. Ее можно отнести, скорее, к следующим, явно «прогрессорским» повестям. А если кто в «Улитке» и символизирует прогресс, то это не Кандид, а именно жрицы. Кандид даже не претендует на роль прогрессора. И если нелепое Управление и думает, что оно в состоянии что-то сделать с Лесом, то это его огромное заблуждение. Скорее гендерная принадлежность жриц обусловлена самой женской природой Леса, которая в лесной части повести более чем заметна. Ведь сам Лес показан авторами как бы в процессе непрерывного акта рождения:

Клоака щенилась. На ее плоские берега нетерпеливыми судорожными толчками один за другим стали извергаться обрубки белесого, зыбко вздрагивающего теста, они беспомощно и слепо катились по земле, потом замирали, сплющивались, вытягивали осторожные ложно-ножки и вдруг начинали двигаться осмысленно – еще суетливо, еще тычась, но уже в одном направлении, разбредаясь и сталкиваясь, но все в одном направлении, по одному радиусу от матки, в заросли, прочь, одной текущей белесой колонной, как мешковатые слизнеподобные муравьи...⁴⁰¹

Если же вернуться к символике Будущего, то оно своим «рождением» тоже символически связано с женским началом. Этим можно объяснить, почему в повести появились «жрицы», а не «жрецы» партеногенеза.

Встреча со жрицами и потеря Навы открывают Кандиду глаза на суть происходящего в Лесу. Кандиду становится понятно, кто в нем главный. Кто носитель прогресса, а кто – обреченная, отжившая ветвь эволюции. Он понимает, что будущее именно за жрицами, а у мужиков нет ни малейших шансов попасть в это будущее. И тут Стругацкие, впервые в своем творчестве, подходят к одному из своих главных мотивов – попытке осознания двойственной природы прогресса, к острому пониманию его диалектичности.

Наверное, были времена, когда многие люди знали, что такое Одержание, и понимали, о каких успехах идет речь; и наверное, тогда они были заинтересованы, чтобы многие это знали, или воображали, что заинтересованы, а потом выяснилось, что можно прекрасно обойтись без многих и многих, что все эти деревни – ошибка, а мужики не больше, чем козлы... [...] Но я-то не знаю, что такое Одержание. Мне это страшно, мне это отвратительно, и все это просто потому, что мне это чуждо, и, может быть, надо говорить не «жестокое и бессмысленное натравливание леса на людей», а «планомерное, прекрасно организованное, четко продуманное наступление нового на старое»,

⁴⁰¹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992, стр. 95.

«своевременно созревшего, налившегося силой нового на загнившее бесперспективное старое»... Не извращение, а революция. Закономерность.⁴⁰²

Привнося с собой что-то новое, прогресс неизбежно избавляется от старого, и чем масштабней эти изменения, тем трагичней судьба традиционного прошлого. Стругацкие обращаются в первую очередь к этической стороне данных процессов, к стороне их восприятия. Кандид полон сомнений. Сделать этический выбор ему очень сложно. С одной стороны, он понимает, что прогресс – это скорей всего благо, что он неизбежен, как эволюция. С другой стороны, прогресс жесток и бескомпромиссен, и он есть зло для конкретных, близких герою повести жителей деревни.

Чем являются эволюция и прогресс? Что это? Неотвратимое зло или закономерное благо? Этот вопрос был очень несвойственен советской литературе. В нем было даже что-то крамольное. Вроде бы, благие цели прогресса очевидны, однако, для кого-то он оборачивается катастрофой и гибелью. Забота об отставших от прогресса никогда не входила в область компетенции советского государства. Несогласным и отстающим было уготовано место в топке истории. Но Кандиду отвратителен такой прогресс. Ему отвратительны жрицы и их методы. Стругацкие оставляют его с отставшими и темными мужиками, с оборотной стороны прогресса. Делают его тормозом прогресса. Ставят этический выбор героя над общепринятым, направленным на прогресс вектором развития:

Идея надвигающейся гибели просто не умещалась в их головах. Гибель надвигалась слишком медленно и начала надвигаться очень давно.⁴⁰³ [...] они не знают, что обречены, [...] что историческая правда здесь, в лесу не на их стороне, они – реликты, осужденные на гибель объективными законами, и помогать им – значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке его фронта. Но только меня это не интересует, подумал Кандид. Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом его называю только потому, что нет другого подходящего слова... Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали! [...] Но может быть, дело в терминологии, и, если бы я учился языку у женщин, все звучало бы для меня иначе: враги прогресса, зажавшиеся бездельники... Идеалы... Великие идеи... Естественные законы природы... И ради этого уничтожается половина населения! Нет, это не для меня. На любом языке это не для меня.⁴⁰⁴

Упоминание понятий «идеалы» и «великие идеи» в данном Стругацкими контексте было опасной роскошью для советских авторов. Ассоциативный ряд уж слишком очевиден. Тем не менее, их герой Кандид выбирает бунт – бунт

⁴⁰² Там же, стр. 179–180.

⁴⁰³ Там же, стр. 181.

⁴⁰⁴ Там же, стр. 184.

бессмысленный, продиктованный исключительно внутренним чувством жалости к обреченным этого мира. Победить в этой борьбе невозможно, как невозможно остановить саму эволюцию. Однако Кандид будет бороться, неуклонно уничтожая присланных жрицами «мертвяков» своим скальпелем. Будет делать это молча, без лишних слов, оправдывая имя «молчун», данное ему защищаемым им народом.

Вполне очевидно, что симпатии Стругацких находятся на стороне Кандида, а не Переца. Выбор Кандида, в отличие от выбора Переца, не рационален. Он продиктован сердцем, чувством морального долга. И выбор Стругацких в этом случае затрагивает именно морально-этическую сторону процессов, связанную с изменениями, которые несут с собой прогресс и его носители. В мировоззрении Стругацких наступает перелом, который в значительной степени продиктует их дальнейшее творчество, где на первый план выходит кантовский «категорический императив»,⁴⁰⁵ в котором конечной целью являются человек и человечность, а лики будущего в их произведениях станут все больше походить на гримасы.

Миры странные и чудовищные

Попытки Стругацких обрести литературный путь, отражающий их новое мироощущение, замечен в переписке авторов в этот период времени. В письме брату от 26.03.1966 Борис пишет:

Не знаю, наверное, ты плохо меня понимаешь – я сумбурен. Но вот о чем я хочу сказать: я вижу новую для нас фантастику – миры, существующие нигде и никогда (везде и всегда), миры странные, чудовищные, великолепно приспособленные для иллюстрации наших идей (любых), населенные людьми, мучительно похожими на современных землян, но с сумасшедшинкой, с этакой необычайностью каждый, и общества – вроде бы и знакомые и незнакомые, и все коллизии смотрятся не ИЗВНЕ (глазами пораженного и ослепленного героя), а ИЗНУТРИ – глазами своего в этом мире человека, [...] МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВ и ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭТИХ ОБЩЕСТВ ГЛАЗАМИ ЧЛЕНОВ ЭТИХ ОБЩЕСТВ – вот наш метод. Мне чудится в нем гигантская потенция, хотя точно я знаю одно (только одно пока): этот метод даст всем нашим произведениям совершенно особенный привкус возникающих и тут же рассыпающихся ассоциаций, особенно насладительное мучение, словно пытаешься что-то вспомнить, а оно ускользает, тревога по этому поводу, лихорадочное возбуждение и ОЩУЩЕНИЕ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ, каковое ощущение отнимал раньше герой повести, ведущий тебя по извилинам сюжета и служащий твоими глазами, не всегда хорошими и адекватными.

⁴⁰⁵ См. работы Иммануила Канта: «Основы метафизики нравственности» (1785), «Критика практического разума» (1788); Kant Immanuel, Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, Berlin, Suhrkamp, 2019.

Подумай об этом и попытайся понять всю глубину обуревающих меня чувств.⁴⁰⁶

Интересен и ответ Аркадия в письме от 28.03.1966:

Понял тебя прекрасно, потому что сам об этом думал, и сам примерно до того же додумался. Заметь, что внешне это еще ближе к методу Кафки, Камю и Ионеско: у них ведь тоже время-пространство одновременно и фантастические, и вымышленные, и зверски реальные. В общем, я готов.⁴⁰⁷

Очевидно, что чтение экзистенциалистов в значительной степени повлияло на братьев Стругацких и на их творческий путь. Упоминание Кафки в письме Аркадия объясняет, почему часть «Улитки», посвященная Управлению, так заметно перекликается с творчеством этого писателя. В онлайн интервью от 12.07.2003 Борис публично подтверждает этот факт:

Нам, помнится, очень нравился тогда характерный для Кафки прием: описание мира, как призрачной зоны перехода от сна к реальности. Этот прием мы вполне сознательно и с удовольствием применили пару раз в «Улитке».⁴⁰⁸

Примечательно в этом смысле и письмо Бориса от 12.01.1966, где он пишет Аркадию о своих впечатлениях после прочтения Кафки:

Огромное спасибо за бандероль. Я сходу прочел «Процесс» – какая сила, а! Конечно же, никакого фашизма Кафка не предчувствовал, все это чепуха. Он почувствовал вещь гораздо более глубокую и общую: иррациональность человеческого существования. Под описываемые события можно подставлять что угодно: фашизм, репрессионизм, проблему совести и т. д. – простор для символики необычайный, но, по-моему, Кафка просто очень сильно и отчетливо представлял себе бессмысленность человеческого существования во всех аспектах и писал именно об этом. Великая книга! Где уж нам уж...⁴⁰⁹

Таким образом, можно с высокой степенью вероятности предположить, что к 1966 году братья Стругацкие на фоне изменений в стране, связанных с откатом назад курса на либерализацию общества, и прочитанной ими новой, до того не издававшейся в Советском Союзе иностранной литературы, в значительной степени изменили свое мировоззрение, продвинулись дальше в понимании социальных процессов, в их оценке и интерпретации, что сделало их тексты глубже и разнообразнее как с точки зрения социально-философских изысканий, так и с точки зрения литературного стиля и богатства образов. Сознательный поиск новых литературных приемов и продвижение новых идей через процесс литературного

⁴⁰⁶ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 583–584.

⁴⁰⁷ Там же, стр. 584.

⁴⁰⁸ Там же, стр. 498.

⁴⁰⁹ Там же, стр. 496.

творчества, попытка угадывания и отражения социальных процессов окружающего их мира становятся неотъемлемым элементом их дальнейшей работы.

* * *

Резюмируя сказанное во второй главе, с точки зрения заданного предмета исследования можно выделить следующие элементы:

1. После появления Мира Полудня Стругацкие столкнулись с трудностями художественного развития сюжета, основанного на отправных посылах, которые данный Мир предоставлял. Не в силах или не желая отказаться от него полностью, они находят способ выйти из сложившегося творческого тупика следующим образом: формально оставаясь в Мире Полудня, Стругацкие отказываются от проявлений метода социалистического реализма и начинают писать по-другому, опираясь на все жанровые возможности фантастики и предлагая коллизии, не принятые до сих пор в советской научной фантастике. Эта новация приблизила прозу Стругацких к возможности постановки и изучения волнующих их социально-философских вопросов.
2. Идеологический разгром выставки в Манеже и последующие нападки на творческую интеллигенцию послужили для Стругацких отправной точкой и основанием для начала критики власти в текстах своих произведений. Они увидели, что их собственный взгляд на процесс строительства коммунизма не совпадает с практикуемыми властью способами его строительства, а подавление творческой мысли и свободного творчества, которые они видели главным элементом движения к коммунистическому общественному устройству, является, по сути, вредным и антикоммунистическим. «Трудно быть богом» становится способом защиты и поддержки интеллигенции, декларированием интеллигенции важнейшим элементом в достижении социального и технического прогресса.
3. Прием Стругацких в Союз Советских Писателей братья восприняли как большую победу и признание. Они пытаются найти свою нишу в системе идеологического воздействия на массы, пропагандируют фантастику и литературу о будущем как наиболее современный и своевременный жанр литературы, позволяющий ускорить фактическое движение к коммунизму. Они пытаются воспитывать читательские массы, клеймя пороки

потребительского образа жизни, мещанства, социального упадка и имморализма.

4. Однако отставка Хрущева и конец оттепели приводят Стругацких к переоценке ситуации в стране и направления собственного литературного творчества. Послабления оттепели, давшие возможность авторам ознакомиться с современными мировыми тенденциями в литературе и философии, кардинально изменяют их взгляд как на стилистику их произведений, так и на их идеологическую направленность. Одновременно с этим они сталкиваются с давлением со стороны государства и трудностями с изданием написанных ими произведений.
5. Абсурдность сворачивания социально-политического вектора в сторону ужесточения в области цензуры и свободы самовыражения отражается и в творчестве писателей Стругацких. «Улитка на склоне» является результатом этого отражения. По-видимому, именно в это время в мировоззрении Стругацких происходит окончательный идеологический перелом, толкающий их к переоценке своих взглядов в отношении прогресса и сопутствующих ему процессов. Они все чаще подвергают сомнению безусловную благотворность прогрессивизма и практик социального проектирования, находя все больше смысла в отношении к человеку не только как к средству, но и как к цели.

Далее мы увидим, как Стругацкие усиливают критику прогресса, власти, концепции прогрессорства и в целом – утопического проекта коммунистического будущего, разоблачают его пороки и подвергают собственный Мир Полудня самодеконструкции.

Глава 3: Превращение утопии в антиутопию

Надо мною стоял космонавт в
заношенном войлочном скафандре и
шлеме с красной надписью «СССР».
(В. Пелевин, «Омон Ра»)

Чужой прогресс. «Гадкие лебеди»

Если в «Улитке на склоне» прогресс и его носители представлены нам в более или менее абстрактной форме – в лице жриц партеногенеза и посредством постоянно меняющегося Леса, то в «Гадких лебедях»⁴¹⁰ Стругацкие придают процессу «наступления будущего на настоящее» более или менее внятные черты и определенную агентность. Агентами прогресса здесь становятся некие «мокрецы» – люди, страдающие загадочным генетическим заболеванием, природа которого неясна. Все они помещены в специально созданный для таких людей лепрозорий, находящийся в городе, где и происходят события повести.

В этом городе, с тех пор как там построили лепрозорий, непрерывно идет дождь. Нескончаемый дождь, изливающий уже не первый год свои воды на этот город, как будто метафорически связан с процессом природного инкубационного периода, необходимого для рождения чего-то принципиально нового.⁴¹¹ Здесь заметна связь с процессом «одержания», описанным в «Улитке», где вода так же играет роль инкубаторной среды. Будущее, наступая, подвергает настоящее определенному воздействию, ослабляя его и как бы помогая его окончательному отмиранию. Этот гниющий в потоках воды, смрадный, мокрый, липкий мир будто отражает то разложение, которому подвергается внутренний мир жителей этого города, однако, он же является благоприятной средой для вызревания нового, принципиально другого мира.

Виновниками всей этой непогоды в мире повести принято считать мокрецов, хотя этому и нет никаких доказательств. Марат Гринберг склонен видеть в образе мокрецов явные коннотации с еврейской нацией, указывая на параллели в отношении к мокрецам жителей города и историческими реалиями антисемитской мифологии. К

⁴¹⁰ Первое издание, Стругацкий А., Стругацкий Б., Гадкие лебеди, Франкфурт-на-Майне, Possev, 1972.

⁴¹¹ Напрашиваются ассоциации с сюжетом романа Маркеса «Сто лет одиночества», написанным в то же время что и повесть Стругацких. В этом романе непрерывный дождь разрушает город Макондо. Кроме того, угадываются параллели с библейским сюжетом всемирного потопа как акта очищения. Первая публикация романа на русском языке Маркес Г. Г., Сто лет одиночества, пер. Н. Бутыриной, В. Столбова, Москва, Художественная литература, 1971.

тому же имя руководителя лепрозория (Голем) тоже несет явный еврейский подтекст.⁴¹²

Однако несмотря на то, что в тексте повести на этот подтекст есть косвенные указания,⁴¹³ я полагаю, под мокрецами Стругацкие, вероятно, имели в виду прежде всего интеллигенцию, в широком смысле, а точнее, и евреев, и интеллигенцию вместе взятых, тем более что процент евреев в советской интеллектуальной среде был традиционно очень высок.⁴¹⁴ С одной стороны, лица мокрецов с желтыми кругами вокруг глаз, за что их грубо обзывают «очкариками», скорее указывают на ученость, чем на национальность, и, кажется, книги мокрецам физически нужнее пищи, а без новых знаний они «умирают от голода».⁴¹⁵ С другой стороны, отчужденность мокрецов от жителей города, их закрытость и клановость, их помощник профессор Голем, чье имя отсылает нас к еврейской легенде о глиняном великане, созданном для защиты еврейской общины, говорят о прямых ссылках авторов на евреев, их среду и религиозную культуру. По-видимому, здесь для Стругацких евреи и интеллигенция сливаются в единую мысленную ассоциацию – образ гонимого, но многоумного интеллектуала, идущего своей продуманной дорогой к понятным ему целям.

В этом Стругацкие не были одиноки. Например, Вайль и Генис в своей книге об СССР 60-х годов в отношении связки интеллигент-еврей подмечают:

Легко заметить, что поиск того исключительного, что определяет евреев как нацию, приводит к общечеловеческому идеалу. Описывая идеального еврея, деятели еврейского национального возрождения описали идеального человека. Ничего специально еврейского в нем не было. Можно даже обнаружить источник, который послужил им прототипом. Это – русский интеллигент.⁴¹⁶

А Илья Рубин – один из активистов еврейства в СССР 70-х годов и главный редактор самиздатовского журнала «Евреи в СССР» – писал:

Наша секта наделена всеми необходимыми признаками тайных еретических сект: гонимостью, твердой убежденностью в своем высшем предназначении, особым жаргоном, столь же эзотерическим, как блатная феня или тайнопись

⁴¹² Ср.: Grinberg Marat, *Between Mimesis and Allegory: Vasily Grossman, Boris Slutsky, the Strugatsky Brothers and the Meaning of the Holocaust in Russian*, in *Critical Insights: Holocaust Literature*, ed. Dorian Stuber, Ipswich Massachusetts, Salem Press, 2016, p. 177.

⁴¹³ «Надо же кого-то ненавидеть. [...] В одних странах ненавидят евреев, где-то еще – негров, а у нас – мокрецов»: Стругацкий А., Стругацкий Б., *Хромая судьба*, Москва, Текст, 1993, стр. 63.

⁴¹⁴ Согласно секретной справке Комитета Государственной Безопасности СССР от 10.05.1972 года в Советском Союзе: «24% всего еврейского населения – люди с высшим и средним специальным образованием. Число лиц, имеющих высшее образование на 1000 человек населения, у евреев больше чем у русских в 9 раз, украинцев – в 12 раз, белорусов – в 17 раз». Ср.: Морозов Б., *Еврейская эмиграция в свете новых документов*, Тель-Авив, Центр Каммингса, Тель-Авивский Университет, 1998, стр. 139.

⁴¹⁵ Там же, стр. 189.

⁴¹⁶ Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998, стр. 305.

каббалистов, специфическим, только ей присущим, бытом – уютным, обшарпанным и печальным. Лишь названия ей еще не придумано – хотя многие из нас в судорожных попытках самоидентификации чаще всего употребляют два эрзац-имени – «еврей» и «российский интеллигент». Думаю, что второе ближе к нашей сущности и меньше отдаст на вкус самообманом...⁴¹⁷

Мокрецы у Стругацких тоже напоминают секту. Обычному человеку трудно понять истинные цели и мотивации мокрецов, они находятся за пределами располагаемых людьми знаний. Отсюда идет то неприязненное и настороженное отношение обычных людей к мокрецам как к заразным больным, как к прокаженным, место которым – лепрозорий. Мокрецы, в свою очередь, относятся к простым людям с видимым презрением, с раздражением, как к помехе, с которой им приходится мириться.

В «Гадких лебедях» Стругацкие вновь обращаются к теме прогрессорства, наделяя этой ролью мокрецов, которым доверено воспитание детей в местной гимназии. Воспитывая их в духе своих, неизвестных нам ценностей, мокрецы превращают детей в некоторое подобие вундеркиндов, отдаляя их ментально от порочных родителей, погрязших в быту, пьянстве, собственных проблемах и заботах.

Подобно гамельнскому крысолову мокрецы уводят детей из опостылевшего настоящего в неизвестное, но, должно быть, светлое будущее, лишая настоящее какой-либо надежды. Может быть, потому дети никогда не обращают внимания на дождь и потоки воды – среду, без которой мокрецам невозможно выжить, ведь и крысолов увел детей в водную среду.⁴¹⁸ Этот мотив явно прослеживается в сцене исхода детей из города (родительского дома) в лепрозорий к мокрецам:

Они шли радостно, и дождь был для них другом, они весело шлепали по лужам горячими босыми ногами, они весело болтали и пели и не оглядывались, потому что уже все забыли, потому что у них было только будущее, потому что они навсегда забыли свой храпящий и сопящий предутренний город, скопище клопных нор, гнездо мелких страстишек и мелких желаний, беременное чудовищными преступлениями, непрерывно извергающее преступления и преступные намерения, как муравьиная матка непрерывно извергает яйца, они ушли, щебеча и болтая, и скрылись в тумане, пока мы, пьяные, захлебывались спертым воздухом, поражаемые погаными кошмарами, которых они никогда не видели и никогда не увидят...⁴¹⁹

Дети отказываются от мира взрослых, он для них невыносим и отвратителен. Он чужд для них точно так же, как и для взрослых непонятен и чужд мир их странных, не по годам умных и образованных детей.

⁴¹⁷ Рубин И., Оглянись в слезах. Стихотворения, статьи, проза, Иерусалим, Став, 1977, стр. 213.

⁴¹⁸ По легенде крысолов уводит детей в воды реки Везер.

⁴¹⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 231.

Отношение детей и взрослых здесь является не столько олицетворением конфликта поколений, сколько символическим отражением конфликта настоящего с будущим. Отчуждение и пропасть, лежащие между двумя поколениями или настоящим и будущим, наиболее ярко отражены в эпизоде встречи Виктора Банева (главный герой повести – известный писатель и диссидент) с детьми из гимназии.

Из переписки авторов выясняется, что прообразом данного эпизода, во многом центрального в повести, был реальный эпизод из жизни авторов. В письме брату от 18.09.1966 Борис пишет:

Был я тут в математической школе, у вундеркиндов. [...] Хорошие ребяташки, умные, начитанные, левые. [...] Ну, вот устроил я им там вечер вопросов и ответов. Прислали больше 70 записок, в зале было человек 200. Хорошая аудитория, умная, хоть и девятиклассники в основном. Записки сохранил, возьмешь себе, если захочешь.⁴²⁰

Еще одно подтверждение данной встречи и ее отражение в «Гадких лебедях» Борис дает в одном из интервью:

«Какими вы хотели бы нас видеть в будущем?» Этот вопрос, действительно, был задан мне, когда году эдак в 65-м я выступал перед учениками одной из «колмогоровских» школ Ленинграда. Равно как и в последствии Банев, я был этим вопросом повергнут в глубокий шок и ответил, помниться, банальностями (как и он).⁴²¹

Действительно, в повести диалог детей с известным писателем – носителем всех лучших тенденций данного мира – оставляет тягостное впечатление. Фиаско, которое терпит Банев перед лицом этой странной детской аудитории, вскрывает непреодолимую дистанцию, существующую между ними. Ведь тот конфуз и унижение, которое испытывает Виктор в беседе с этими вундеркиндами, показывает не столько тонкое устройство внутреннего мира модного поэта и писателя Банева, сколько отражает то глубокое отвращение к старому миру и его кумирам, которое испытывают дети. Им уже очевидны убогость этого мира и степень его вырождения:

Тут он содрогнулся, представив себе, какую огромную мыслительную работу должны были проделать эти птенцы, чтобы прийти к выводам, к которым взрослые приходят, ободрав с себя всю шкуру, обратив душу в развалины, исковеркав свою жизнь и множество соседних жизней... да и то не все, а только некоторые, а большинство до сих пор считает, что все было правильно и очень здорово, и если понадобится – готовы начать все сначала... Неужели все-таки настали новые времена? Он глядел в зал почти со страхом. Кажется, будущему удалось все-таки запустить щупальца в самое сердце настоящего, и это будущее

⁴²⁰ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 646.

⁴²¹ Там же, стр. 647.

было холодным, безжалостным, ему было наплевать на все заслуги прошлого – истинные или мнимые.⁴²²

Дети – равнодушные и безжалостные как сам прогресс – совершенно безразличны к судьбам своих родителей и старого мира. Они считают, что старый мир и люди старого мира не заслуживают спасения: «Понимаете, они не стоят этого. Пусть уж себе догнивают»,⁴²³ – говорят Баневу дети.

Это настроение, вложенное Стругацкими в уста детей, скорее упрек авторов самим себе и своему поколению. В отрывке, который я привожу ниже, Стругацкие допускают заметную проговорку по поводу адресата книги. Очевидно, что несмотря на абстрактное место действия повести, культурным материалом для этого произведения служил Советский Союз, а его конечным адресатом было советское общество:

Вот так вы и мотаетесь от вранья к вранью. Вы просто никак не можете поверить, что вы уже мертвецы, что вы своими руками создали мир, который стал для вас надгробным памятником. Вы гнили в окопах, вы взрывались под танками, а кому от этого стало лучше? Вы ругали правительство и порядки, как будто вы не знаете, что лучшего правительства и лучших порядков ваше поколение... да попросту недостойно. Вас били по физиономии, простите, пожалуйста, а вы упорно долбили, что человек по природе добр... или того хуже, что человек – это звучит гордо. И кого вы только не называли человеком!⁴²⁴

Фраза Максима Горького «Человек – это звучит гордо»,⁴²⁵ пожалуй, была одной из самых распространенных в советской идеологической практике и была начертана почти под каждым портретом писателя.

Выясняется, что гордиться человеку особенно нечем. Ведь жизнь взрослых мира «Гадких лебедей» едва ли вызывает гордость. Возможно, такое поведение и естественно для людей, поставленных в данные условия, учитывая реалии жизни и ход истории, однако дети этого города утверждают другое – «именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку»,⁴²⁶ тем самым отвергая само естество привычного и того, что называется человеческим.

Примечательно, что Стругацкие ведут полемику, по большей части, именно с советским человеком, используя маркеры, понятные именно ему. Ответ Банева детям

⁴²² Там же, стр. 108.

⁴²³ Там же, стр. 105.

⁴²⁴ Там же, стр. 107.

⁴²⁵ Из пьесы «На дне» (1902): «Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека!». См. Горький М., На дне, Санкт-Петербург, Знание, 1903, стр. 155.

⁴²⁶ Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 34.

выдает тоску и беспомощность, напоминая, что скачок в будущее не бывает устлан цветами, а сущность человека едва ли поддается заметным изменениям:

– Ребята, – сказал Виктор. – Вы, наверное, этого не замечаете, но вы жестоки. Вы жестоки из самых лучших побуждений, но жестокость – это всегда жестокость. И ничего она не может принести, кроме нового горя, новых слез и новых подлостей. Вот что вы имейте в виду. И не воображайте, что вы говорите что-то особо новое. Разрушить старый мир и на его костях построить новый⁴²⁷ – это очень старая идея. И ни разу пока она не привела к желаемым результатам. То самое, что в старом мире вызывает желание беспощадно разрушать, особенно легко приспособливается к процессу разрушения, к жестокости, к беспощадности, становится необходимым в этом процессе и непременно сохраняется, становится хозяином в новом мире и в конечном счете убивает смелых разрушителей. Ворон ворону глаз не выклюет, жестокость жестокостью не уничтожишь. Ирония и жалость, ребята! Ирония и жалость!⁴²⁸

Однако ирония ситуации как раз в том, что дети не собираются ничего разрушать. Они готовы оставить старый мир «неисправимому» поколению – «выпивайте и закусывайте квантум сатис».⁴²⁹ Проблема в том, что им безразлично. И это, скорее, похоже на почти межвидовые отношения в чисто дарвинистском смысле.

По всей видимости, в определенный момент своей жизни Стругацкие очень отчетливо почувствовали эту индифферентность будущего по отношению к настоящему, возводя свою догадку до уровня аксиомы: «Будущее никого не собиралось карать, будущее никого не собиралось миловать, будущее просто шло своей дорогой».⁴³⁰

Конечно, Банев осознает несовершенство общества, в котором он живет. Он сам является его противником и одновременно его заложником, ведь он сам – продукт этого общества. Но все же, то презрение и жестокое безразличие к несовершенному миру его настоящего со стороны носителей прогресса не позволяет ему принять новый мир во всей возможной полноте. В нем есть изначальная червоточина, с которой Баневу не удастся смириться. Это не его будущее и не его прогресс. Ведь для него «прогресс – это движение общества к такому состоянию, когда люди не убивают, не топчут и не мучают друг друга».⁴³¹ И если будущее, по сути, так же жестоко, как и настоящее, то для чего оно, и какой в нем смысл? Не есть ли это будущее просто другим вариантом тягостного настоящего: вариантом, в котором лишь заменены

⁴²⁷ «Весь мир насилья мы разрушим. До основанья, а затем. Мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем» – строка из гимна «Интернационал» (гимн СССР с 1918 по 1944 год).

⁴²⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 108-109.

⁴²⁹ Там же, стр. 106.

⁴³⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б., Сценарии. «Жиды города Питера...». Сталкер, Москва, Текст, 1993, стр. 300.

⁴³¹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 105–106.

бенефициары и декорации? И когда в финале повести выходит солнце, старый мир тает у него на глазах, и наступает долгожданный рассвет нового мира, Банев думает: «все это прекрасно, но вот что – не забыть бы мне вернуться».⁴³²

Как мы видим, с определенного момента своего творчества будущее, описываемое Стругацкими, из прекрасного и многообещающего светлого мира для всех превращается в странную и неприветливую, уготованную избранным неизвестность, где более не действуют человеческие представления о морали, где комфортно и хорошо только тем, кто к нему готов, кто понимает и принимает его. Стругацким более не хватает уверенности в будущем. Их пугает прогресс. Но пугает их не сам прогресс и будущее, а его агенты: жрицы партеногенеза, мокрецы, равнодушные дети.

Примечательно, что Стругацкие неявно, но подвергают сомнению саму концепцию исторического материализма и теории смены формаций – постулаты, которые не могли подвергаться сомнению, являясь в СССР научным фактом, не вызывавшим никаких разночтений. В этой связи Леонид Геллер отмечает:

В какой-то период своего творчества, в книгах 1964-1968 гг., Стругацкие с пером, похожим на ланцет, в руках подняли мятеж против официальной доктрины исторического материализма и отказались верить в святая святых марксистского вероисповедания.⁴³³

Понятия «прогресса» и «прогрессивности» в СССР несли в себе сугубо положительные коннотации. Более того, в соответствии с марксистско-ленинской идеологией они являлись неотъемлемым и основным компонентом, обуславливающим сам процесс движения общества к коммунизму.

И тут возникает вопрос. Если агенты прогресса настолько чужды человеческому представлению о морали, являются для человека настоящего подобием неких мутантов, равнодушных и холодных по отношению к этому человеку, бесконечно чуждых его природе, то что же должен представлять из себя человек воплощенного коммунистического будущего? Каковы будут жители коммунистического мира? Ответ напрашивается сам собой: если коммунизм и будет достигнут, то жить в нем будут уже не «люди», в привычном понимании этого слова, а некто совсем другие, социальные практики которых будут коренным образом отличаться от паттернов «человеческого» поведения. Эта мысль заметно контрастирует со светлыми и оптимистичными образами Мира Полудня, где люди

⁴³² Там же, стр. 317.

⁴³³ Геллер Л., Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, стр. 281.

коммунистического будущего, по большому счету, практически неотличимы от людей настоящего, отчетливо показывая, как с течением времени утопические представления о светлом будущем и людях, населяющих это будущее, превращаются у Стругацких в мрачную антиутопию о предельно чуждых нам обитателях этого будущего.

Важным аспектом повести «Гадкие лебеди» является довольно недвусмысленная апелляция Стругацких к власти. Ведь образ Банева есть образ конфликтующего с властью поэта. По большей части этот образ списан Стругацкими с Высоцкого – приятеля Аркадия Стругацкого и одного из самых популярных актеров и бардов Советского Союза. Даже слова песни про подводную лодку, которую поет Банев, подарены авторам Высоцким.⁴³⁴ Следует отметить, что бардовская песня была важным элементом культурной жизни тех лет. Как раз в это время Аркадий знакомится с московским «культурным бомондом»: Эрнстом Неизвестным, Александром Галичем, Владимиром Высоцким.⁴³⁵

Так называемые поэты-песенники, во многом являясь выразителями художественной индивидуальности в, как правило, утилитарной культурной среде Советского Союза, имели огромную популярность. Именно они, зачастую, были выразителями общественных настроений – неким этическим камертоном, по которому жила весомая часть советского общества. Однако образ Банева скорее является обобщающим образом художника в тоталитарном обществе.

Банев находится в этом городе в своего рода изгнании. Стругацкие описывают конфликт власти с оппозиционным поэтом, отказывающимся от проявлений конформизма по отношению к ней, и это описание рисует очень узнаваемую картину советской реальности:

Господин Президент изволил взвинтить себя до последней степени, из клыкастой пасти летели брызги, а я достал платок и демонстративно вытер себе щеку, и это был, наверное, самый смелый поступок в моей жизни, если не считать того случая, когда я дрался с тремя танками сразу. Но как я дрался с танками, я не помню, знаю только по рассказам очевидцев, а вот платочек я вынул сознательно и соображал, на что иду... В газетах об этом не писали. В газетах честно и мужественно, с суровой прямоотой сообщили, что «беллетрист Банев искренне поблагодарил господина Президента за все замечания и разъяснения, сделанные в ходе беседы».⁴³⁶

⁴³⁴ См. авторское примечание: Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 257.

⁴³⁵ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966, Москва, АСТ, 2009, стр. 642, 654, 673.

⁴³⁶ Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 38.

Этот отрывок созвучен с демаршем Хрущева в Манеже.⁴³⁷ Он отражает ту связь, которая существовала между властью и людьми творческого труда, призванными или, скорее, институализированными властью в своих идеологических целях.

В повести еще есть несколько примечательных отрывков, где мы находим ироничное обращение к власти, отражающее ее нарративы. В эпоху правления Брежнева заметен особый идеологический упор на героизацию событий Великой Отечественной Войны, на подвиг советского народа. В 1965 году, к двадцатилетию победы, Брежнев объявляет день 9 мая – выходным днем. А 8 мая 1965 года Верховный Совет объявляет семь городов, где были наиболее ожесточенные сражения, – городами героями.⁴³⁸ Стругацкие замечают эту тенденцию по конструированию культа победы, видя ее, скорее, не как дополнительный фундамент для строительства здания коммунизма, а как перспективу создания нового культа личности:

Есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, более или менее отдаленном. Они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. Скажем, господин Президент. Чтобы он делал, если бы у нас не было нашего великого прошлого? На что бы он ссылался и откуда бы он взялся вообще.⁴³⁹

Ирония Стругацких, обращенная к власти и ее риторике, пафосная демагогия которой, очевидно, уже виделась ими фальшивой и раздражающей, нашла свое отражение в следующей повести Стругацких – «Сказка о тройке».

Власть номенклатуры. «Сказка о тройке»

В 1967 году Стругацкие пишут остросатирическую повесть «Сказка о тройке», задуманную как продолжение «Понедельник начинается в субботу». Очевидно, само название повести «Сказка о тройке» провокационно отсылало к практикам конца тридцатых годов XX века, когда НКВД⁴⁴⁰ СССР использовала специальные комиссии,

⁴³⁷ На выставке в Манеже у Хрущева возникла острая полемика со скульптором Эрнстом Неизвестным (как и Баневым, ветераном войны). Неизвестный активно отстаивал свои работы, пытался защититься от нападок других художников и устоял перед угрозами Хрущева. У Вознесенского есть стихотворение, посвященное Эрнсту Неизвестному: «Неизвестный – реквием в двух шагах, с эпилогом» (1964). См. Вознесенский А., Ахиллесово сердце. Стихи, Москва, Художественная литература, 1966, стр. 11–14.

⁴³⁸ Ленинград, Киев, Волгоград, Севастополь, Одесса, Москва и Брест; Ср. Schattenberg Susanne, Leonid Breschnew: Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins – eine Biographie, Köln/Weimar/Wien, Böhlau Verlag, 2017, SS. 440–444.

⁴³⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 185.

⁴⁴⁰ Народный комиссариат внутренних дел.

состоящие из трех человек, для несудебных расправ над так называемым «антисоветским элементом».

В состав «тройки», как правило, входили начальник областного УНКВД,⁴⁴¹ секретарь обкома ВКП(б)⁴⁴² и прокурор. Эти тройки имели широчайшие полномочия, имея право, просто приняв коллегиальное решение, без проведения каких-либо судебных и процессуальных действий, приговаривать арестованных лиц к расстрелу, а также заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет.⁴⁴³

Эта страшная страница в истории советского государства оставила глубокий след в памяти людей, а слово «тройка» стало почти нарицательным понятием, когда речь заходит о беззаконии власти и ее бесчеловечных практиках.

Почему такая отсылка к сталинским репрессиям была провокационна ко времени написания повести? Следует пояснить, что с приходом Брежнева к власти фигура Сталина и роль НКВД 30-х годов в общественном дискурсе начинают терять однозначно негативный окрас. Впервые, публично, после нескольких лет информационного забвения, Сталин был упомянут Брежневым 8 мая 1965 года на торжественном докладе по случаю двадцатилетия победы в Великой Отечественной Войне.⁴⁴⁴

Короткое упоминание Сталина и его роли в победе над гитлеровской Германией дало старт обострению полемики о фигуре Сталина в общественном дискурсе, что было воспринято двойственно. С одной стороны, идеологическая линия партии была направлена на максимальную героизацию подвига «народа победителя» для нужд внутренней и внешней пропаганды, с другой стороны, это не совсем стыковалось с фактом, что в этот период времени этим народом руководил «кровавый преступник» и диктатор. Потребность в сглаживании данного несоответствия дало импульс к осторожной реабилитации личности Сталина и ее частичной переоценке.

Как показывает Сюзанна Шаттенберг в своем научном исследовании, посвященном биографии Брежнева, эта осторожная реабилитация не была следствием

⁴⁴¹ Управление народного комиссариата внутренних дел.

⁴⁴² Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) — официальное название КПСС с 1925 по 1952 год.

⁴⁴³ По данным 1 спецотдела НКВД СССР по приговору «судебных троек» в период с 1 октября 1936 года по 1 ноября 1938 года было арестовано порядка 700 тысяч человек, примерно половина из них была расстреляна. О результатах деятельности «судебных троек» смотри подробнее: Тепляков А., Процедура. Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах, Москва, Возвращение, 2007.

⁴⁴⁴ «Был образован Государственный комитет обороны во главе с генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу». Ср. «Доклад товарища Л. И. Брежнева на торжественном собрании, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной Войне.», Алтайская Правда, 09.05.1965, стр. 2. (<http://irbis.akunb.altlib.ru:81/pm/pm000035/1965108.pdf>).

стремления Брежнева к полной «ресталинизации», а лишь делала попытку снова вернуть Сталина в историю страны.⁴⁴⁵ Возникла потребность в определении места Сталина и сталинизма в советском прошлом и места культа личности в современном обществе, советской литературе, кинематографе и историографии.⁴⁴⁶

Однако, данный курс власти был воспринят остро негативно многими представителями советской интеллигенции, выступившими резко против возможности переоценки деятельности бывшего вождя.⁴⁴⁷ Возможно, именно эти события и возникшая вокруг них дискуссия в интеллектуальных кругах сподвигла Стругацких к выбору темы их следующей повести, ставшей попыткой критики советского номенклатурного аппарата.

Существуют различные варианты повести. «Сказка о тройке – 1» в ее первоначальном варианте, впервые напечатанная только в 1987 году, уже во время Перестройки, в журнале «Смена»,⁴⁴⁸ вариант повести с условным названием «Сказка о тройке – 2» – сильно сокращенный и намеренно смягченный вариант, подготовленный Стругацкими специально для печати после того, как надежды на опубликование первого варианта были утрачены окончательно. Этот второй вариант действительно был напечатан в малотиражном иркутском журнале «Ангара» в 1968 году.⁴⁴⁹ Однако уже через полгода после публикации и этот вариант повести не прошел и был изъят из всех библиотек СССР вместе со всем тиражом журнала. Более того, вскоре после этого был освобожден от должности главный редактор журнала «Ангара» писатель Юрий Самсонов.⁴⁵⁰ Однако существует и третий вариант повести, подготовленный Стругацкими уже в 1989 году, соединяющий изначальный и

⁴⁴⁵ См. Schattenberg Susanne, Leonid Breschnev: Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins, eine Biographie, Köln/Weimar/Wien, Böhlau Verlag, 2017, SS. 419–440.

⁴⁴⁶ Jones Polly, Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in The Soviet Union, 1953–70, New Haven and London, Yale University Press, 2013, p. 227.

⁴⁴⁷ См. Martin Barbara, Dissident Histories in The Soviet Union: From De-Stalinization to Perestroika, London/New York/Oxford/New Delhi/Sydney, Bloomsbury Academic, 2019, pp. 61–81.

⁴⁴⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о тройке, Смена, 1987, № 11, стр. 25–30; № 12, стр. 25–31; № 13, стр. 25–31; № 14, стр. 25–32.

⁴⁴⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о тройке, Ангара, 1968, № 4, стр. 3–16; № 5, стр. 47–66.

⁴⁵⁰ Отрывок из постановления о запрете повести «Сказка о тройке»: «Под предлогом фантастического сюжета, широко используя средства иносказания (аллегии), авторы повести в нарочито искаженном виде, субъективно и тенденциозно представляют советское общество, охаивают историю развития Советского государства, деятельность его учреждений, жизнь советских людей, строящих коммунизм. [...] Костяк сюжета повести, ее художественный строй, особенно язык и стиль направлены на охаивание научно обоснованных методов руководства в нашем государстве...» См. Самсонов Ю., Как перекрыли «Ангару», или Иркутская глава «Сказки о Тройке» братьев Стругацких, Иркутск, Голос, 1990, № 1, стр. 70–79.

ангарский вариант в единое произведение. Я руководствуюсь данным вариантом повести, так как он содержит оба варианта, написанных в 1968 году.⁴⁵¹

Сюжет повести, при всем его нарочито сказочном содержании, тоже оказался предельно провокационный. Герои повести «Понедельник начинается в субботу» Саша Привалов и Эдик Амперян в повести «Сказка о тройке» отправляются в «Тьмускорпионь»,⁴⁵² чтобы добыть «небезызвестную Большую Круглую Печать» (предмет, обладающий большой силой и важностью), самовольно присвоенную некогда «инспекционной комиссией горкомхоза».⁴⁵³ Эта изначально сугубо хозяйственная комиссия после ряда самотрансформаций объявила себя «Тройкой по Рационализации и Утилизации Необъясненных Явлений». Завладев «Большой Круглой Печатью» и пригласив к себе в комиссию на высокий оклад научного консультанта профессора Выбегалло⁴⁵⁴ (призванного подкреплять решения Тройки научными обоснованиями), Тройка вершит судьбы своеобразных обитателей Тьмускорпиони, принимая решения об их «утилизации» или «не утилизации» на основе своих собственных представлений и неизвестно кем написанных инструкций.

На генезис Тройки недвусмысленно указывает следующий эпизод повести – сцена, в которой члены Тройки, после того как были покусаны комарами у болота «Коровье Вязло», приговаривают его (болото) к высшей мере наказания:

– Ввиду представления собой делом номер тридцать восемь под названием «Коровье Вязло» исключительной опасности для народа, подвергнуть названное дело высшей мере рационализации, а именно признать названное необъясненное явление иррациональным, трансцендентным, а следовательно – реально не существующим и, как таковое, исключить из памяти народа, то есть из географических и топографических карт.⁴⁵⁵

Кроме того, в продолжение этого эпизода один из членов Тройки Хлебовводов предлагает приговорить коменданта к «расстрелу с конфискацией имущества»,⁴⁵⁶ что явно выделяет карательный характер данной комиссии. Однако столь явные параллели с действиями сталинской карательной системы Стругацкие пытаются

⁴⁵¹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о Тройке, Избранное, т. 1, Москва, Московский рабочий, 1989, стр. 180–288.

⁴⁵² Сатирическое обыгрывание слова «Тьмутаракань» (медвежий угол, край земли, далекая провинция).

⁴⁵³ Инспекционная комиссия городского коммунального хозяйства.

⁴⁵⁴ Персонаж повести «Понедельник начинается в субботу» олицетворяющий карьеристов и мошенников от науки.

⁴⁵⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке, Москва, Текст, 1992, стр. 301–302.

⁴⁵⁶ Там же, стр. 302.

облечь в форму юмора и сатиры, изящно камуфлируя острые моменты нарочито сказочным сюжетом.

И все же главным объектом критики в повести является не суд, а партийная бюрократия. Стругацкие отмечают способность бюрократии усиливать собственное значение путем постоянного стремления к приобретению все новых зон ответственности и полномочий. В этой связи хотелось бы выделить, как Стругацкие описывают превращение простой хозяйственной комиссии в карательный орган власти:

После этого корреспонденция сверху (*из Тъмускортиони, прим. А.К.*) стала поступать довольно регулярно. Сначала это были протоколы заседания инспекционной комиссии горкомхоза, потом протоколы заседаний просто инспекционной комиссии, потом – Особой комиссии по расследованию обстоятельств, потом вдруг – Временной Тройки по расследованию деятельности коменданта Колонии Необъясненных Явлений т. Зубо и, наконец, после трех подряд докладных «о преступной небрежности», Л. Вунюков подписался в качестве председателя Тройки по Рационализации и Утилизации Необъясненных Явлений (ТПРУНЯ). Сверху перестали спускать протоколы и принялись спускать циркуляры и указания. Бумаги эти были страшны как по форме, так и по содержанию.⁴⁵⁷

Большинству советских граждан приходилось на практике сталкиваться с бюрократической машиной СССР, и сами Стругацкие здесь не были исключением. Их переписка практически повсеместно наполнена откликами и комментариями авторов по поводу тех или иных собраний, решений всевозможных комиссий и комитетов. По роду своей деятельности у Стругацких было достаточно возможностей досконально изучить природу этого явления, включая непосредственных представителей номенклатурного аппарата, подметить их облик, поведенческие особенности и внутриклассовые инстинкты.

Описание первого появления Тройки в зале заседания уже дает довольно красноречивый портрет различных типов номенклатурных работников и их роли в соответствии с местом в иерархической системе власти:

Лавр Федотович Вунюков, в полном соответствии с описанием, белый, холеный, могучий, ни на кого не глядя, проследовал на председательское место, сел, водрузил перед собой огромный портфель, с лязгом распахнул его и принялся выкладывать на зеленое сукно предметы, необходимые для успешного председательствования: номенклатурный бьювар крокодиловой кожи, набор

⁴⁵⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б., Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке, Москва, Текст, 1992, стр. 203.

авторучек в сафьяновом чехле, коробку «Герцеговины Флор»,⁴⁵⁸ зажигалку в виде триумфальной арки и призматический театральный бинокль.

Рудольф Архипович Хлебовводов, желтый и сухой, как плетень, сел около Лавра Федотовича и принялся немедленно что-то шептать ему на ухо, бесцельно бегая воспаленными глазами по углам комнаты.

Рыжий рыхлый Фарфуркис не сел за стол. Он демократически устроился на жестком стуле напротив коменданта, вынул толстую записную книжку в дряхлом переплете и сразу же сделал в ней пометку.

Научный же консультант профессор Выбегалло [...] уселся за свой столик и принялся детально готовиться к исполнению своих ответственных обязанностей. Перед ним появился первый том Малой советской энциклопедии, затем второй том, затем третий, четвертый...

– Грррм, – произнес Лавр Федотович и оглядел присутствие взглядом, проникающим сквозь стены и видящим насквозь. Все были готовы: Хлебовводов нашептывал, Фарфуркис сделал вторую пометку, комендант, похожий на ученика перед началом опроса, судорожно листал страницы, а Выбегалло положил перед собой шестой том.⁴⁵⁹

С точки зрения содержания повесть практически целиком состоит из описания заседаний Тройки и их конъюнктурных и некомпетентных решений. При этом Стругацкие акцентируют внимание на том, что, какими бы нелепыми и преступными ни были эти решения, в руках у председателя «Большая Круглая Печать», сила которой не эфемерная, а вполне реальная и практическая, решающая окончательно и бесповоротно судьбу представшего перед комиссией индивида.

Примечательно, насколько некомпетентными и неисправимыми рисуют Стругацкие номенклатурных работников. Даже специальный аппарат Эдика Амперяна по «реморализации», принесенный Эдиком с собой в Тъмускорпионь, способный пробуждать в человеке лучшие моральные качества, на представителей Тройки практически не действует. Они лишь начинают говорить речи в духе газетных статей и откровенных идеологических штампов.

Стругацкие остроумно и с большой точностью показывают непрекращающуюся аппаратную борьбу внутри самой Тройки за расположение и одобрение председателя. Примечательно, что они описывают ее как сцены жизни дикой природы. Номенклатура демонстрирует состояние постоянной готовности, где идет борьба за выживание – стремление занять место как можно выше в пищевой цепочке:

⁴⁵⁸ Марка советских папирос, получившая особую известность благодаря тому, что их курил Сталин, а также использовал из них табак для курения своей трубки. Курить эту марку папирос было престижно и означало, что перед вами высокий представитель власти.

⁴⁵⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке, Текст, 1992, стр. 211.

[...] Фарфуркиса, растоптанного, растерзанного, измочаленного и измолоченного, пустили униженно догнивать на его место, а сами, отдуваясь, опуская засученные рукава, вычищая клочья шкуры из-под ногтей, облизывая окровавленные клыки и время от времени непроизвольно взрыкивая, расселись за столом и объявили себя готовыми к утреннему заседанию.⁴⁶⁰

Хлебовводов, очутившись на дне зловонной пропасти, безумными глазами следил за полетом стервятника, свершающего круг за кругом в недоступной теперь ведомственной синеве. Фарфуркис же не торопился начинать. Он проделал еще пару кругов, обдавая Хлебовводова пометом, затем уселся на гребне, почистил перышки, охорашиваясь и кокетливо поглядывая на Лавра Федотовича, и наконец приступил...⁴⁶¹

То, что оставалось от коменданта, когда я вновь обрел способность видеть, слышать и думать, не могло уже, собственно, называться комендантом как таковым: две-три обглоданные кости, опустошенный взгляд и слабое бормотание...⁴⁶²

Однако, пожалуй, самым вызывающим, с точки зрения цензуры, является речь членов Тройки. Узнаваемость партийного языка было абсолютной. Председатель комиссии Вонюков, чья немногословность компенсируется весомостью сказанного, зеркально отражает те нарративы, которые исходили из уст вождей партии и ее высших функционеров. Тенденциозность и пафосность, стоящие буквально за каждым его словом, отсылали к заголовкам статей и лозунгам как недавнего прошлого, так и настоящего, превращая его речь в набор привычных словосочетаний, характеризующих сложившиеся способы общения власти с населением.

Привычная апелляция к нуждам народа, словно ширма, маскирующая личные нужды самого председателя, читается как разоблачение истинных мотиваций партийных функционеров. Особая комичность ситуации достигается тем, что все это произносится по поводу событий ничтожных, никак не соответствующих пафосу высказываний.

Приведу несколько примеров таких высказываний председателя Тройки Лавра Федотовича Вонюкова. Обращает на себя внимание то, что все эти фразы были практически сакральными в советском дискурсе. Приведу несколько примеров:

1. – Никто не забыт и ничто не забыто. Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет.⁴⁶³

⁴⁶⁰ Там же, стр. 258.

⁴⁶¹ Там же, стр. 269

⁴⁶² Там же, стр. 301

⁴⁶³ Там же, стр. 213.

Фраза «Никто не забыт и ничто не забыто»⁴⁶⁴ – это надпись на центральном монументе Пискаревского мемориального кладбища в Санкт-Петербурге, посвященного жертвам блокады Ленинграда. Что касается идущих дальше по тексту: «Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет.», – это сатирически обыгранные Стругацкими известные выражения. Первое из них – «Страна должна знать своих героев», второе – «Нет безымянных солдат!». Обе фразы взяты из газетных заголовков, ставших в последствии широко употребляемыми выражениями. Реплика «Страна должна знать своих героев» отсылает к заголовку газеты «Правда» от 6 марта 1931 г., являясь цитатой из статьи «Лучшие из лучших», где речь идет о награждении орденами передовиков производства. В последующем эта фраза стала употребляться в пропагандистских целях.⁴⁶⁵ Стругацкие соединяют ее с другим газетным заголовком и впоследствии расхожим выражением, употреблявшимся по поводу важности сохранения памяти о павших на фронтах Великой Отечественной Войны: «Нет безымянных солдат!».⁴⁶⁶ В итоге получается сатирическое для современников Стругацких высказывание: «Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет.».

2. – Народ желает знать все детали. [...] Между тем отдельные члены Тройки, видимо, пытаются подменить общее мнение Тройки своим частным мнением. Однако народ говорит этим отдельным товарищам: не выйдет, товарищи!⁴⁶⁷

Это уже риторика собраний и заседаний. Стругацкие подчеркивают нелепость и тенденциозность этой риторики.

3. – Народ... – произнес Лавр Федотович. – Народ вечен. Пришельцы приходят и уходят, а народ наш, великий народ, пребывает вовеки.⁴⁶⁸

Отсылка к сталинским высказываниям, изначально восходящим к книге Екклесиаста: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки».⁴⁶⁹ Сталин неоднократно употреблял данный оборот слов, подставляя в них свой контекст. Например: «Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ

⁴⁶⁴ Строка из эпитафии Ольги Берггольц «Здесь лежат ленинградцы»: «Но знай, внимающий этим камням, никто не забыт и ничто не забыто». См. Берггольц О., Избранные произведения, Ленинград, Советский писатель, 1983, стр. 344.

⁴⁶⁵ Ср. Душенко К., Цитаты из русской истории. Справочник, Москва, ЭКСМО, 2005, стр. 424.

⁴⁶⁶ Опубликованное письмо в редакцию газеты «Комсомольская правда» инженера Синельникова. Ср. Газета «Комсомольская правда» от 06.06.1966.

⁴⁶⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б., Понедельник начинается в субботу, Сказка о Тройке. Москва, Текст, 1992, стр. 243.

⁴⁶⁸ Там же, стр. 265.

⁴⁶⁹ Ср. Ветхий завет, Книга Екклесиаста (1:4): Ветхий завет, Книга Екклесиаста, Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета, Москва, Российское Библейское Общество, 2019, стр. 606.

бессмертен»⁴⁷⁰ или «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается».⁴⁷¹

4. – Народ не располагает излишками бумаги для заведения переписки с необъясненными явлениями. С другой стороны, народ гостеприимен и хлебосолов.⁴⁷²

Здесь угадывается риторика представителей народного хозяйства. Выражение «не располагать излишками» в плановой экономике зачастую оправдывало нежелание хозяйственников предоставлять какие-либо материальные средства по запросу нуждающейся стороны или служило отговоркой, призванной скрыть системный дефицит или растрату. Это типично советское выражение не говорит ничего определенного по поводу наличия или отсутствия необходимых материальных средств, но в то же время дает возможности для тех или иных коррупционных отношений.

Еще одной отличительной чертой повести является провокативное описание взаимоотношений правящей прослойки с простыми людьми, а именно отсутствие этих взаимоотношений. Стругацкие показывают непреодолимую дистанцию между ними. Для председателя Тройки нет отдельных индивидов. Он предпочитает апеллировать к народу, отсутствие субъектности которого компенсируется подменой адресата:

Все взгляды устремились на Лавра Федотовича. Лавр Федотович долго молчал, опустив веки, и дымил «Герцеговиной Флор». Затем он произнес:

– Народ...

– Да! Да! – подхватил Фарфуркис. – Вот именно!

Однако Лавр Федотович словно бы и не слышал этого восклицания. Он поднес к глазам бинокль и несколько минут рассматривал по очереди коменданта и Выбегаллу. Спокойствие, с которым оба они ожидали начальственного решения, видимо, удовлетворило его.

– Народ ждет от нас подвига, – произнес он наконец, опуская бинокль. – Пусть дело войдет.⁴⁷³

Для председателя Тройки каждое заседание является подвигом. В этом заключается типология номенклатурного работника. Иными словами, каждое заседание – это своеобразная жертва, принесенная народу. Но все это подмена,

⁴⁷⁰ Из выступления Сталина на приеме руководителей металлургической и угольной промышленности в Кремле 29.10.1937 г. Ср. Душенко К., Цитаты из русской истории. Справочник, Москва, ЭКСМО, 2005, стр. 319.

⁴⁷¹ Из приказа Народного комиссара обороны от 07.11.1942 г. Ср. Душенко К., Цитаты из русской истории: Справочник, Москва, ЭКСМО, 2005, стр. 323.

⁴⁷² Стругацкий А., Стругацкий Б., Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. Москва, Текст, 1992, стр. 245.

⁴⁷³ Там же, стр. 250.

говорят нам Стругацкие почти буквально. Председатель подменяет собственные нужды нуждами народа, проводя знак равенства между собой и народом.

Например, наутро после вечернего застолья, сильно больные от выпитого накануне спиртного члены Тройки начинают заседание. Лавр Федотович предлагает задернуть шторы, чтобы защитится от яркого солнечного света, объясняя это тем, что «народу это не нужно».⁴⁷⁴ Далее возникает желание выйти на свежий воздух. Обоснование следующее:

– Народ... – произнес бастион, болезненно заводя глаза. – Народ не любит замыкаться в четырех стенах. Народу нужен простор. Народу нужны поля и реки. Народу нужны ветер и солнце... Здоровье народа надо беречь, оно принадлежит народу. Народу нужна работа на открытом воздухе. Народу душно без открытого воздуха...

– Народ любит ходить пешком или ездить на автомобиле?

– Народ, – провозгласил Лавр Федотович, – народ предпочитает ездить в открытом автомобиле.⁴⁷⁵

Народ любит хорошее мясо... например, бифштексы...⁴⁷⁶

Таким образом, Стругацкие, по-видимому, воспроизводили воспринятый ими за годы жизни язык номенклатуры и партийную речь, пытались предать особенности и суть руководящей прослойки, посредством сатиры показывая сущность власти и преемственность пропагандистских методов руководящего аппарата. По словам исследователя истории политического языка Советского Союза Константина Душенко:

«Сказка о Тройке» – это одновременно гротескная «философская повесть» в вольтеровском духе и острая политическая сатира на методы советского партийного руководства. [...] Самая характерная и для того времени совершенно оригинальная художественная особенность «Сказки...» – последовательная контаминация лозунгов и языка сталинской, хрущевской и только что начавшейся брежневской эпохи.⁴⁷⁷

Все участники Тройки действительно довольно точно и в очень неприятном свете отражали образ номенклатурного работника. Это без сомнения не радовало редакции и, в конечном счете, негативно отразилось на самой возможности издания повести.

⁴⁷⁴ Там же, стр. 258.

⁴⁷⁵ Там же, стр. 293.

⁴⁷⁶ Там же, стр. 285.

⁴⁷⁷ Душенко К., Красное и белое. Из истории политического языка. «Сказка о Тройке» как зеркало партийного языка, Москва, РАН, ИНИОН, 2018, стр. 133.

Необходимый конформизм

Однако первые неприятности со «Сказкой о тройке», несмотря на остроту сатиры, направленную на номенклатуру, принес Стругацким не образ номенклатурного работника, а персонаж повести по имени Клоп Говорун, и именно с него у авторов начались трудности с публикацией повести. Борис Стругацкий утверждал, что, по какой-то причине, наибольшее раздражение цензуры вызвал именно Клоп Говорун. В нем заключалась какая-то скрытая для самих авторов антисоветская аллюзия, которую им так и не удалось разгадать.⁴⁷⁸ Сам Клоп Говорун есть воплощение образа демагога с претензией на значимость.

Отрывок с монологом Клопа Говоруна должен был быть напечатан в журнале «Знание – сила» как анонс к предстоящей публикации повести, интерес к которой среди редакций поначалу был очень высок, так как «Сказка о Тройке» была долгожданным продолжением выдающейся по своей популярности повести «Понедельник начинается в субботу». Читатели с нетерпением ждали выхода в печать долгожданного продолжения. Однако анонс с монологом Клопа так и не был напечатан. По-видимому, в этом персонаже цензоры увидели сходство с каким-то человеком, по выражению самого Бориса Стругацкого, из «наисильнейших мира сего»,⁴⁷⁹ и в редакции «Знание – сила» потребовали удалить монолог из журнального номера. Об этом существует свидетельство в переписке авторов. Из письма Аркадия брату от 27.04.1968:

«Клоп» в «Знание – сила» погорел с большим треском и большой вонью. Нам зверски не повезло. [...] Я не знаю всех подробностей, однако кто-то из рецензентов обратил внимание – свое и цензуры – на наш отрывок. [...] Отрывок велели снять. Начальник цензора, который ведает журналом, давать объяснения отказался, однако стало известно, что и сам он в недоумении. Оказалось, что отрывок читал сам Романов (!) – это глава главлита⁴⁸⁰ – и заявил, что в отрывке есть некий вредный подтекст. Будучи робко спрошен, что это за подтекст, Романов якобы только буркнул: «Знаем мы, какой». Вот это последнее обстоятельство – то, что нами занимался сам Романов, – вызывает у меня нездоровый интерес.⁴⁸¹

Как и следовало ожидать, на этом злоклучения Стругацких, связанные с данной повестью, не закончились. Через два года, уже после подавления «пражской

⁴⁷⁸ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 146.

⁴⁷⁹ Там же, стр. 146.

⁴⁸⁰ Главное управление по делам литературы и издательств.

⁴⁸¹ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971, Москва, ПринТerra-Дизайн, 2013, стр. 136.

весны» и ввода войск в Чехословакию,⁴⁸² в 1970 году «ангарский» вариант повести был без согласия авторов напечатан в журнале «Грани»,⁴⁸³ издававшегося во Франкфурте-на-Майне. Издание часто печатало произведения советских авторов, запрещенные к изданию в СССР.

Появление опальной повести в «антисоветском» журнале грозило авторам серьезными неприятностями. Аркадий Стругацкий был вызван к секретарю по организационным вопросам московской писательской организации Ильину. Последний потребовал в письменном виде отмежеваться от враждебной публикации. По свидетельствам Бориса Стругацкого, они никогда не стремились нелегально печататься за границей, что им представлялось опасным и бессмысленным.⁴⁸⁴ Они явно опасались быть приписанными властями к диссидентам и идеологическим противникам советской власти. Действительно, к тому моменту, за исключением некоторых произведений,⁴⁸⁵ их книги печатались на родине большими тиражами, они были популярны и востребованы.

В итоге, 30 марта 1971 года отмежевание от публикации в «Гранях» произошло. Приехав для работы над новой повестью в Дом творчества в Комарово, Стругацкие написали в секретариат московского отдела Союза советских писателей (МО ССП) письмо с осуждением публикации их повести в этом журнале.⁴⁸⁶ Позже Борис Стругацкий комментировал этот неприятный для них эпизод следующим образом:

О, это было более чем тошнотворное занятие! Полдня мы обдумывали свое коротенькое послание-отмежевание, а потом еще пол дня его писали. Тошнило от того, что делать это мы **ВЫНУЖДЕНЫ**. От того, что сами мы не видели ничего дурного в происшедшем [...], а изображать нам надо было самое что ни на есть возмущение и негодование. От злости на дураков, переправивших рукопись за рубеж, и от доброхотов, радостно ее опубликовавших (из самых лучших побуждений, естественно!) – тоже тошнило, да еще как.⁴⁸⁷

⁴⁸² Период либерализации в ЧССР с 5 января по 21 августа 1968 года, связанный с избранием первым секретарем ЦК КПЧ Александра Дубчека и его реформами, направленными на расширение прав и свобод граждан и децентрализацию власти в стране, закончился вводом советских войск в Чехословакию. См. подробнее, например, Pauer Jan, Prag 1968: Der Einmarsch des Warschauer Paktes. Hintergründe – Planung – Durchführung, Bremen, Edition Temmen, 1995.

⁴⁸³ Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о тройке, Грани, 1970, № 78, стр. 38–165.

⁴⁸⁴ Ср.: Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 146.

⁴⁸⁵ «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди», «Сказка о Тройке».

⁴⁸⁶ Из текста письма: «Мы категорически протестуем против опубликования нашей повести на страницах антисоветского журнала «Грани», как против провокации, мешающей нашей нормальной работе, и требуем, чтобы подобное впредь не повторилось», Ср. Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971, Москва, ПринТерра-Дизайн, 2013, стр. 457.

⁴⁸⁷ Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 150.

Написали – и тут же яростно принялись доканчивать первый черновик «Пикника». Чтобы стереть поганую слизь с ленты пишущей машинки. Чтобы отбить привкус идеологической ипекакуаны во рту. Чтобы снова почувствовать себя если не человеками, то хотя бы вполне человекоподобными...⁴⁸⁸

Так пишет Борис Стругацкий в 2003 году в своих воспоминаниях. Якобы написали письмо, отмежевались и постарались побыстрее забыть, заглушив неприятный осадок интенсивной работой. Однако это не совсем так.

6 апреля 1971 года, еще находясь в Доме творчества в Комарово, Стругацкие продолжают предпринимать шаги по улаживанию опасного для них инцидента. Теперь они пишут жалобу в Секретариат МО ССП,⁴⁸⁹ главными тезисами которой являются обвинения в «дискриминации их творчества», жалуясь на то, что некоторые их произведения под вымышленными предлогами не печатают. Далее приведу выдержку из жалобы:

Нам надоело ходить под страхом, что вот-вот какая-нибудь сволочь за рубежом обратит, наконец, внимание на всю эту шумиху и вознамерится приобщить нас по этому поводу к числу «своих людей» (этого, впрочем, мы уже, кажется, дождались – спасибо свинниковым, дроздовым, краснобрыжим и алексеевым). [...] Мы верим, что Секретариат способен сделать и сделает все, от него зависящее. В противном же случае мы ждем от Секретариата практического совета: куда нам обратиться? В ЦК КПСС, в суд, в Комитет государственной безопасности или еще куда-нибудь?⁴⁹⁰

Эта жалоба выдает довольно нервную реакцию авторов на публикацию повести в «Гранях» и судорожную попытку обезопасить себя. Видимо, Стругацкие решили пойти на превентивные меры, перейдя в наступление на редакции, которые отказывают им в печати, обвиняя в первую очередь именно редакции в том, что Стругацких напечатали за границей.

Но и это еще не все. Переписка авторов свидетельствует, что на этом их хлопоты по поводу данного инцидента не закончились. Стоит заметить, что наибольшее беспокойство в отношении их дальнейшей судьбы проявлял Борис. Вскоре после возвращения из Дома творчества в Комарово, где Стругацкие в тот момент работали над черновиком «Пикника на обочине», и где были написаны письмо-отмежевание и жалоба в Секретариат ССП, Борис встречается с Евгением Брандисом.⁴⁹¹ Объясняет ему обстоятельства происшествия. Брандис советует ему

⁴⁸⁸ Там же, стр. 152.

⁴⁸⁹ Московское Отделение Союза Советских Писателей

⁴⁹⁰ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971, Москва, ПринТерра-Дизайн, 2013, стр. 460.

⁴⁹¹ Евгений Павлович Брандис – прозаик, литературовед, критик, библиограф, один из основоположников советского фантастиковедения; видный специалист в области классической и современной зарубежной литературы, историк и теоретик детской литературы и НФ. На момент

обратиться к Демичеву,⁴⁹² который слыл человеком культурным и образованным. Именно к Демичеву обращался за помощью Иван Ефремов, когда разразился скандал вокруг его недавно изданного романа «Час Быка».⁴⁹³

В письме от 13.04.1971 Борис предлагает брату целый план действий по нейтрализации нависшей опасности. Приведу некоторые наиболее показательные выдержки из него:

1. Сходить к Верченке⁴⁹⁴ и подать ему точную копию нашей телеги в секретариат. Заодно просто поговорить, поплакать в жилетку, попросить совета, пожаловаться, что вот протест писать вынудили, а пользы от этого никакой, только лишний шум теперь поднимается...
2. Все-таки съездить к Ефремову. Набраться терпения и съездить. Подарить книгу, побеседовать, помириться. Главное – подробно расспросить его о беседе с Демичевым, попытаться получше понять, что это за человек. Не шла ли там речь о нас. Как лучше держаться. [...]
3. После этой разведки и обмена мнениями со мною написать письмо Демичеву с кратким изложением наших обстоятельств и с просьбой уделить полчаса на беседу. [...]

Хуже вряд ли будет, а лучше – может быть. Изложим нашу позитивную программу (воспитание коммунара), реабилитируемся, глядишь, и просветлеет.⁴⁹⁵

В конечном счете, никуда Стругацкие не пошли и ничего существенного не предприняли. В основном по той причине, что Аркадий, который проживал в Москве, на которого и возлагался груз всех этих хлопот, воспринял предложения Бориса без особого энтузиазма и сослался на то, что ему всем этим заниматься не хочется, и у него от этого «невроз».⁴⁹⁶ Им удалось, как говорится, отсидеться, и буря прошла стороной.

Тем не менее, эти события, как и сама реакция авторов, дают нам ясное представление о той атмосфере, в которой приходилось работать советским

обращения к нему Бориса Стругацкого – Член Союза писателей СССР, один из организаторов творческой секции научно-художественной и научно-фантастической литературы Ленинградского Отдела Союза писателей, член Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР, член Общества Теодора Шторма (ФРГ), член Парижского Жюльверновского общества (1968).

⁴⁹² Петр Нилович Демичев – советский государственный и партийный деятель. На момент происходящих событий являлся секретарем ЦК КПСС и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

⁴⁹³ «Час Быка» – социально-философский научно-фантастический роман-антиутопия Ивана Ефремова. Впервые был напечатан в журналах «Молодая гвардия» и «Техника молодежи» в 1968–1969 годах. После смерти автора в 1972 году роман был запрещен к переизданиям. В результате скандала был снят с поста главного редактора журнала «Молодая гвардия» и переведен в журнал «Вокруг света» А. В. Никонов, два его заместителя были уволены. Роман был снова разрешен к изданию только в 1988 году. Ефремов И., Час быка, Москва, Молодая гвардия, 1970.

⁴⁹⁴ Юрий Николаевич Верченко, Секретарь правления Союза писателей СССР.

⁴⁹⁵ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971, Москва, ПринТерра-Дизайн, 2013, стр. 461–462.

⁴⁹⁶ Там же, стр. 463.

писателям тех лет, и о тех страхах, которые они испытывали. Кроме того, данные письменные свидетельства дают дополнительные сведения о портрете каждого из братьев Стругацких и объясняют многое в их творчестве.

Несмотря на внутреннее содержание их произведений, в большинстве своем полных неприятных для советской власти аллюзий, сами они старались оставаться в относительной безопасности и совершенно не стремились к конфронтации и высказыванию какой-либо ясной критической позиции. Они дорожили своим местом в Союзе советских писателей, дающим определенные привилегии и, конечно, возможностью печататься. Более того, в момент опасности спешили подтвердить свою лояльность и обеспечить себе возможность более или менее беспрепятственной дальнейшей работы.

Тем не менее, в некотором смысле, эту способность можно отнести и к их заслугам. В конечном счете стоит признать, что Стругацким удавалось довольно искусно лавировать между личным конформизмом и возможностью создавать в своих текстах коллизии, отличающиеся от многих произведений советской литературы широкой палитрой социально-философских концептов и остротой поставленных проблем. В дальнейшем это сыграло свою заметную роль уже в процессе формирования постсоветского гражданского общества и его культурных кодов.

Пропаганда. «Обитаемый остров»

12 июня 1967 года в рабочем дневнике братьев Стругацких появляется надпись: «Б.⁴⁹⁷ прибыл в Москву в связи с отвергнутием СоТ⁴⁹⁸ Детгизом.⁴⁹⁹ Надобно сочинить заявку на оптимистическую повесть о контакте».⁵⁰⁰ Речь идет о повести, которая получит название «Обитаемый остров».⁵⁰¹ Как вспоминал потом Борис Стругацкий, эта повесть задумывалась как проходная, максимально не провокационная, как произведение, с которым, по мнению авторов, не должно было возникнуть проблем с цензурой и печатью.⁵⁰²

Именно проблемы с изданием «Сказки о Тройке» и «Гадких лебедей» летом и осенью 1967-го года заставляют Стругацких как профессиональных авторов,

⁴⁹⁷ Борис Стругацкий.

⁴⁹⁸ Повесть «Сказка о Тройке».

⁴⁹⁹ Детское государственное издательство.

⁵⁰⁰ Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971, Москва, ПринТерра-Дизайн, 2013, стр. 74.

⁵⁰¹ Первое издание в журнале «Нева» (1969): Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров, Нева, 1969, № 3, стр. 86–130; № 4, стр. 85–127; № 5, стр. 90–140.

⁵⁰² Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003, стр. 154.

средством заработка которых было написание книг, взяться за работу над этим, по словам Бориса, «бездумным, безмозглым, абсолютно беззубым, развлеченческим, без единой идеи романом».⁵⁰³ Однако, по-видимому, Стругацкие в своем творчестве оказались не совсем способны на требуемую безопасную простоту. У них вышла повесть по количеству опасных аллюзий едва ли не превышающая все их предыдущие работы.

[...] все вставало на свои места, как патроны в обойму, все находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности, все оказывалось носителем подтекста – причем даже как бы помимо нашей воли, словно бы само собой...⁵⁰⁴

В произведении в определенной степени повторяется коллизия, придуманная Стругацкими в повести «Трудно быть богом». Главный герой повести Максим Каммерер (сквозной персонаж произведений Стругацких, действующий в трех повестях: «Обитаемый остров» (1969), «Жук в муравейнике» (1979), «Волны гасят ветер» (1984)) – молодой человек с Земли мира Полудня – путешествует по космосу, занимаясь так называемым «свободным поиском».⁵⁰⁵ В результате аварии космического корабля Максим попадает на планету Саракш. Планета оказывается обитаемой, но погрязшей в войнах и прошедшей через конфликты с применением ядерного оружия.

Примечательно, что история Максима – это тоже история прогрессора, но прогрессора поневоле. В отличие от Антона (Руматы) из «Трудно быть богом» Максим – не историк и не профессионал, он – обычный юноша из утопии Полудня, столкнувшийся с невыносимой для него антигуманностью мира, в который он волею обстоятельств попал.

Сюжет повести выстроен так, что Максим по ходу повествования перемещается от одной социальной группы к другой, но таким образом, что каждый раз его представление о мире, в который он попал, меняется кардинальным образом. Это отражено и в самих названиях частей повести: Робинзон, Гвардеец, Террорист, Каторжник, Землянин. Читатель познает Саракш параллельно с Максимом, а его движение между социальными группами и по пространству мира повести создает довольно широкую панораму местного общества. Какова же структура этого общества? В чем его особенность?

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ ГСП – Группа Свободного Поиска (поиск в космосе неоткрытых планет и цивилизаций).

Прежде всего привлекает внимание социальное устройства этого мира. Оно действительно рождает большое количество аллюзий.

Страна крайне милитаризована. Правят страной «Неизвестные Отцы»⁵⁰⁶ – группа анонимных правителей, пришедших к власти в результате войны. Источником, или скорее условием, их легитимности являются «Башни Баллистической Защиты», расположенные по всей стране и, казалось бы, призванные служить аналогом противовоздушной обороны. Граждане думают, что это их единственная защита от нападения с воздуха. Однако, как выясняется по ходу повести, эти башни являются сетью психо-излучателей, с помощью которых в населении страны поддерживается должный уровень конформизма. Поле облучения работает постоянно, а когда несколько раз в день башни включаются на полную мощность, люди впадают в неистовый патриотический восторг.⁵⁰⁷

Но не все люди подвержены излучению. На небольшой процент людей башни оказывают обратный эффект. Вместо счастья и патриотического восторга они испытывают невыносимую головную боль и судороги. Таких людей называют «выродками». Предположительно, под выродками метафорически подразумевается интеллигенция, которая, в свою очередь, делится на лояльных власти вполне преуспевающих людей и на тех, кто пытается бороться, устраивая нападения на башни. Восприимчивое к излучению башен большинство ненавидит выродков, считая, что они шпионы, предатели и вредители.

Перед нами встает довольно очевидная картина тоталитарного авторитарного режима,⁵⁰⁸ причем в его наиболее омерзительных и подлых проявлениях. А также мы снова видим интеллигенцию, неподверженную облучению пропаганды, в данном случае маркированную физиологически. В этой метафоре заметен определенный оттенок постмодернистского подхода Стругацких: буквально корчащиеся в агонии редкие «выродки» (читай интеллигенция) с одной стороны, и бьющиеся в экстазе бездумного энтузиазма широкие массы с другой, при этом все они принимают одну и ту же «волну». Нечто подобное, но только в более жесткой гипертрофированной форме, мы находим у Владимира Сорокина в романе

⁵⁰⁶ Известный эпитет «Отец народа», употреблявшееся в адрес Иосифа Сталина трансформируется у Стругацких в выражение «Неизвестные Отцы», что довольно легко считывается.

⁵⁰⁷ Экстаз, в который впадают люди под влиянием облучения, напоминает описание «пятиминутки ненависти» из романа Оруэлла «1984», возможно к тому времени уже прочитанный авторами на английском языке. Запрещенный в советском союзе роман был впервые опубликован в СССР только в 1989 году в журнале «Новый мир» №№ 2, 3, 4.

⁵⁰⁸ Неизвестные Отцы имеют лидера. Его называют – «Папа». Возникают коннотации с криминально окрашенным словом «Пахан».

«Норма»,⁵⁰⁹ где метафорой пропаганды служит употребление ежедневной нормы фекалий. Схожесть наблюдается в цикличности страдания и в его неотвратимости.

Однако, пожалуй, самое новое для Стругацких в этой концепции то, что «Неизвестные Отцы» тоже являются выродками. То есть на вершине власти уже стоит самая важная и нужная, по мнению ранних Стругацких, прослойка общества. «Неизвестные Отцы» тоже, как и все остальные выродки, страдают от боли, но делают это сознательно, как бы оплачивая собственными страданиями лояльность населения.

Этот новый поворот в творчестве Стругацких, когда критикуемая властная структура не тупа и архаична, как в предыдущих произведениях, а умна и образованна, отражает концептуальное развитие идей Стругацких и их попыток анализа социальных процессов. Здесь наблюдается уже явный отход авторов от высказанной ими прежде мысли, что интеллигенция играет какую-то особую положительную роль в устройстве общества, являясь как бы средством устойчивого развития и прогресса (достаточно вспомнить реплику Аркадия, что «коммунизм – это братство интеллигенции»⁵¹⁰). Процесс деидеализации Стругацкими интеллигенции, начавшийся в «Улитке на склоне» и продолженный в «Гадких лебедях», в «Обитаемом острове» приходит к своему логическому завершению. По-видимому, к 1967-му году авторы уже утрачивают оптимистические представления по поводу какой-либо особой спасительной роли интеллигенции на пути построения справедливого общества. Напротив, в «Обитаемом острове» именно интеллигенция вершит происходящую несправедливость по одурачиванию масс в своих собственных интересах.

Вернемся к башням облучения как к метафоре пропаганды.⁵¹¹ Стоит оценить силу данной аллегии. Следуя логике жанра, сама система пропаганды у Стругацких представляет собой техническое средство, которое включается простым нажатием кнопки или переводом рычага в рабочее положение. Стругацкие добавляют к

⁵⁰⁹ Ср., Сорокин В., Норма. Тридцатая любовь Марины. Голубое сало. День опричника. Сахарный кремль, Москва, Астрель, 2012, стр. 5–372.

⁵¹⁰ См. выше.

⁵¹¹ Обращает на себя внимание то, что сам концепт представления работы средств массовой информации и пропаганды как башен облучения, предложенный Стругацкими в этой повести, в дальнейшем укоренился в массовом сознании постсоветской России и до сих пор нередко употребляется в полемике различных комментаторов уже по поводу реальных событий современности, когда речь заходит о пропаганде в СМИ. Несмотря на то, что нигде в повести мы не находим прямо высказанной авторами связи между башнями-излучателями и пропагандой, можно с уверенностью сказать, что это связь существует. В рабочем дневнике Стругацких есть запись, подтверждающая данное утверждение. Запись от 07.12.1967 года. В одном из пунктов плана повести написано: «19. Нападение на пропаганд. центр.»: ср. Бондаренко С., Курильский В., Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971, Москва, ПринТерра-Дизайн, 2013, стр. 106.

психологическому воздействию, оказываемому пропагандой, эффект физического воздействия. «Не выродок» не может противостоять психоволнам. Здесь у Стругацких заметна четкая сегрегация на простых людей и интеллигенцию уже как бы на генетическом уровне. Эта сегрегация заметна и в «Трудно быть Богом», где простой народ выглядит отсталым и безнадёжным по сравнению с «книжниками».

Как Стругацкие в 1968 году описывают симптомы воздействия пропаганды? Они это делают на примере Гая Гаала, одного из главных персонажей повести. Выражаясь образно, именно этот персонаж играет роль «жертвы пропаганды» как в прямом,⁵¹² так и в переносном смысле. Проследим, как описываются ощущения гвардейца Гая Гаала, при включении башен на полную мощность:

– Будет исполнено, – прокричал Гай, охваченный неопишваемым восторгом. Волна радости, гордости, счастья, горячая волна упоения преданностью захлестнула его, подхватила, понесла к небу. О эти сладостные минуты, сотрясающие все существо, минуты, когда вырастают крылья, минуты ласкового презрения ко всему грубому, материальному, телесному... Минуты, когда хочешь огня и приказа, когда жаждешь, чтобы приказ соединил тебя с огнем, швырнул тебя в огонь, на тысячи врагов, на разверстые жерла, навстречу миллионам пуль... и это еще не все, будет еще слаще, восторг ослепит и сожжет... О огонь! О слава! Приказ, приказ!⁵¹³

Непременным атрибутом пропаганды являются патриотические стихи и песни.

Стругацкие добавляют и этот элемент:

Боевая Гвардия тяжелыми шагами
Идет, сметая крепости, с огнем в очах,
Сверкая боевыми орденами,
Как капли свежей крови сверкают на мечях...

[...] Знаете ли вы нас, Неизвестные Отцы наши, поднимите усталые лица⁵¹⁴ и взгляните на нас, ведь вы все видите, так неужели вы не видите, что мы здесь, на далекой жесткой окраине нашей страны, с восторгом умрем⁵¹⁵ в муках за счастье Родины!..

О боевая Гвардия – клинок закона!
О верные гвардейцы-молодцы!
Когда в бою гвардейские колонны,

⁵¹² Гай погибает, находясь под воздействием излучения башен. См. Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров. Малыш, Москва, Текст, 1993, стр. 251–253.

⁵¹³ Там же, стр. 28.

⁵¹⁴ Отсылка к зачистой обусловленному пропагандой, распространенному мифу о том, что правитель или вождь почти никогда не спит и постоянно работает на благо людей, неся тяжелое бремя ответственности за весь народ и государство.

⁵¹⁵ Ср. припев песни «Смело мы в бой пойдем» в версии РККА: Смело мы в бой пойдем / За власть Советов / И как один умрем / В борьбе за это.

Спокойны⁵¹⁶ Неизвестные Отцы!⁵¹⁷

Обращает на себя внимание, как Гай восторженно апеллирует к своим правителям, как ему хочется быть замеченным и отмеченным ими. Стругацкие описывают, как пропаганда работает на сакрализацию власти, ведь отношение Гая к власти определяется именно воздействием психоволн (читай пропагандой), возвеличивая «Неизвестных Отцов» (можно прочесть как – «Неизвестно кого») в его иерархии ценностей до богоравных высот.

Примечательно, что предмет пропаганды может варьироваться в зависимости от настроек волны, что показывает гибкость системы облучения и ее вариативность. То есть сила пропаганды действует в любом случае, в независимости от ее нарративов. Например, когда Гай узнает от ставшего для него кумиром Максима правду о башнях, вновь попав под их излучение, он с тем же неистовством, как и раньше, но теперь ненавидит башни и Неизвестных Отцов и готов на любую жертву ради Максима: «Эти черные мерзавцы, эти подлые Отцы, собачьи Отцы, они понатыкали башни везде, но мы сметем эти башни».⁵¹⁸ То есть, в какую бы сторону ни была бы направлена пропаганда, на обычного человека она воздействует одинаково.

В рамках данной работы я не ставлю перед собой задачу описания теории пропаганды, но, как мне кажется, имеет смысл коротко упомянуть ее основные критерии. В своей книге «Основные принципы военной пропаганды»⁵¹⁹ Anne Морелли, основываясь на выводах Артура Понсонби о методах пропаганды, применявшихся в Первой Мировой Войне,⁵²⁰ формулирует свои десять основных принципов, в соответствии с которыми действует военная пропаганда:

1. Мы не хотим войны, мы только защищаемся;
2. Наш противник несет полную ответственность за эту войну;
3. Лидер нашего противника изначально зол и похож на дьявола;
4. Мы защищаем благородное дело, а не свои особые интересы;
5. Враг целенаправленно совершает зверства; если мы совершаем ошибки, то это происходит без умысла;
6. Враг использует запрещенное оружие;
7. Наши потери малы, потери противника значительны;
8. Наше дело поддерживают признанные интеллектуалы и художники;
9. Наше дело свято;

⁵¹⁶ Ср. с текстом популярной песни «Любимый город» из кинофильма «Истребители» 1939 года: Пройдет товарищ все бои и войны, / Не зная сна, не зная тишины. / Любимый город может спать спокойно / И видеть сны, и зеленеть среди весны.

⁵¹⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров. Малыш, Москва, Текст, 1993, стр. 28.

⁵¹⁸ Там же, стр. 216.

⁵¹⁹ Ср. Morelli Anne, Die Prinzipien der Kriegspropaganda, übers. von M. Schönbach, Springe, zu Klampen, 2004.

⁵²⁰ См. Ponsonby Arthur, Falsehood in War-Time: Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War, London, Garland Publishing Company, 1928.

10. Тот, кто ставит под сомнение нашу пропаганду, помогает врагу и является предателем. *(перевод А.К.)*

Все эти принципы, за исключением седьмого и восьмого, обнаруживаются в повести – в тех ее частях, где Стругацкими описывается, как пропаганда воздействует на человека на ментальном уровне.

Если иметь в виду, что противостояние между США и СССР принято называть «холодной» войной, в этом противостоянии были задействованы и практики военной пропаганды. Но здесь стоит сделать одну оговорку, и это более заметно в тоталитарных обществах, – образ внешнего врага неразрывно связан с образом врага внутреннего и зачастую играет важную роль именно в борьбе с внутренним инакомыслием. Исследователь образа врага в советской пропаганде Андрей Фатеев описывает эту взаимосвязь следующим образом:

В системе пропаганды образ внешнего врага был связан с внутренним и выполнял специфическую внутривнутриполитическую функцию. Дезориентированных, отчужденных друг от друга при помощи образа внутреннего врага людей пропагандисты запугивали образом внешнего врага, добиваясь сплочения народа вокруг правительства. Внешнеполитическая функция образа американского империализма, капитализма в целом состояла в устрашении правительств и народов стран «народной демократии» для удержания их в советском геополитическом пространстве. Внедрение образа внешнего врага в общественное сознание происходило систематически, комплексно, длительное время, с учетом психологии рядового гражданина СССР – на основе принципов пропаганды.⁵²¹

Попробуем теперь сравнить речь героев повести с этими критериями и пропагандистской риторикой в СССР. Приведу отрывок речи Гая перед своим отрядом гвардейцев незадолго до облавы на выродков. Обращает на себя внимание большая схожесть этой риторики:

– Гвардейцы! – сказал он. – Мы – опора и единственная надежда государства в это трудное время. Только на нас могут без оглядки положиться в своем великом деле Неизвестные Отцы. [...] Хаос, рожденный преступной войной, едва миновал, но последствия его тяжело ощущаются до сих пор. Гвардейцы, братья! У нас одна задача: с корнем вырвать все то, что влечет нас назад, к хаосу. Враг на наших рубежах не дремлет, неоднократно и безуспешно он пытался втянуть нас в новую войну на суше и на море, и лишь благодаря мужеству и стойкости наших братьев-солдат страна наша имеет возможность наслаждаться миром и покоем. Но никакие усилия армии не приведут к цели, если не будет сломлен враг внутри. Сломить врага внутри – наша и только наша задача, гвардейцы.⁵²²

⁵²¹ Фатеев А., *Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг.*, Москва, РАН, Институт российской истории, 1999, стр. 157.

⁵²² Стругацкий А., Стругацкий Б., *Обитаемый остров*. Малыш. Москва, Текст, 1993, стр. 58–59.

Если вычленишь из речи Гая некоторые словосочетания, заметно сходство с посылами советской пропаганды. Достаточно вспомнить фразы советских агитационных плакатов: «Враг не дремлет! Будь бдителен!», «Красная Армия – опора трудящихся», «Враг хитер, в нем звериная злоба – смотри в оба!» и т. д.

В своем описании воздействия пропаганды Стругацкие, по-видимому, опирались прежде всего на свой собственный опыт в преодолении идеологического наследия сталинизма. В первой части повести, когда Максим служит в рядах Боевой Гвардии, Стругацкие описывают данный процесс: от зарождения сомнений до несогласия и неприятия.

Присутствуя при облавах и судах над выродками, наивный еще Максим начинает сомневаться в чистоте намерений власти и начинает осознавать природу тоталитаризма и его методы. Это начало его перерождения. Пытаясь найти ответы на свои вопросы, он много говорит с Гаем – человеком, находящемся на острие внутреннего террора. И здесь заметны и отражены маркеры процесса переосмысления догматической картины мира. Уверенность Гая основана на вере, заложенной пропагандой, сомнения Максима – на попытке логического анализа. Приведу отрывки из диалога между Максимом и Гаем о выродках:

– [...] И не знаю я, приносят они вред или не приносят, то есть, судя по всему, приносят, но я не верю, что они куплены.

– Как это – не веришь? – сказал Гай, хмурясь еще сильнее. – Ну предположим, мне ты можешь не верить, я – человек маленький. Ну а господину ротмистру? А бригадиру? Радио, наконец? Как можно не верить Отцам? Они никогда не лгут.

– Почему обязательно – лгут? [...] А если они ошибаются?

– Ошибаются... – с недоумением проговорил Гай... – Кто ошибается? Отцы? Вот чудак... Отцы никогда не ошибаются. [...]

– Ну как же! – сказал Мак с нетерпением. – Ты за деньги не согласен умирать. Я за деньги не согласен умирать. А выродки, значит, согласны! Что за чепуха!

– Так то – выродки! – сказал Гай проникновенно. – На то они и выродки! Им деньги дороже всего, у них нет ничего святого. Им ничего не стоит ребенка задушить – бывали такие случаи...⁵²³

– Образованный выродок – это выродок в квадрате, – сказал Гай поучающе. – Как выродок он нас ненавидит. А образование помогает ему эту ненависть обосновать и распространять. Образование – это, дружок, тоже не всегда благо. Это как автомат – смотря в чьих руках...

– Образование – всегда благо, – убежденно сказал Мак.

– Ну уж нет. Я бы предпочел, чтобы хонтийцы все были необразованные. Тогда бы мы, по крайней мере, могли жить как люди, а не ждать все время ядерного удара. Мы бы их живо усмирили.

– Да, – сказал Мак с непонятной интонацией. – Усмирять мы умеем. Жестокости нам не занимать.

⁵²³ Там же, стр. 95.

– И опять ты как ребенок. Не мы жестокие, а время жестокое. Мы бы и рады уговорами обойтись, и без кровопролития. А что прикажешь? Если их никак не переубедить...⁵²⁴

Доводы Гая напоминают смесь риторики времен «Большого террора»⁵²⁵ и холодной войны. Период большого террора, охарактеризованный самым пиком сталинских внутренних репрессий, и реплика Гая, что «Отцы никогда не ошибаются», напрямую согласуются с известной фразой тех лет – «НКВД (Органы) никогда не ошибается».⁵²⁶ Советская пресса того времени в адрес так называемых врагов народа несла тот же посыл, угадывающийся и в речи Гая по отношению к выродкам.⁵²⁷ В свою очередь, внешний враг, угрожающий ядерным оружием, вполне согласуется с уже привычными к 1968 году восприятию США как экзистенциального соперника.

Упоминают Стругацкие и другие признаки воздействия пропаганды. Например, бдительные граждане считают своим долгом немедленно уведомить власти о появлении выродка, а очередную облаву на них принимают с восторгом и энтузиазмом:

Прогрохотали подкованные сапоги, восторженно взвизгнул женский голос, кто-то с верхнего этажа пронзительно завопил: «Господа! Боевая Гвардия!» – «Ура!» – закричали бледные люди, прижимавшиеся к стенам, чтобы не мешать. Эти прохожие словно ждали здесь гвардейцев и теперь, дождавшись, радовались им, как лучшим друзьям.⁵²⁸

Тотальная пропаганда оказывает тотальное воздействие. Противостоять этому воздействию практически невозможно, говорят нам авторы, приравнивая это воздействие в тексте романа к физическому воздействию облучения. Переубедить «облученных» – сверхсложная, почти невыполнимая задача. Когда Максим рассказывает правду о башнях своим самым близким и любимым людям, они не в состоянии поверить ему, хотя во всем остальном доверяют ему безоговорочно. Полагаю, очень многие современники Стругацких, пережившие развенчание культа личности Сталина, узнавали в диалогах повести свои собственные разговоры и реакции:

⁵²⁴ Там же, стр. 97.

⁵²⁵ Период наиболее массовых политических (сталинских) репрессий в СССР 1937–1938 годов.

⁵²⁶ См.: Хлевнюк О., 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество, Москва, Республика, 1992; Сувениров О., 1937, Трагедия Красной Армии. Москва, Эксмо, 2009.

⁵²⁷ Для примера приведу только один выпуск «Литературной газеты» от 20.08.1936 года, когда шел судебный процесс против «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». В одном номере обнаруживаем, по меньшей мере, семь статей и заметок, отражающих тот же информационный посыл: Редакционная статья «Раздавить гадину!»; Под рубрикой «Перед судом трудового народа», заметки: «Беспощадность к врагам», «Приговор суда – приговор народа», «Миру не нужны предатели!», «Врагам народа – беспощадная кара!»; Статья «Ненависть и презрение».

<https://electro.nekrasovka.ru/books/6153903>

⁵²⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров. Малыш, Москва, Текст, 1993, стр. 71.

Рада слушала жадно, и Гай тоже в конце концов заинтересовался, он даже стал задавать вопросы, ехидные, злые вопросы, глупые и жестокие, и Максим понял, что он ничему не верит, что сама мысль о коварстве Неизвестных Отцов отталкивается от его сознания, как вода от жира, что ему неприятно это слушать и он с трудом сдерживается, чтобы не оборвать Максима. И когда Максим закончил рассказ, он сказал, нехорошо ухмыляясь:

– Здорово они обвели тебя вокруг пальца.

Максим посмотрел на Раду. Но Рада отвела глаза и, покусывая губу, проговорила нерешительно:

– Не знаю... Может быть, конечно, была одна такая башня... Попадаются ведь негодяи даже в муниципалитете... А Отцы просто не знают... им не докладывают, и они не знают... Понимаешь, Мак, это просто не может быть, то, что ты рассказываешь...⁵²⁹

Утрата веры – процесс болезненный и тяжелый. И Стругацкие сами прошли через него. Показательно, как авторы описывают процесс осмысления правды, ее принятия и ментального преодоления самообмана. Он показан Стругацкими тем же метафорическим способом. В данном случае отключение башен вызывает «лучевое голодание», приводящее к тяжелым депрессиям тех, кто подвергся «облучению». И эта метафора была понятна людям, прошедших через десталинизацию.

Но и тут, снова возникает вопрос, а насколько естественным был этот процесс? Не являлся ли он частью манипуляции сознанием? Пожалуй, что так. Ведь в финале повести башни тоже никуда не делись. Они по-прежнему стоят. Они готовы в любой момент включиться вновь. И это, наверное, самый горький вывод, который делают Стругацкие на страницах данного произведения. Манипуляция продолжается. Отцов сменяют революционеры. Те же «выродки», только со знаком плюс, довольно просто способный снова перейти в минус.

По большому счету, несмотря на задуманный авторами развлекательный и приключенческий сюжет, если присмотреться повнимательней, мы не найдем в повести ни одного однозначно положительного персонажа, ни одной разрешенной проблемы: массы – одурачены и, вследствие этого, не способны к критичной оценке; Неизвестные Отцы – алчны, беспощадны и античеловечны; подполье, состоящее из выродков, после победы мечтает по-прежнему применять башни, только по своему усмотрению, якобы сея только «доброе, разумное, вечное»;⁵³⁰ «Странник» (Рудольф Сикорски) – засланный прогрессор с Земли, внедренный в группу Неизвестных Отцов, о роли которого Максим до самого финала повести не догадывается,

⁵²⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров. Малыш. Москва, Текст, 1993, стр. 145.

⁵³⁰ Цитата из стихотворения Некрасова «Сеятелям» (1877). Ср. Некрасов Н., Сеятелям, Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова в двух томах, 1873–1877, т. 2, Санкт-Петербург, Типография А. С. Суворина, 1899, стр. 411.

использует далеко негуманные методы влияния на ситуацию;⁵³¹ да и сам Максим к концу повести готов пожертвовать кем угодно в целях своей идеи революции.

Мы наблюдаем полный провал всех людей, всех идей, всех целей – полную безысходность. Обитаемый остров смог изуродовать всех. И плохих, и хороших, и подлых, и верных, и умных, и глупых. Когда в финале повести Максим добивается своего и уничтожает «Центр управления башнями», это не сулит никому ничего хорошего. Революция не приносит избавления от проблем. Напротив, они только усиливаются. У подверженных облучению масс начинается «лучевое голодание», и они впадают в смертельную депрессию, выход из которой крайне тяжел. Люди теряют идеологическую опору и ощущают утрату цели. Неподверженное облучению меньшинство немедленно начинает борьбу за власть, используя любые доступные методы и средства. Финал этой борьбы неизвестен. Происходит непредсказуемая разбалансировка всей системы. Коллапс системы, основанной на лжи и подавлении, становится едва ли не страшней самой жизни в ней.

Тоталитаризм. «Парень из преисподней»

Особенности манипуляции сознанием описаны Стругацкими и в другом произведении, посвященном данной проблематике. В повести «Парень из преисподней»⁵³² авторы предлагают еще более радикальные исходные для анализа данного феномена.

С обитаемой планеты, на которой идет вечная война, земляне Мира Полудня похищают смертельно раненого молодого человека – профессионального солдата (Боевого Кота) Гага. Они оказывают ему медицинскую помощь и селят на Земле в доме наставника и прогрессора Корнея, где Гаг под его присмотром должен научиться жизни в новом невероятном коммунистическом мире совершенно непривычных для него безграничных благ и мудрого спокойствия.

Возможности земной цивилизации поражают Гага, и он осознает всю мощь его спасителей. Однако сознание Гага, весь его опыт жизни в тоталитарной автократии его собственного мира не могут допустить самой возможности бескорыстных намерений землян по отношению к нему и его планете. На этой коллизии и выстроена повесть. Из всех «прогрессорских» произведений Стругацких именно эта повесть

⁵³¹ Сцена, когда Странник лично казнит неугодного. Ср. Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров. Малыш, Москва, Текст, 1993, стр. 261.

⁵³² Первое издание в журнале «Аврора» (1971): Стругацкий А., Стругацкий Б., Парень из преисподней, Аврора, 1974, № 11, стр. 34–49; № 12, стр. 16–32.

наиболее ярко и подробно описывает возможное восприятие прогрессоров глазами самих прогрессируемых:

Могучие они здесь, могучие, простым глазом видно. И против них, против всей их мощи я здесь один. И ведь никто же у нас про них ничего не знает, вот что самое страшное. Ходят они по нашей Гиганде, как у себя дома, знают про нас все, а мы про них – ничего. С чем они к нам пришли, что им у нас надо? Страшно...⁵³³

Страхи Гага выглядят вполне обоснованными, вскрывая колонизаторскую природу прогрессорства⁵³⁴ по отношению к космическим аборигенам.

Эпизод в подвале, где Корней оборудовал музей с экспонатами животного мира других планет, приводит Гага в ужас и смятение. Осознание культурной дистанции и технического превосходства землян по отношению к его цивилизации пугающе велико:

Да-а, жило все это зверье, поживало за тысячу световых лет от этого места. Горя не знало, хотя имело, конечно, свои заботы и хлопоты. Пришли, сунули в мешок, и – в этот музей. С научной целью. И мы вот тоже – живем, сражаемся, историю делаем, врагов ненавидим, себя не жалеем, а они смотрят на нас и уже готовят мешок. С научной целью. Или еще с какой-нибудь. Какая нам в конце концов разница?⁵³⁵

Сознание Гага, сформированное в условиях нескончаемой войны, где единственным социальным лифтом является военная служба, где место в обществе определяется строгой иерархической градацией по уровню элитарности родов войск и боевых подразделений, едва ли способно воспринимать иное устройство мира безусловно и в достаточной мере адекватно. Какой бы уровень свободы ни получил Гаг, он чувствует себя пленником в новом для него мире и предателем в своем. Гаг неспособен воспринимать мир, в который он попал, как позитивный и гуманистический:

Не-ет, от нас им только одно может понадобиться: рабы. Кто-то же у них здесь должен работать, кто-то же эту ихнюю благодать обеспечивает... Вот Корней мне все твердит: учись, присматривайся, читай, через три-четыре месяца, мол, домой вернешься, начнешь строить новую жизнь, то-се, войне, говорит, через три-четыре месяца конец, мы, говорит, этой войной занялись и в самое ближайшее время с ней покончим. Тут-то я его и поймал. Кто же, говорю, в этой войне победит? А никто не победит, отвечает. Будет мир, и все. Та-ак... Все понятно. Это, значит, чтобы мы материал зря не переводили. Чтобы все было

⁵³³ Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и не дружбе, Москва, Текст, 1993, стр. 175.

⁵³⁴ О колонизаторском аспекте прогрессорства см. ниже.

⁵³⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и не дружбе, Москва, Текст, 1993, стр. 186.

тихо-мирно, без всяких там возмущений, восстаний, кровопролития. Вроде как пастухи не дают быкам драться и калечиться.⁵³⁶

Впервые в жизни попав в обстановку абсолютной безопасности, искалеченное войной сознание Гага пытается найти опору в привычных и естественных для него паттернах поведения. Он пытается сделать свою жизнь на Земле максимально приближенной к прошлой жизни на своей планете. Ему так и не удается освободиться от вложенных в него с детства инстинктов. Он носит свой военный мундир, муштрует робота, приучая его к уставу воинской службы, приказывает ему строить фортификационные сооружения.

Гаг мечтает вернуться обратно: домой – туда, где его жизнь снова обретет смысл. В минуты тоски и отчаянья он ищет спасения в воспоминаниях. Особенно ему дорого одно воспоминание, в котором авторами описан весь смысл его короткой и несчастной жизни. На этот отрывок стоит обратить особое внимание. Заметно, что Стругацкие играют на контрасте, казалось бы, несовместимого, подчеркивая вопиющую антигуманность мира Гага и уродливость его личных представлений о красоте и счастье:

И чтобы разогнать мрак, я стал вспоминать самое светлое, самое счастливое, что было в моей жизни, и вспомнил тот морозный ясный день, столбы дыма, которые поднимались в зеленое небо, и треск пламени, пожирающего развалины, серый от сажи снег на площади, окоченевшие трупы, изуродованный ракетомет в огромной воронке... а герцог идет вдоль нашей шеренги, мы еще не успели остыть, глаза еще заливают пот, ствол автомата обжигает пальцы, а он идет, опираясь на руку адъютанта, и снег скрипит под его мягкими красными сапожками, и каждому из нас он внимательно заглядывает в глаза и говорит негромко слова одобрения. А потом он остановился. Прямо передо мной.⁵³⁷

Далее следует отрывок, напоминающий документальную кинохронику конца Второй Мировой Войны, когда Гитлер появляется перед строем детей и подростков из Гитлерюгенд.⁵³⁸ Авторы рисуют обобщенную картину манипуляции, которой подвергаются люди, и в особенности дети, в тоталитарных обществах:

И Гепард, которого я не видел, – я никого не видел кроме герцога, – назвал мое имя, и герцог положил мне руку на плечо и некоторое время смотрел мне в глаза, и лицо его было желтое от усталости, иссеченное глубокими морщинами, а вовсе не гладкое, как на портретах, веки красные и воспаленные, и мерно двигалась тяжелая, плохо выбритая челюсть. И все еще держа свою правую руку у меня на плече, он поднял левую и щелкнул пальцами, и адъютант поспешно положил в эти пальцы черный кубик, а я все еще не верил своему счастью, не мог поверить,

⁵³⁶ Там же, стр. 176.

⁵³⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и не дружбе, Москва, Текст, 1993, стр. 204–205.

⁵³⁸ Ср. кинохроника из фильма National Geographic «Гитлерюгенд, детская армия нацистов», 2017 (2 серия). <https://www.youtube.com/watch?v=cBQF92GQrsc> (20:40 – 21:40).

но Герцог произнес низким хриплым голосом: «Открой пасть, Котенок...» – и я зажмурился и открыл рот изо всех сил, почувствовал на языке шершавое и сухое и стал жевать. [...] Это был личный его высочества жевательный табак пополам с известью и сушеной горчицей, а герцог хлопал меня по плечу и говорил растрогано: «О эти сопляки! Мои верные непобедимые сопляки!..»⁵³⁹

Этот короткий эпизод можно разбить на смысловые уровни. Во-первых, авторы отмечают частую в таких случаях реакцию обывателя на несоответствие образа вождя, выстроенного в восприятии с помощью пропаганды, и воспитания с его реальным внешним видом.⁵⁴⁰ Далее мы видим процесс сакрализации вождя и власти с помощью обряда инициации. Гаг принимает из рук герцога табак, что напоминает христианский церковный обряд причащения. Он не берет его в руки, он принимает его как беспомощный ребенок из рук отца своего. Тем самым Стругацкие проводят символическую аналогию, подчеркивая культовую природу автократии, вскрывая ее родовые черты. Отправление обряда является обязательным компонентом укрепления веры, в данном случае, веры в святость поставленных целей и в саму фигуру вождя как носителя святости. Фатали Могхаддам описывает этот компонент мировоззрения масс как общую черту, присущую любой диктатуре:

In dictatorships, the dictator himself becomes the most important sacred carrier. This is why cults of adoration mixed with faith and the divine arose in the cases of Mussolini, Hitler, Stalin, Mao, Khomeini, and many other dictators. These dictators were not only obeyed, they also become infallible. To question their word was equivalent to questioning the word of God. Disobeying them was equivalent to sin.⁵⁴¹

В диктатурах сам диктатор становится самым главным носителем сакральности. Именно поэтому культы поклонения, смешанные с верой и божественным, возникали при Муссолини, Гитлере, Сталине, Мао, Хомейни и многих других диктаторах. Этим диктаторам не только повиновались, они также становились непогрешимыми. Ставить под сомнение их слова было равносильно тому, как ставить под сомнение слово Бога. Неподчинение им было равносильно греху. (*перевод А.К.*)

Гаг дезориентирован в новом мире не только потому, что этот мир гораздо более развит технически, чем мир Гага. Основная сложность для Гага состоит в том, что этот мир совсем другой, если вовсе не противоположен с точки зрения присущих ему ценностных категорий.

Идеалы, воспитанные в Гаге на Гиганде, совершенно не вписываются в уклад жизни на Земле, в земные идеалы. Гаг чувствует это несоответствие, ощущая себя

⁵³⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и не дружбе, Москва, Текст, 1993, стр. 205.

⁵⁴⁰ Например, лицо Сталина было покрыто шрамами от оспы, Наполеон был маленького роста и т.д.

⁵⁴¹ Moghaddam Fathali M., The Psychology of Dictatorship, Washington DC, American Psychological Association, 2013, p. 96.

чужаком и дикарем. Ему сложно управлять собой. В эпизоде, когда он встречает своего соплеменника, тоже спасенного землянами с Гиганды, не найдя с ним общий язык, он просто избивает его, сам не зная зачем. Это выдает его отчаянье и беспомощность. Переживания Гага в связи с этим его поступком, необоснованным и таким неуместным на Земле, показывает, что зерно милосердия, вложенное в него на этой планете, уже дает первые ростки, однако оно настолько не соответствует его прежним убеждениям, что способно обрушить все здание его веры. Крушение идеологии и жизненных идеалов, впитанных с детства, – тяжелая травма. Пожалуй, это главное, что хотели сказать Стругацкие в данной повести. Чужой мир, где твои идеалы кажутся постыдными, а твоя идеология высмеяна и разоблачена, невыносим для сознания Гага: «Ведь всех великих людей, на кого мы молимся, он уже обгадить успел»,⁵⁴² – сетует на Корнея Гаг.

И здесь снова можно провести параллели с опытом советских людей и особенно поколением, к которому относились сами Стругацкие. Ведь речь в повести, в конечном счете, идет о тяжести утраты идеалов: о грандиозном самообмане. С разоблачением личности Сталина и осознанием преступной природы его власти, которой они были так беззаветно преданы, то будущее, в которое искренне верило это поколение, стало отдаляться от них стремительно и обретало уже действительно утопические черты. Подобная идеологическая дезориентация постигает и Гага:

Вообще-то, если говорить честно, оставалось мне одно: пуля в лоб. Хребет они мне переломили, вот что. Добились своего. Весь мир в глазах перевернули вверх тормашками. Как жить – не знаю. Зачем жить – не понимаю. Как теперь Корнею в глаза смотреть – и вовсе не ведаю.⁵⁴³

Единственный выход, который способен найти Гаг для сохранения своей личностной целостности, – это как можно быстрее вернуться в жуткий, жестокий, беспросветный, но свой собственный мир: туда, где его картина мира не будет больше подвергнута испытаниям. И вернувшись, наконец, из условного рая обратно в свою преисподнюю, он снова обретает радость и смысл жизни. Его мир чудовищен, но здесь он «дома».⁵⁴⁴

⁵⁴² Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и не дружбе, Москва, Текст, 1993, стр. 176.

⁵⁴³ Там же, стр. 229.

⁵⁴⁴ Там же, стр. 239.

Прогрессор становится контрразведчиком. «Жук в муравейнике»

Вторая повесть трилогии о Максиме Каммерере написана в 1979 году – в год ввода войск СССР в Афганистан. «Жук в муравейнике»⁵⁴⁵ продолжает тему прогрессорства, позволяя взглянуть на нее под другим углом. Максим Каммерер – герой «Обитаемого острова» – предстает в этой повести уже сотрудником земных спецслужб, а именно КОМКОНа-2 – земной контрразведки.

Если Земля Мира Полудня в состоянии посылать прогрессоров на другие планеты и способна воздействовать на них, ускоряя исторически обусловленные социальные процессы, то возможно и существование других внеземных цивилизаций, которые находятся на более высокой ступени развития, чем цивилизация Земли, и, теоретически, могут так же воздействовать на землян. Стругацкие предполагают, что такое гипотетическое вмешательство в земные дела должно вызывать какое-то внутреннее противодействие. Так, в мире Полудня появляется контрразведка – служба, которая следит за тем, чтобы ни одна внеземная цивилизация не имела возможности как-то влиять на любые земные процессы.

Директором службы КОМКОН-2 является Рудольф Сикорски, именно тот землянин, который внедрился в правительство Неизвестных Отцов в «Обитаемом Острове», первой части трилогии, действуя там как разведчик или шпион. То есть, контрразведкой руководит бывший разведчик-прогрессор.

Следует отметить, что концепция ограниченного гуманистического вмешательства землян в дела других планет, описанная в «Трудно быть Богом», – первом произведении прогрессорского цикла – в последующих повестях уже не так однозначна и, очевидно, сознательно пересмотрена авторами. В дальнейшем деятельность прогрессоров на других планетах становится более заметна и все больше напоминает колонизаторскую деятельность: в «Обитаемом острове» Сикорски уже не просто помогает грамотным людям на отсталой планете, как Антон в «Трудно быть богом», а находится в правительстве и даже вынужден убивать ради целей «прогресса»; в той же повести, другой землянин – Максим Каммерер, – в сущности, действуя террористическими методами, взрывает Центр управления Башнями, что приводит к кризису в стране и дезориентации населения, вызванной прекращением работы пропаганды; в повести «Парень из преисподней» земляне

⁵⁴⁵ Первое издание в журнале «Знание – сила» (1979–1980): Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике, Знание – сила, 1979, № 9, стр. 48; № 10, стр. 46–48; № 11, стр. 45–48; № 12, стр. 43–46; Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике, Знание – сила, 1980, № 1, стр. 45–48; № 2, стр. 44–48; № 3, стр. 45–48; № 5, стр. 44–48; № 6, стр. 45–48.

останавливают войну на планете Гиганда, по-видимому, внедряя повсюду своих агентов-прогрессоров, но на Гиганде начинаются чума и смута, а главный герой повести Гаг так и не верит в добрые намерения землян.

Чем более активно прогрессоры занимаются своей деятельностью, тем больше неприятия и противодействия они встречают не только на прогрессируемых планетах, но и на Земле. Вот что о прогрессорах говорит сам Максим Каммерер:

Признаюсь совершенно откровенно: я не люблю прогрессоров, хотя сам был, по-видимому, одним из первых прогрессоров еще в те времена, когда это понятие употреблялось только в теоретических выкладках. Впрочем, надо сказать, что в своем отношении к прогрессорам я не оригинален. Это не удивительно: подавляющее большинство землян органически не способно понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они меня, либо я – их, и некогда разбираться, кто в своем праве. Для нормального землянина это звучит дико, и я его понимаю, я ведь и сам был таким, пока не попал на Саракш. Я прекрасно помню это видение мира, когда любой носитель разума априорно воспринимается как существо, этически равное тебе, когда невозможна сама постановка вопроса – хуже он тебя или лучше, даже если его этика и мораль отличаются от твоей...⁵⁴⁶

Сама профессия прогрессора накладывает серьезный отпечаток на человека утопии и делает его другим, что сильно выделяет его из общей массы населения мира Полудня.

Специфический опыт, полученный прогрессорами на далеких планетах, в других, не утопических мирах, отделяет их ментально от остальных жителей утопии, делая возможным появление своеобразной инаковости, обусловленной участием в прогрессорских операциях.

Вспомним Антона (Румату) из «Трудно быть богом». Ведь он изо всех сил пытается не стать ментально таким же, как жители феодального Арканара, сопротивляясь собственной дегуманизации. Как мы помним, ему это не вполне удается. Вспомним реакцию Анки, испугавшейся Антона: принявшей сок земляники на его руках за кровь, что выдает опасливую реакцию благополучных землян на появление в их среде дегуманизованного соплеменника.

Пожалуй, прогрессоры для людей утопии – своего рода ветераны войны. В некотором роде так оно и есть. Прогрессоры у Стругацких – всегда носители посттравматического синдрома. Они другие, но в чем их отличие? Сравним, что говорит по этому поводу Максим:

И тут мало теоретической подготовки, недостаточно модельного кондиционирования – надо самому пройти через сумерки морали, увидеть кое-

⁵⁴⁶ Стругацкий А. Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 10.

что собственными глазами, как следует опалить собственную шкуру и накопить не один десяток точных воспоминаний, чтобы понять наконец, и даже не просто понять, а влить в мировоззрение эту, некогда тривиальнейшую мысль: да, существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был... И вот только тогда ты обретаешь способность делить на чужих и своих, принимать мгновенные решения в острых ситуациях и обучаешься смелости сначала действовать, а уж потом разбираться.

По-моему, в этом сама суть прогрессора: умение решительно разделить на своих и чужих. Именно за это умение дома к ним относятся с опасливым восторгом, с восторженной опаской, а сплошь и рядом – с несколько брезгливой настороженностью. И тут уж ничего не поделаешь. Приходится терпеть – и нам, и им. Потому что либо прогрессоры, либо нечего Земле соваться во взвездные дела...⁵⁴⁷

«Умение решительно разделить на своих и чужих» выходит за рамки гуманистических представлений утопии Полудня и создает дистанцию между жителями Земли и прогрессорами, выводя последних как бы за рамки утопии, отправляя их назад в прошлое.

Прогрессоры Земли на других планетах – одновременно и колонизаторы, и агенты просвещения. Они сродни миссионерам. Если учесть, что утопия Полудня есть триумф просвещения, достигший почти религиозной силы, то связь прогрессорства с миссионерством становится достаточно очевидна, принимая во внимание направленность космических миссионеров на воспитание «человека в человеке».⁵⁴⁸

Активность утопической Земли Полудня в распространении своих ценностей напоминает экспансивные практики империй. Ведь колонизация и миссионерство в определенной степени взаимосвязаны и обусловлены существованием культурной дистанции между прогрессорами-колонизаторами и аборигенами. «Ведь стоит вам попасть в другой мир, как вы сейчас же принимаетесь переделывать его на подобие вашего собственного»,⁵⁴⁹ – сетует на землян абориген Голован⁵⁵⁰ Щекн. И не безосновательно. Дело в том, что после прихода «империи» мир, к которому привык Щекн, не может не поменяться и, так или иначе, рано или поздно, должен быть переделан по «имперскому» или, в данном случае, по утопическому образцу. Ведь именно к этому стремятся прогрессоры Земли, ускоряя исторические процессы в осваиваемых ими мирах. Непохоже, что жители других планет, прогрессируемые утопистами Полудня, чувствуют себя счастливыми от такого рода вмешательства.

⁵⁴⁷ Стругацкий А. Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 10–11.

⁵⁴⁸ См. выше.

⁵⁴⁹ Стругацкий А. Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 75.

⁵⁵⁰ В мире повести: раса Голованов – это раса инопланетных разумных собак мутантов.

Александр Эткинд в книге «Внутренняя Колонизация» показывает, что процесс колонизации неразрывно связан с феноменом культурной дистанции: «Без культурных дистанций нет империи»,⁵⁵¹ отмечает Эткинд. Марк Липовецкий развивает мысль Эткинда, экстраполируя ее на творчество Стругацких. Липовецкий отмечает, что именно культурная дистанция определяет отношения между утопистами Полудня и отсталыми обществами прогрессируемых планет, делая жителей Земли по отношению к аборигенам уже колониальной силой.⁵⁵²

В этом плане отношения между колонией и метрополией вполне понятны. Однако, как мне представляется, здесь мы имеем дело не только с проявлением ситуации культурной дистанции между землянами и аборигенами отсталых планет, но ситуацию возникновения двойной культурной дистанции, в том числе – между прогрессорами и жителями Мира Полудня.

В дискурсе исследований колониальной политики этот феномен связывают с эффектом бумеранга. Этот эффект отмечает Ханна Арендт, говоря о ситуации, когда имперское правительство переносит практики управления, выработанные в колониях, к себе в метрополию.⁵⁵³ Об этом говорит и Мишель Фуко в контексте переноса расовых идей из колоний в Европу:

It should never be forgotten that while colonization [...] obviously transported European models to other continents, it also had a considerable boomerang effect on the mechanisms of power in the West, and on the apparatuses, institutions, and techniques of power. A whole series of colonial models was brought back to the West, and the result was that the West could practice something resembling colonization, or an internal colonialism, on itself.⁵⁵⁴

Никогда не следует забывать, что, хотя колонизация [...] несомненно, перенесла европейские модели на другие континенты, она также оказала значительный эффект бумеранга на механизмы власти на Западе, а также на властный аппарат, институты и методы власти. Целый ряд колониальных моделей был возвращен на Запад, и в результате Запад смог практиковать нечто, напоминающее колонизацию, или внутренний колониализм, в отношении самого себя. (*перевод А.К.*)

Нечто подобное происходит и с миром Полудня. Прогрессоры у Стругацких, вольно или не вольно, но тоже являются носителями своего рода колониальных практик: практик прошлого, которые они переносят в метрополию утопии Полудня –

⁵⁵¹ Эткинд А., Внутренняя колонизация. Имперский опыт России, Москва, Новое литературное обозрение, 2013, стр. 388.

⁵⁵² Lipovetsky M., Postmodern Crises: From Lolita to Pussy Riot, Boston Academic Studies Press, 2017, p. 63.

⁵⁵³ Ср. Arendt Hannah, On Violence, San Diego/New York/London, A Harvest/HBJ Book, 1970, p. 54.

⁵⁵⁴ Foucault Michel, Society Must Be Defended, Lectures at the Collège de France 1975-1976, trans. D. Macey, New York, Picador, 2003, p. 103.

в будущее. Поэтому жители утопии Полудня так настороженно относятся к вернувшимся с далеких планет прогрессорам. Между ними уже возникла культурная дистанция, которую жителям утопии невозможно преодолеть, не пройдя самим через те самые «сумерки морали», через которые, по словам Максима, пришлось пройти прогрессорам.

Что именно имеют в виду Стругацкие под «сумерками морали»? Очевидно, моральные установки, присущие людям утопии, являясь неким образцом, не применимы за пределами утопии. Видимо успешная прогрессорская деятельность предполагает появление у колонистов какой-то другой, в чем-то редуцированной, морали. Одной морали – к своим. Другой морали – к чужим. Но возникновение такой двойной морали у прогрессоров, а значит, и у их руководства, – самое опасное, что может случиться с миром Полудня. Именно это мы видим в повести «Жук в муравейнике».

Стругацкие показывают, что происходит, когда носители такой двойной морали получают власть, пусть даже в своей узкой зоне ответственности. На примере Рудольфа Сикорски мы видим, как склонны они к параноидальному восприятию мира.

Ведь в чем заключается коллизия, которую нам предлагают Стругацкие в этой повести? Сикорский поручает Максиму разыскать Льва Абалкина – прогрессора, сбежавшего с прогрессируемых миров обратно на Землю в поисках правды о своей личности. История жизни Льва Абалкина действительно довольно интересна, сложна и запутанна. Суть в том, что Сикорски подозревает Абалкина в том, что тот является неким запрограммированным автоматом цивилизации Странников, поскольку он один из нескольких человек, родившихся из найденных в космосе человеческих эмбрионов.

Сикорски убежден, что Абалкин – некий подкидыш другой цивилизации, посланный таким образом на Землю для осуществления определенной запрограммированной инопланетянами программы. Сикорски не может позволить этой программе осуществиться, и, когда ситуация выходит из-под контроля, он убивает Абалкина просто из предосторожности, считая, что Абалкин представляет для землян какую-то опасность. Какую? Сикорски и сам этого не знает, но считает своим долгом защитить планету даже от гипотетической опасности.

Примечательно, что убийство Абалкина – это первое и единственное убийство в утопическом мире Полудня, о котором нам сообщают Стругацкие, и совершает его

бывший прогрессор, а теперь контрразведчик и спецслужбист. Пожалуй, любой другой житель утопии Полудня никогда бы не смог пойти на такое убийство, но тот, кто прошел через «сумерки морали», кто умеет «решительно разделить на своих и чужих», кто «научен смелости сначала действовать, а уж потом разбираться», – может.

Это убийство фиксирует переход колониальных практик, о котором говорят Арндт и Фуко, из колоний в метрополию. И Сикорски, убивавший на Саракше, теперь убивает на Земле. Специфика работы спецслужбы предполагает сомнительные методы. Одно их появление в мире Полудня, рано или поздно, но с неизбежностью приводит к преступлению. В этом финале есть и другой подтекст. Убийство Абалкина, единственно по причине его загадочного происхождения, находит исторические параллели с действиями власти, когда она руками спецслужб уничтожает людей по национальному или классовому признаку (холокост, красный террор и т.д.), то есть по одному только факту происхождения.

Следует заметить, что Стругацкие не ограничиваются критикой спецслужбы лишь на метафорическом уровне. В повести есть ее конкретный критик и ненавистник – профессор Айзек Бромберг, который не стесняется высказываться прямо. Он апеллирует к Сикорски:

КОМКОН–2! [...] О, ваше иезуитство!.. Взять всем известную аббревиатуру – Комиссия по Контактam с иными цивилизациями! Благородно, возвышенно! Прославлено! И спрятать за нею вашу зловонную контору! Комиссия по Контролю, видите ли! Команда Консерваторов, а не Комиссия по Контролю! Компания Конспираторов!⁵⁵⁵

«Ваша зловонная контора», «команда консерваторов», «компания конспираторов» – довольно однозначные и нелестные эпитеты в адрес спецслужбы, а слово «контора» в советском и российском дискурсе имеет недвусмысленную ассоциацию с Комитетом Государственной Безопасности.⁵⁵⁶ Стругацкие добавляют определенные штрихи к образу работников контрразведки, в целом, оставаясь в рамках данного ассоциативного ряда. Примечательно, что Максим, время от времени, сетует на то, что в целях расследования ему приходится врать и изворачиваться: «Но я не мог позволить себе быть приличным человеком. Я был сотрудником КОМКОНа–2 на работе».⁵⁵⁷

⁵⁵⁵ Стругацкий А. Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 136.

⁵⁵⁶ Контора – общепринятое неофициальное название КГБ (ФСБ).

⁵⁵⁷ Стругацкий А. Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 45.

Стругацкие не демонизируют спецслужбистов. Тем не менее, они говорят о том, с какой легкостью служба на благо общества может перерасти в своего рода манию или паранойю, особенно если наделить службу особыми полномочиями. Стругацкие это делают на примере Сикорски:

Именно тогда воображению Рудольфа Сикорски впервые представился апокалиптический образ существа, которое ни анатомически, ни физиологически не отличается от человека, более того, ничем не отличается от человека психически – ни логикой, ни чувствами, ни мироощущением, – живет и работает в самой толще человечества, несет в себе неведомую грозную программу, и страшнее всего то, что оно само ничего не знает об этой программе и ничего не узнает о ней даже в тот неопределенный момент, когда программа эта включится наконец, взорвет в нем землянина и поведет его... куда? К какой цели? И уже тогда Рудольфу Сикорски стало безнадежно ясно, что никто – и в первую очередь он, Рудольф Сикорски, – не имеет права успокаивать себя ссылкой на ничтожную вероятность и фантастичность такого предположения.⁵⁵⁸

Итак, навязчивая идея Сикорски ведет его к убийству ни в чем неповинного Льва Абалкина. В следующей повести трилогии («Волны гасят ветер») эту навязчивую идею люди Полудня назовут «синдром Сикорски». Этот синдром можно отнести к профессиональной болезни спецслужб, само существование которых обусловлено фактическим или гипотетическим наличием врага. Отсутствие фактического врага при наличии спецслужбы делает ее опасным уже для общества, которое спецслужба призвана защищать, поскольку, в этом случае, спецслужба начинает искать врагов среди своих.

Однако, как это свойственно Стругацким, их произведениям не присуща однозначность посылов. Их миры всегда сложны и неоднозначны. В конечном счете, стоит признать, что опасения Сикорски не были безосновательны, и в «Волнах гасят ветер» мы уже увидим результаты прогрессорской деятельности Странников именно на Земле, а, по-видимому, сын Абалкина – Тойво Глумов – сам становится «люденом» или «странником» (см. ниже). То есть, Земля все-таки подвергнется воздействию, которого так опасался Сикорски. И тогда тезис Сикорского о главном предназначении спецслужбы становится достаточно обоснованным:

Мы – работники КОМКОНа–2. Нам разрешается слыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одно не разрешается: недооценивать опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах.⁵⁵⁹

⁵⁵⁸ Там же, стр. 150.

⁵⁵⁹ Там же, стр. 180.

Со временем образ утопии Полудня, обрастающий по ходу появления новых произведений о ней все новыми подробностями, постепенно утрачивает свой идеалистический блеск и утопические черты. Стругацкие поэтапно вводят в него все новые и новые парадоксы, занимаясь своеобразной деконструкцией собственных текстов. Появление в утопии Полудня спецслужб читается как неизбежность. Возвышенный образ коммунаров-утопистов вступает в конфликт с утилитарностью их подходов, медленно затягивая их обратно из высшей точки утопии будущего назад в прошлое. Ведь что есть по сути КОМКОН–2 как не обобщенный образ спецслужбы, призванной остановить прогресс, не дать «будущему проникнуть в настоящее»? Его цель, по сути, антипрогрессорская – поддержка сложившегося порядка и охрана статус-кво.

Чужое будущее. «Волны гасят ветер»

Человечество в ходе эволюции разделится на два биологических вида, один из которых уйдет несоизмеримо далеко в своих физических и умственных способностях от оставшегося неизменным другого. Такова центральная идея одной из последних повестей Стругацких под названием «Волны гасят ветер»,⁵⁶⁰ написанной в 1983–1984 годах. Эту мысль нельзя назвать абсолютно новой, достаточно вспомнить роман Уэллса «Машина времени», однако, именно эта повесть логически завершает долгий период размышлений Стругацких о прогрессе и будущем и объясняет многие недосказанности, обозначенные в предыдущих повестях. Кроме того, она является показательным примером, отражающим фундаментальный отход прозы поздних Стругацких от идей их ранних произведений, наполненных гуманистическим началом, и во многом отражает то настроение в обществе, которое сопутствовало последним годам существования советского государства, наполненных ощущением бесперспективности избранного пути.

Следует отметить, что повесть «Волны гасят ветер» заметным образом перекликается с идеями русского религиозного философа Николая Федорова, чье влияние на русскую и советскую литературу долгое время недооценивалось. В сталинское время он был запрещен и не издавался, однако после выхода в 1964 году

⁵⁶⁰ Первое издание в журнале «Знание – сила» (1985–1986): Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике, Знание – сила, 1985, № 6, стр. 45–48; № 7, стр. 46–48; № 8, стр. 45–48; № 9, стр. 45–48; № 10, стр. 45–48; № 11, стр. 45–47; № 12, стр. 44–47; Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике, Знание – сила, 1986, № 1, стр. 46–48; № 3, стр. 45–48.

мемуаров⁵⁶¹ Виктора Шкловского интерес к Федорову и его «Философии общего дела» возродился.⁵⁶² Как оказалось, имя и учение Николая Федорова были хорошо известны Льву Толстому и Федору Достоевскому, Соловьеву и Вернадскому, Максиму Горькому, Маяковскому, Хлебникову, Циолковскому, Чижевскому, Филонову, Заболоцкому, Платонову⁵⁶³ и многим другим выдающимся людям рубежа веков прошлого столетия.⁵⁶⁴ Леонид Геллер в своей книге о советской научной фантастике выделяет учение Федорова как идейную движущую силу этого жанра в советской литературе:

Три главные темы явственно проступают на фоне этой фантастической пестряди: преобразование земной природы и всей планеты, проблема бессмертия и завоевание космоса. Темы эти пришли в советскую литературу не с Запада; они взяли свое начало в системе взглядов философа, с которым мы уже хорошо знакомы – Николая Федорова.⁵⁶⁵

Сочинениям Федорова присуща та же интонация горечи за человечество, что мы видим в повести у Стругацких. У Стругацких – это горечь дегуманизации и осознания некоего конца истории. У Федорова – горечь за то, что человечество растрчивает свои силы и ресурсы на внутренние распри и войны, приносящие только горе и страдания, вместо того, чтобы, объединившись, выйти за пределы ограничений, наложенных природой, за счет науки и знаний понять ее, суметь слиться с ней в единое целое, тем самым, преодолев любые ограничения, завершить строительство мироздания, дополнив его единственным недостающим элементом – разумом. В одной из своих последних записей Федоров напишет:

Пятьдесят два года исполнилось от зарождения этой мысли, плана, который мне казался и кажется самым великим и вместе самым простым, естественным, не выдуманным, а самую природою рожденным! Мысль, что через нас, через разумные существа, природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и разрушаемое по ее еще слепоте...⁵⁶⁶

Философия Федорова основана на идее бессмертия. Человечество может избежать судного дня, а действуя в соответствии с заветами Христа, достичь «жизни

⁵⁶¹ См. Шкловский В., Жили-были, Москва, Советский писатель, 1964.

⁵⁶² Подробнее о значении Федорова и его влиянии на культурную среду в России конца XIX начала XX веков через призму видения Виктора Шкловского см. Калинин И., Искусство как прием воскрешения слова. Виктор Шкловский и философия общего дела, Новое литературное обозрение, 2015, № 3, стр. 214–225.

⁵⁶³ О влиянии Николая Федорова на Андрея Платонова см. Teskey Ayleen, Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer, Amersham, Avebury Publishing, 1982.

⁵⁶⁴ Ср. Геллер Л., Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика, Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1985, pp. 63–64.

⁵⁶⁵ Там же, стр. 63

⁵⁶⁶ Федоров Н., Сочинения, Москва, Мысль, 1982, стр. 9.

вечной». По мнению Федорова, апокалипсис не является неизбежным, если человечество, следуя правильным путем к Богу, за счет науки и технологий, победит физическую смерть, являющуюся высшим проявлением энтропии и хаоса во Вселенной, приведя, таким образом, природу и космос в состояние равновесия и гармонии. Более того, человечество должно воскресить всех прежде живущих предков. Огромный прирост населения, вызванный воскрешением, может быть размещен в космическом пространстве, которое Федоров считал истинной средой обитания *homo sapiens*. Наука и техника должны быть направлены на обеспечение физического, индивидуального бессмертия. Путь к поиску бессмертия – вот каков должен быть основной моральный и научный императив человечества. Все остальные аспекты философии Федорова лишь подкрепляют и обосновывают данный императив.

В повести «Волны гасят ветер» мы видим прямую взаимосвязь со многими аспектами философии Федорова, как кажется, использованной Стругацкими при написании книги.

Композиционно повесть выстроена как подборка документов секретного характера, предоставленная Максимом Каммерером и его короткими воспоминаниями о ходе расследования. Максим Каммерер, в прошлом прогрессор, в этой повести уже является руководителем службы КОМКОН–2 – авторитетной и довольно влиятельной организации, – задачей которой является предотвращение проникновения других цивилизаций на Землю, в особенности мифической цивилизации Странников, следы деятельности которой находят земляне в процессе освоения космоса. Очевидно, что цивилизация Странников могущественнее земной, поэтому главным опасением работников КОМКОНа является возможность проникновения агентов этой цивилизации на Землю.

Уже в самом начале повести, написанной в детективном жанре, Каммерер предоставляет на наше рассмотрение документ – некий меморандум Бромберга, в котором выдающийся ученый и философ мира повести доктор Бромберг излагает «рабочую модель прогрессорской деятельности Странников в системе человечества Земли»,⁵⁶⁷ и она заметным образом коррелирует с основными идеями Федорова:

Любой Разум – технологический ли, или руссоистический, или даже геронический – в процессе эволюции первого порядка проходит путь от состояния максимального разъединения (дикость, взаимная озлобленность, убогость эмоций, недоверие) к состоянию максимально возможного при

⁵⁶⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 182.

сохранении индивидуальностей объединения (дружелюбие, высокая культура отношений, альтруизм, пренебрежение достижимым). Этот процесс управляется законами биологическими, биосоциальными и специфически социальными.⁵⁶⁸

У Федорова это концепция «Братство» – «Не братство».⁵⁶⁹

[...] а что дальше? [...] мы обнаруживаем для Разума лишь две реальные, принципиально различающиеся возможности. Либо остановка, самоуспокоение, замыкание на себя, потеря интереса к физическому миру. Либо вступление на путь эволюции второго порядка, на путь эволюции планируемой и управляемой, на путь к Монокосму.

[...] Понятие «дом» расширяется до масштабов вселенной. [...] Возникает новый метаболизм, и, как следствие, его жизнь и здоровье становятся практически вечными. Возраст индивида становится сравнимым с возрастом космических объектов – при полном отсутствии накопления психической усталости. Индивид Монокосма не нуждается в творцах. Он сам себе и творец, и потребитель культуры. По капле воды он способен не только воссоздать образ океана, но и весь мир населяющих его существ, в том числе и разумных.⁵⁷⁰

У Федорова это задача полного овладения тайнами жизни, победа над смертью, достижение человеком богоподобных возможностей, постижение природы и управление ею за счет развития науки и техники, всеобъемлющее искусство будущего как творчество самой жизни.

Каждый новый индивид возникает как произведение синкретического искусства: его творят и физиологи, и генетики, и инженеры, и психологи, эстетики, педагоги и философы Монокосма. Процесс этот занимает, безусловно, несколько десятков земных лет и, конечно же, является увлекательнейшим и почтеннейшим родом занятий Странников. Современное человечество не знает аналогов такого рода искусству, если не считать, может быть, столь редких в истории случаев Великой Любви.

СОЗИДАЙ, НЕ РАЗРУШАЯ! – вот лозунг Монокосма.

Монокосм не может не считать свой путь развития и свой модус вивенди единственно верным. Боль и отчаянье вызывают у него картины разобщенных Разумов, не дозревших до приобщения к нему. Он вынужден ждать, пока Разум в рамках эволюции первого порядка разовьется до состояния всепланетного социума.⁵⁷¹

Данный отрывок из меморандума Бромберга видится почти буквальным пересказом чаяний Федорова о единении природы и разума, о людях, способных обитать во Вселенной, способных на бессмертие и управление природой. Так называемый Монокосм Стругацких и есть отражение того состояния мира, к которому так стремился Федоров.

⁵⁶⁸ Там же, стр. 183.

⁵⁶⁹ Федоров Н., Сочинения, Москва, Мысль, 1982, стр. 56–63.

⁵⁷⁰ Там же, стр. 183–184.

⁵⁷¹ Там же, стр. 184.

Кроме того, всеобъемлющая любовь Странников к стремящимся к «эволюции второго порядка» или «совершеннолетию» людей, их готовность к многолетнему процессу преобразования индивида, вступающего в Монокосм, очень схожа с характерным христианским или даже гностическим видением гармонии мира и всеобщего братства. Странники как бы открывают дверь просветленным в «Царствие Божие» или «Монокосм», предлагая им вечную жизнь и способности к божественному промыслу.

Ивонн Хауэлл в своей докторской диссертации, посвященной творчеству Стругацких, приводит еще более конкретную интерпретацию меморандума, говоря о том, что слово «Монокосм» есть не что иное, как греческий аналог русского слова «Соборность» (ключевого понятия для русского православия) в понимании самого Федорова.⁵⁷² Более того, Хауэлл считает, что:

[...] the jarring juxtaposition, in Bromberg's memorandum, of religions concepts and the language of materialism reads like a travesty of Fyodorov's writing style, which consists of a striking mixture of Old Church Slavonicisms and the latest scientific terminology.⁵⁷³

[...] режущее слух наслоение в Меморандуме Бромберга религиозных понятий и материалистического языка читается как трагедийное обыгрывание стилистики сочинений Федорова, состоящих из поразительной смеси церковнославянизмов и новейшей научной терминологии. *(перевод А.К.)*

Действительно, первая часть меморандума Бромберга, кажется, является трафаретом «Философии общего дела» Федорова. По крайней мере, в нем явно прослеживаются сходные черты, что действительно наталкивает на мысль о заимствовании основных идей Федорова Стругацкими. Однако, как мне представляется, версия Хауэлл о том, что меморандум буквально списан с «Философии общего дела», не вполне корректна.

Проанализировав переписку авторов периода задумки данного произведения и их рабочий дневник,⁵⁷⁴ можно констатировать, что имя Федорова нигде не упоминается, более того, от записи к записи прослеживается самостоятельный процесс развития этой основной идеи повести. Ничто не указывает на влияние Федорова. Первое упоминание находим в рабочем дневнике авторов. Запись от 07.01.1983:

⁵⁷² Howell Yvonne, *Apocalyptic Realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky*, New York, Peter Lang Publishing Inc., 1994, p. 116.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Несмотря на то, что Стругацкие жили в разных городах, Аркадий в Москве, а Борис в Ленинграде, для работы над своими произведениями они всегда собирались вместе. При этом они вели рабочие дневники, куда записывались идеи, сюжетные линии, план произведений. Дневники сохранились.

Странники прогрессируют Землю. Идея: Человечество при коммунизме упирается в эволюционный тупик. Чтобы идти дальше, надо синтезироваться с другими расами.⁵⁷⁵

Следующая запись от 08.01.1983 почти полностью повторяет опубликованный вариант меморандума Бромберга, который будет в окончательной версии повести.⁵⁷⁶ Это говорит о том, что повесть задумывалась, изначально исходя из данной идеи авторов, а дальнейшая сюжетная линия была придумана позже:

Странники ждут, пока разум (технологический) доведет себя до коммунистического уровня; а потом уже начинают вмешательство в биоструктуру человечества с целью подготовки перехода к синтезу.⁵⁷⁷

Как мы видим, идея Стругацких изначально отличалась от идеи Федорова. У Федорова человечество само меняет себя, за счет науки и техники доводя себя до богоподобного уровня, а у Стругацких этим занимается чужая цивилизация, в том случае, если для этого созданы определенные предпосылки, а именно – коммунистическое социальное устройство. Кроме того, у Стругацких ни слова не сказано о воскрешении умерших поколений – идеи, центральной для философии Федорова.

Помимо этого, Стругацкими, а именно Аркадием, были предложены стартовые посылки состояния мира произведения с точки зрения происходящих в нем социальных процессов, создавшие предпосылки к началу разделения *homo sapiens* на два биологически разных вида. Большой интерес в этой связи представляет письмо Аркадия Борису от 31.01.1983, где Аркадий предлагает брату взять следующее состояние социума изменившегося мира Полудня, на фоне которого происходят события повести:

Вот что мне пришло в голову.

[...] на дворе новый, 24-й век, большие перемены. Медленно, но верно затухает интерес к позитивному знанию. Затухает космическая экспансия, возрастает нелюбовь к Прогрессорству как к форме вольной или невольной вмешательско-угнетательской деятельности. Усиливается движение «назад, к Человеку!» – к простым и ясным идеалам духовности, к отказу от навязывания детям субакса, инфравидения и прочих форм вмешательства в природную организацию личности. Громадный подъем литературы и искусства как единственно возможных методик исследования единственной ценности во Вселенной – человеческого духа. Как неожиданный побочный результат – исчезновение в массовой и личной психологии страха перед физической смертью, что представляется Максиму и его поколению прямо-таки чудовищным явлением. Второй (первый имел место десяток лет назад) кризис системы массовой

⁵⁷⁵ Бондаренко С., Курильский В., Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники, 1978–1984, Москва, ПринТерра-Дизайн, 2014, стр. 323.

⁵⁷⁶ Ср. там же, стр. 323–324.

⁵⁷⁷ Там же, стр. 323.

информации: редакции и издательства теряют критерии для отбора новостей и произведений литературы и искусства. [...] вкусы и потребности в Информации (художественной в том числе) все резче дифференцируются. [...] Ощутимы результаты начавшегося полтора десятка лет назад процесса ухода с Земли на вечные поселения на необитаемых планетах и даже астероидах.⁵⁷⁸

Как мы видим, по задумке Аркадия, превращение человека происходит на фоне деградации позитивистских идей: спада интереса к науке и декадентских тенденций в настроениях нового поколения землян, нежелания продолжать дело их «суровых» и «аскетичных» отцов, нацеленных на действие коммунаров. Эти тенденции в полной мере можно назвать анти-прогрессивными, что подтверждает сложное отношение Стругацких к прогрессу и его социальной функции. Кроме того, экстраполяция данных тенденций на реальность жизни позднего СССР дает представление о настроениях молодежи того времени, которым действительно, в большинстве своем, были уже довольно безразличны коммунистические идеи и социалистическое строительство.

Есть еще один принципиальный момент, о котором не упоминается у Федорова, и который привносят Стругацкие. Да, в мире повести человечество вступило на путь «эволюции второго порядка» (в терминологии Федорова – «совершеннолетию» человечества),⁵⁷⁹ и началось фактическое превращение homo sapiens в Странника, проблема в том, что не каждый homo sapiens пригоден для такого превращения. Таким образом, как и сказано в меморандуме Бромберга, «человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую».⁵⁸⁰ И тут мы снова возвращаемся к теме прогресса и эволюции, к этической составляющей данных процессов.

Теперь агентами прогресса становятся Странники – сверхсущества, почти боги. Они занимаются на Земле отбором подходящих к трансформации индивидуумов (в повести они названы «люденами»⁵⁸¹). Перед люденами открываются все ослепительные перспективы нового эволюционного скачка. У них в руках будущее. Но что делать людям, непригодным для данной трансформации?⁵⁸² Как жить с

⁵⁷⁸ Там же, стр. 330.

⁵⁷⁹ Федоров Н., Сочинения, Москва, Мысль, 1982, стр. 86.

⁵⁸⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 186.

⁵⁸¹ Стругацкие, в тексте повести, предлагают несколько версий названия нового вида: «метагом» – «за-человек»; «мизит»; «хомо луденс» – «человек играющий»; «люден» – анаграмма слова «нелюдь». Ср. Там же, стр. 301.

⁵⁸² По задумке авторов, вероятность человека стать люденем – «не более одной стотысячной». Ср. Там же, стр. 302.

пониманием, что они отставшая часть человечества – тупиковая ветвь эволюции? В некотором смысле, для остального человечества «Большое Откровение»⁵⁸³ есть конец истории, конец перспектив развития, конец эволюции, стагнация, отсутствие смысла существования, где тезис Зурмансора из «Гадких лебедей» о том, что «будущее создается тобой, но не для тебя»⁵⁸⁴ приобретает буквальный смысл.

Выражаясь образно, остальное человечество является лишь почвой, питательной средой для тех немногих избранных, которым суждено преобразиться. И пусть Горбовский говорит людену Логовенко: «все равно вы люди, более того – земляне»⁵⁸⁵ – это лишь слабая попытка утопающего ухватится за последнюю соломинку. Даже он понимает, что «Большое Откровение» ставит в истории цивилизации землян, в их концепции самосознания и самовосприятия не многоточие, а, в лучшем случае, точку с запятой. Оставшимся отныне и навсегда придется мириться с фактом своей печальной, а может быть, и счастливой «неполноценности».

Избранное меньшинство устремилось вверх и в будущее, но какое будущее уготовано оставшемуся большинству? Этот вопрос Стругацкие оставляют открытым. Одно можно предположить с большой вероятностью: «вертикальный прогресс» и прогрессорская деятельность, которым занималось человечество Мира Полудня в тщеславных попытках подтянуть другие миры до своего уровня, скорей всего, прекратиться. Их прежний экспансивный и активный образ будущего кажется теперь маловероятным. Это человечество ждет то самое «Большое Откровение» в отношении себя самих и долгий процесс поиска новых дорог, целью которых будет стремление представить себе новое осмысленное будущее.

«Волны гасят ветер» финальное произведение Мира Полудня. Здесь Стругацкие заканчивают свои размышления о прогрессе, прогрессорах и этической составляющей их деятельности. Мир Полудня – коммунистический мир будущего переосмыслен ими окончательно. Идея «вертикального прогресса» или ускоренного прогресса; его великолепные агенты, несущие добро и просвещение, подталкивающие застрявшие в закоулках истории цивилизации на путь «истинно правильного развития», сталкиваются со схожим воздействием сами. И главный персонаж повести Тойво Глумов, занимающийся расследованием деятельности Странников, сам бывший прогрессор, сам, пока не осознающий этого, люден, вовсе не рад этому

⁵⁸³ В мире повести, событие, когда людям стало известно о разделении человечества, называется «Большим откровением».

⁵⁸⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993, стр. 299.

⁵⁸⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994, стр. 304.

воздействию. Даже гипотетическая возможность такого воздействия вызывает у него чувство отторжения. Приведу отрывки из диалога Тойво с его женой Асей:

– [...] Почему, когда ТЫ спрямлял историю других миров – это было хорошо, а когда некто берется спрямлять ТВОЮ историю... Ведь сегодня любой ребенок знает, что сверхразум – это обязательно добро!

– Сверхразум – это сверхдобро, – сказал Тойво.

– Ну? Тем более!

– Нет, – сказал Тойво. – Никаких «тем более». Что такое добро мы знаем, да и то не очень твердо. А вот что такое сверхдобро...

[...] Никто не считает, будто Странники стремятся причинить землянам зло. Это действительно чрезвычайно маловероятно. Другого мы боимся, другого! Мы боимся, что они начнут творить здесь добро, как ОНИ его понимают!

– Добро всегда добро! – сказала Ася с напором.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так. [...] Я был прогрессором всего три года, я нес добро, ничего, кроме добра, и – господи! – как же они ненавидели меня, эти люди! И они были в своем праве. Потому что боги пришли, не спрашивая разрешения. Никто их не звал, а они вперлись и принялись творить добро. То самое добро, которое всегда добро. И делали они это тайно, потому что заведомо знали, что смертные их целей не поймут, а если поймут, то не примут... Вот какова морально-этическая структура этой чертовой ситуации!⁵⁸⁶

Морально-этическая структура такого рода не вызывала у Стругацких никаких вопросов в 1963 году, когда писалась повесть «Трудно быть богом». И тогда прогрессор Антон, он же Румата Эсторрский, был героем. Его недостатком было лишь излишнее сближение с аборигенами, излишнее погружение в проблемы их мира, потеря контроля над собой (см. выше). Теперь, в 1983-ем, неявным образом поднимая вопросы морально-этической составляющей процессов колонизации и неоимпериализма, Стругацкие уже гораздо осторожней в оценке придуманной ими концепции прогрессорства и его последствий.

Творчество Стругацких не следует понимать буквально. Большинство их произведений несут в себе метафорические смыслы, возможно, даже не до конца осознанные самими авторами. Чуткость к восприятию происходящих вокруг них социальных процессов словно позволяла им видеть мерцание будущего, отражая в тексте его тревожные силуэты. Их поздние произведения, их проблематика, несмотря на формальные признаки, далека от научно-фантастического нарратива, являясь попыткой осознания и отражения социальных и исторических процессов. Невольно, но эта повесть Стругацких читается как предчувствие конца советского проекта, которому суждено будет бесславно завершиться буквально через несколько лет после написания «Волн...». Все спецслужбы и весь силовой аппарат Советского Союза, как

⁵⁸⁶ Там же, стр. 266.

и спецслужбы в повести, окажутся бессильны предотвратить этот слом системы, еще совсем недавно совершенно немыслимый, а новые агенты прогресса займут свои места у руля истории.

В «Волнах...» Стругацкие показывают, как, казалось бы, незыблемая и устойчивая система, прекращая производить новые смыслы, стагнирует и в последствии неминуемо разрушается новыми поколениями, способными производить свои смыслы и свои методы существования. А великолепный Максим Каммерер – олицетворение активного и прогрессивного в предыдущих повестях Стругацких – вдруг понимает, что его время тоже прошло и пора отправляться на покой. И дело здесь не в какой-то практической некомпетентности, все дело в том, что сама природа прогресса, непреодолимая как стихия, не терпит героев прошлого:

[...] было ощущение катастрофически крутого поворота, когда руль, кажется, вот-вот вырвет у тебя из рук, и полетишь ты неведомо куда, беспомощный как дикарь во время землетрясения... Но надо всем этим приваривало все-таки унижайшее сознание полной своей профессиональной несостоятельности. Прошляпили. Прохлопали. Проморгали. Профукали, дилетанты бездарные... [...] (Муки совести переносимы – вот одно из маленьких неприятных открытий, которое делаешь с возрастом.)

Руль больше не вырывало у меня из рук – я передал его другим.⁵⁸⁷

Экстраполируя творчество Стругацких на историю Советского Союза, нетрудно заметить тесные взаимосвязи. Советский Союз как агент прогресса, предлагавший идею «вертикального прогресса» другим народам и государствам, был во многом не понят и не оценен, прежде всего потому, что сам не смог явиться безоговорочным примером успешности проекта предлагаемого будущего, попытки «прогрессорской деятельности»⁵⁸⁸ которого оказались практически не востребованными и, с исторической точки зрения, довольно непродолжительными.

Напротив, как только закончилось идейное горючее, способное поддерживать воспроизводство картины привлекательного будущего, как только вышла энергия и сила этого движения, как и человечество в повести Стругацких, СССР столкнулся с цивилизационным воздействием, которому он оказался не в силах противостоять,

⁵⁸⁷ Там же, стр. 305.

⁵⁸⁸ О политике СССР по распространению идей социализма и коммунизма см., например: Hellie Richard, *The Soviet Global Impact: 1954–1991*, in *Russian History*, Vol. 29, Summer–Fall–Winter, 2002, pp. 141–150; Blasier Cole, *Soviet Impact on Latin America*, in *Russian History*, Vol. 29, Summer–Fall–Winter, 2002, pp. 481–497; Kridl Valkenier Elizabeth, *Soviet-Third World Relations: Ideology, Realities and New Thinking*, in *Russian History*, Vol. 29, Summer–Fall–Winter, 2002, pp. 499–510; Golan Galia, *Soviet Policies in the Middle East from World War Two to Gorbachev*, Cambridge, Cambridge University Press, 1991; Golan Galia, *The Soviet Union and National Liberation Movements in the Third World*, London/New York, Routledge, 2023; Karsh Efrayim, *Soviet Policy towards Syria since 1970*, New York, St. Martin's Press, 1991; Natufe O. Igho, *Soviet Policy in Africa: From Lenin to Brezhnev*, Bloomington, iUniverse, 2011.

оказавшись отставшим, беспомощным, практически не готовым к новым реалиям – реалиям ускользнувшего будущего.

Последняя повесть Стругацких про мир Полудня, некогда блистательного и невероятно прогрессивного, а после воздействия Странников, очевидно, оставшегося в историческом и цивилизационном тупике, удивительным образом переключается с историей Советского Союза и его народа, разделенного, как и человечество в повести, на тех, кто уйдет далеко вперед в будущее, и тех, кто навсегда останется в прошлом.

Ненаписанный роман

Во что же превращается прекрасный утопический Мир Полудня Стругацких в конце их творческого пути? Придуманный ими как мир творческих людей – чистых и любознательных, как мир воплощенной коммунистической утопии, где каждый пылкий ум находит себе место и предназначение, где величайшей наукой является педагогика, а воспитание играет наиважнейшую роль в социальной конструкции общества, в последствии этот мир подвергается самими авторами серьезным испытаниям и деконструкции. По ходу творчества они исследуют его со всех сторон, выявляя его слабые места и возможные пороки. Попробуем разбить этот путь на этапы.

1. «Трудно быть богом» (1963):

Антон не в силах удержаться от собственной дегуманизации. Средневековый Арканар берет в нем верх над коммунарской утопией Полудня. При этом Земля остается наблюдателем и не вмешивается активно в дела других планет.

2. «Обитаемый остров» (1969):

События на планете Саракш заставляют землянина Максима Каммерера измениться до неузнаваемости. Из человеколюбивого коммунара он превращается в человека, готового на любые жертвы ради того, что лично ему кажется нужным и правильным. Он не наблюдатель, как Антон в Арканаре – он активный революционер, целью которого является снос системы власти, установившейся на Саракше.

Персонаж той же повести Рудольф Сикорски – прогрессор и разведчик, очевидно, уже имеет право на убийство и собственноручно убивает. Убийства на Арканаре, совершенные Антоном, были результатом нервного срыва, но действия Сикорски – уже система.

В этой повести Земля скрытно, но уже активно участвует в делах других планет.

До этого момента сам Мир Полудня еще остается, в общем то, непогрешимым. Грешны в нем только прогрессоры – то есть те, кто, пусть на время, но покидает утопию.

3. «Жук в муравейнике» (1979):

Уже заметны последствия дегуманизации прогрессоров в самом мире Полудня, когда дегуманизированный коммунары возвращается в утопию и привносит с собой отсталые практики осваиваемых миров: идет на убийство такого же землянина, как и он.

Земля активно и открыто чувствует в делах других планет. Ее деятельность напоминает миссионерство и идеологическую колонизацию.

4. «Волны гасят ветер» (1984):

Сам утопический мир Полудня подвергается внеэтической сегрегации такого масштаба, что он становится близок к потере смысла собственного существования, а «империя просвещения» на фоне воздействия извне, имеющего постгуманистическую природу, сама становится одной из «колоний» Странников, обеспечивающей поступление в метрополию человеческого материала.

Земля сама подвергается воздействию, которому не может противостоять.

Как мы видим, Стругацкие замкнули круг, в некотором роде разоблачив утопию Полудня и показав ей самой, что представляет из себя воздействие, обусловленное культурной дистанцией и наличием более совершенных технологий – по сути, точно такое же колониальное воздействие, которым сама так активно занималась утопия Полудня, очевидно, руководствуясь иллюзией собственного совершенства.

Любопытно, но окончательная точка в существовании утопии Полудня должна была быть поставлена в романе, задуманном, но не написанном авторами. По свидетельствам Бориса Стругацкого, этот роман не был написан только по причине смерти в 1991 году одного из соавторов – Аркадия Стругацкого.⁵⁸⁹ В марте 1996 года в предисловии к сборнику «Время учеников» Борис Стругацкий рассказывает об этом ненаписанном романе следующее:

⁵⁸⁹ Стругацкий Б., К вопросу о материализации миров, Чертков А., Миры братьев Стругацких. Время учеников, Москва, АСТ, 1996, стр. 9.

В последнем романе братьев Стругацких, в значительной степени придуманном, но ни в какой степени не написанном; в романе, который даже имени-то собственного лишен (даже того, о чем в заявках раньше писали: "Название условное"); в романе, который никогда теперь не будет написан, потому что братьев Стругацких больше нет, [...] в этом романе авторов-разработчиков соблазняли главным образом две выдумки.

Во-первых, им нравился (казался оригинальным и нетривиальным) мир Островной Империи, построенный с безжалостной рациональностью Демиурга, отчаявшегося искоренить зло. В три круга, грубо говоря, укладывался этот мир. Внешний круг был клоакой, стоком, адом этого мира – все подонки общества стекались туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды – гной, шлаки, фекалии социума. Тут было IX царствие, тут не знали наказаний, тут жили по законам силы, подлости и ненависти. Этим кругом Империя ощетиливалась против всей прочей ойкумены, держала оборону и наносила удары.

Средний круг населялся людьми обыкновенными, ни в чем не чрезмерными, такими, как мы с вами, – чуть похуже, чуть получше, еще не ангелами, но уже и не бесами.

А в центре царил Мир Справедливости. «Полдень, XXII век». Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы, населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято следующими всем заповедям самой высокой нравственности.

Каждый рожденный в Империи неизбежно оказывался в «своем» круге, общество деликатно (а если надо – и грубо) вытесняло его туда, где ему было место, – в соответствии с талантами его, темпераментом и нравственной потенцией. Это вытеснение происходило и автоматически, и с помощью соответствующего социального механизма (чего-то вроде полиции нравов). Это был мир, где торжествовал принцип «каждому – свое» в самом широком его толковании. Ад, Чистилище и Рай. Классика.⁵⁹⁰

В данной концепции можно выделить несколько аспектов, значительно влияющих на представления о мире Полудня.

Во-первых, атмосфера Саракша – планеты, где по придумке авторов и находится Островная Империя, – имеет «необычно сильную рефракцию»,⁵⁹¹ в результате чего у наблюдателя с поверхности планеты складывается впечатление, что поверхность планеты вогнутая. С Саракша невозможно увидеть звезды. Из повести «Обитаемый Остров» мы знаем, что жители планеты считают, что они живут на внутренней сфере мира. То есть – в центре мира. Такое устройство мира, как бы замкнутого в себе, подчеркивает контраст между центростремительным устройством мира Островной империи и устремленным во вне, в пространство, центробежным миром Полудня, откуда видны миллиарды звезд, а значит, и совсем другие перспективы.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ См. Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров. Малыш, Москва, Текст, 1993, стр. 66.

Во-вторых, «Три круга, в которые укладывается этот мир» – это и есть империя. Здесь существует ярко выраженная дискриминация и внутренняя сегрегация, базирующаяся на культурной дистанции. Как она существует между метрополией и колониями, так она существует и между этими кругами. Мир, существующий по принципу «каждому свое», невольно отсылает к известной фразе и надписи на воротах Бухенвальда «Jedem das Seine», предлагая ассоциацию с концентрационным лагерем,⁵⁹² из которого нет выхода. То, что утопия находится в самом центре, означает и то, что, хоть этот круг и самый защищенный от внешнего мира, одновременно, он является и самым изолированным и самым несвободным элементом данной конструкции.

В-третьих, «классическое» строение Островной империи – «Ад, Чистилище и Рай», которое предлагает Борис Стругацкий, придает его идее некий религиозно-мистический подтекст. Если допустить, что прогрессоры – пришельцы из Рая (Утопии), а прогрессируемые миры сродни Аду или Чистилищу (Гиганда, Саракш, Арканар), то мы видим трансформацию прогрессора из ангела просвещения, несущего на своих крыльях будущее, в обыкновенного колонизатора – в хозяйствующий субъект.

И наконец, если в «Трудно быть богом» мы видим культурную дистанцию между прогрессором и довольно дикими народными массами во главе с доном Рэбой, то в «Жуке в муравейнике» культурная дистанция уже сливается с властью в лице Рудольфа Сикорски. В то время, как в «Волны гасят ветер» Стругацкие доводят культурную дистанцию междулюденами и людьми до абсолюта (люденам больше неинтересны земные дела, они становятся жителями Вселенной), то в ненаписанном романе ситуация с культурной дистанцией становится константой, заключающейся в том, что элита живет в своем круге – в утопии, она контролирует и власть, и культурную дистанцию, и ей больше нет никакого дела до людей, находящихся за пределами утопии. Все усилия этого элитного круга направлены на поддержание данного положения вещей.

Далее Борис Стругацкий пишет:

А во-вторых, авторам нравилась придуманная ими концовка. Там у них Максим Каммерер, пройдя сквозь все круги и добравшись до центра, ошарашенно наблюдает эту райскую жизнь, ничем не уступающую земной, и, общаясь с высокопоставленным и высоколобым аборигеном, и узнавая у него все детали устройства Империи, и пытаясь примирить непримиримое, осмыслить

⁵⁹² Ср. Lipovetsky Mark, *Postmodern Crises: From Lolita to Pussy Riot*, Boston Academic Studies Press, 2017, p. 74.

неосмысливаемое, состыковать нестыкуемое, слышит вдруг вежливый вопрос: «А что, у вас разве мир устроен иначе?» И он начинает говорить, объяснять, втолковывать: о высокой Теории Воспитания, об Учителях, о тщательной кропотливой работе над каждой дитячьей душой... Абориген слушает, улыбается, кивает, а потом замечает, как бы вскользь: «Изящно. Очень красивая теория. Но, к сожалению, абсолютно не реализуемая на практике». И пока Максим смотрит на него, потеряв дар речи, абориген произносит фразу, ради которой братья Стругацкие до последнего хотели этот роман все-таки написать. – Мир не может быть построен так, как вы мне сейчас рассказали, – говорит абориген. – Такой мир может быть только придуман. Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал – до вас и без вас, – а вы не догадываетесь об этом...

По замыслу авторов эта фраза должна была поставить последнюю точку в жизнеописании Максима Каммерера. Она должна была заключить весь цикл о Мире Полудня. Некий итог целого мировоззрения. Эпитафия ему. Или – приговор?⁵⁹³

Итак, мы видим, что Стругацкие идеей этого ненаписанного романа заканчивают проект утопии Полудня: «целого мировоззрения», сопутствовавшего им в ходе всего творческого пути. Любопытно, что Борис Стругацкий задается вопросом, чем является такая концовка – эпитафией или приговором этому мировоззрению? Похоже, и тем, и другим.

Рассматривая творческий путь Стругацких, имеет смысл подчеркнуть, что придуманный ими Мир Полудня появился в годы, когда авторы действительно верили в, с их точки зрения, единственно правильный и возможный путь – путь к коммунистической утопии. Они верили в людей и утверждали, что будущее будет населено людьми творческого труда – альтруистами и энтузиастами, что воспитание «человека в человеке» позволит достигнуть победы духовного над плотским, что, преодолев сумерки процесса познания, человек, наконец, увидит яркий свет истины, и что однажды он обязательно попадет в утопию «мира, в котором хочется жить и работать».

Образ утопии Полудня являлся воплощением манящего коммунистического будущего – своего рода его визуализацией в сознании определенной части советских людей.⁵⁹⁴ Однако по ходу жизни и творчества им все больше становилось ясно, что будущий коммунистический строй нисколько не приближается и, скорее всего, так и

⁵⁹³ Стругацкий Б., К вопросу о материализации миров, Чертков А., Миры братьев Стругацких. Время учеников, Москва, АСТ, 1996, стр. 10.

⁵⁹⁴ Из воспоминаний читателя Стругацких: «[...] на излете социализма читателям не предлагалось никакой иной реалистичной, понятной и последовательной картины близкого торжества коммунистических идей, кроме как нарисованной братьями Стругацкими. И в разговорах о «веришь ли ты в коммунизм» едва ли не самым серьезным аргументом были вовсе не апелляции к классикам марксизма-ленинизма, а ссылка на то, что хотелось бы жить в таком мире, в котором живут герои Стругацких», <http://katherine-kinn.livejournal.com/65491.html?thread=1079251#t1079251>.

останется утопией, что просвещение и гуманизм не являются абсолютной истиной, что целью власти, по большей частью, является воспроизводство самой себя, а не движение в будущее, что будущее совершенно индифферентно к образу отдельного человека, и что в любом социальном процессе, в какую бы он сторону ни шел, в благую или во вредную, всегда есть свои интересанты и выгодоприобретатели, а природа человека, его социальное развитие слишком сложны и противоречивы для осуществления качественного скачка к утопии.

Мандельштам писал: «Попробуйте меня от века оторвать, – Ручаюсь вам – себе свернете шею».⁵⁹⁵ Так и Стругацкие в первую очередь были отражением своей страны и своего поколения, многие представители которого думали так же, как и они, – верили в коммунистическую мечту. К концу творчества Стругацких: концу их жизненного пути и жизни их поколения мир Полудня как бы улечивается, ускользая в тумане этих мечтаний, как и вера в утопию как таковую. Пусть этот мир и не существовал физически, но он существовал в умах и сердцах целого поколения советских людей, тем самым заслужив свою «эпитафию», поскольку многие яркие представители этого поколения, да и следующих поколений, проникнувшись идеей прогрессорства (основной лейтмотив деятельности коммунаров Мира Полудня) как инструмента на пути к позитивному образу будущего, идентифицировались с этой идеей и воспринимали ее как руководство к действию или жизненное кредо, что придавало определенному кругу советской и постсоветской интеллигенции смысл и дарило надежду.⁵⁹⁶

Одновременно с этим предложенная авторами концовка цикла произведений о Мире Полудня читается не иначе как «приговор» их собственному, некогда утопическому мировоззрению. Пусть центр Островной Империи совершенно неотличим от Мира Полудня. Однако лишь только колониальное устройство империи, базирующейся на культурной дистанции, сегрегации и эксплуатации внешних кругов, обеспечивает благополучие центральному кругу, где главенствует

⁵⁹⁵ Осип Мандельштам, стихотворение «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...». Ср. Мандельштам О., Я вернулся в мой город, Санкт-Петербург, Лениздат, 2013, стр. 151.

⁵⁹⁶ Об идеи «прогрессорства» как социокультурной модели самосознания определенной части советской и постсоветской интеллигенции см.: Кукулин И., Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960-1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики, Новое Литературное Обозрение, 2007, № 6, стр. 169–201; Ср., например, интервью Валерии Новодворской Ксении Собчак от 12.12.2012: «Мы прогрессоры, просветители, десант. У нас нет обязанности нравиться избирателям. Нам абсолютно безразлично, нравимся ли мы или нет.» https://tvrain.tv/teleshov/sobchak_zhivem/valerija_novodvorskaja_o_politicheskom_performanse_ja_ne_pus_sy_ja_tihij_prilichnyj_chelovek-334155/

справедливость, мораль и творческое начало. Стругацкие, пришедшие в литературу как популяризаторы проектов прогресса и просвещения, в процессе творчества подвергая эти идеи всевозможным испытаниям и экспериментам, в конце своего творческого пути приходят к мысли о тщетности надежд, выраженных образом прогрессора, релятивируя идеи прогресса и просвещения, закливая их в нескончаемый круг человеческих проблем и исторических закономерностей.

Все это следует воспринимать прежде всего через призму советского опыта: через призму неосуществившегося прогрессорского проекта. Мысль о «придуманности» Мира Полудня изящно обыгрывает догадку о нежизнеспособности такого устройства социума, одновременно вводя постмодернистский прием вторжения автора в канву литературного текста.

Утопия, антиутопия и Новый Человек

Осенью 1990 года, примерно за год до смерти Аркадия Стругацкого, братья пишут статью под названием «Куда ж нам плыть? Вопросы без ответов».⁵⁹⁷ Эта статья будет опубликована в «Независимой Газете» 3-го января 1991 года. Это одна из последних статей, написанная братьями Стругацкими как единым автором. Статья отражает мысли и мнение Стругацких о тех темах, которые их заботили больше всего, и которые они разрабатывали в своих произведениях.

В некотором смысле эту статью можно так же назвать некой эпитафией их творчеству. Здесь они высказываются на тему утопии, антиутопии и роли человека. По их мнению, утопия создается рассудком, а антиутопия – чувством. «Утопия – это мир, в котором торжествует разум. Антиутопия – мир, в котором торжествует зло».⁵⁹⁸

Однако самые известные антиутопии пера Уэллса, Хаксли, Замятина они склонны называть, скорее, – романами-предупреждениями, нежели антиутопиями: предупреждениями, которые ни от чего не смогли предостеречь. Эти романы-предупреждения отражали страхи людей перед будущим человечества в эпоху научно-технического прогресса, страхи перед рационализацией чувств, страхи перед превращением человека в робота. По мнению авторов – в реальности все оказалось по-другому. Стремление к утопии привело к возникновению тоталитарных режимов:

⁵⁹⁷ Первая публикация: Стругацкий А., Стругацкий Б., Куда ж нам плыть?, Независимая газета, 1991, № 3, стр. 3.

⁵⁹⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью, Москва, Текст, 1993, стр. 419.

Опыт самых гнусных тоталитарных режимов XX века обнаружил, что в соответствующих условиях с человеком происходит кое-что похуже, чем превращение в робота. Он остается человеком, но он делается ПЛОХИМ человеком. И чем жестче и беспощаднее режим, тем хуже и опаснее массовый человек. Он становится злобным, невежественным, трусливым, подлым, циничным и жестоким. Он становится рабом.⁵⁹⁹

Тоталитарный режим портит человека. В результате требований беспрекословного подчинения – фундамента, на котором стоит тоталитарный режим, происходит «дрессировка» человека. Эта дрессировка называется «воспитанием масс». Массы воспитывают подчинению, научая лгать самим себе. Если установить достаточно жесткое, безусловное и неотвратимое наказание за выход из системы созданной лжи, то люди охотно начинают в нее верить, приходя к состоянию оруэлловского двоемыслия. Двоемыслие – это единственный способ выживания в тоталитарной системе, подчеркивают Стругацкие.

Действительность демонстрирует нам хорошо выдрессированного человека, у которого способность и умение лгать перешла уже на уровень инстинкта. Он всегда и совершенно точно знает, что можно говорить и что нельзя; когда надо разразиться аплодисментами, а когда надо сурово промолчать; когда СИГНАЛИЗИРОВАТЬ в инстанции подлежит немедленно, а когда можно рискнуть и воздержаться; когда задавать вопросы совершенно необходимо, а когда их нельзя задавать ни в коем случае. Без всякой специальной подготовки он годен работать цензором. И даже главным редактором. И вообще – идеологом. [...] Понятия чести, гуманности, личного достоинства становятся экзотическими. В реальности они существуют только с идеологическими добавками: честь – РАБОЧАЯ, гуманность – СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ, достоинство – ПОДЛИННОГО АРИЙЦА.

Поскольку ложь объявлена (и внутренне признана!) правдой, правда должна стать ложью... [...] Двоемыслие – полезнейшая благоприобретенное свойство дрессированного человека. Оно продляет жизнь в условиях тоталитарной системы. И оно продлевает жизнь самой тоталитарной системе.⁶⁰⁰

В такой системе может существовать либо дурак, либо подлец, который все понимает, но живет во лжи, осознанно использует ложь, как если бы это была правда, – говорят Стругацкие.

Стругацкие понимали, что утопия невозможна без появления Нового Человека. Но что такое Новый Человек?⁶⁰¹ Не является ли он химерой? Доктор Моро из романа Уэллса⁶⁰² «тщился с помощью окровавленного скальпеля превратить животное в

⁵⁹⁹ Там же, стр. 420.

⁶⁰⁰ Там же, стр. 422.

⁶⁰¹ О парадоксальности образа Нового Человека см.: Gomel Elana, Gods like Men: Soviet Science Fiction and the Utopian Self, Science Fiction Studies, Vol. 31, № 3, Soviet Science Fiction: The Thaw and After (Nov., 2004), pp. 358–377.

⁶⁰² Wells H. G., The Island of Dr. Moreau, Heinemann, 1896.

человека, погрузив его для этого в горнило невыносимых страданий»,⁶⁰³ нечто подобное произошло и в XX веке, только в стремлении сделать Нового Человека через горнила невыносимых страданий были пропущены целые народы и поколения.

Дрессировщики двадцатого века создавали монстров духа, целые поколения уродливых хамелеонов, души которых представляли собой противоестественный сплав Десяти заповедей, четырех Главных Указаний и самой передовой в мире Идеологии... Они мучали и увечили людей, как подопытных животных, тщаь сделать их счастливыми...⁶⁰⁴

Однако Новый Человек все не появлялся. Идея Стругацких заключается в том, что его появление невозможно по причине феодального мировоззрения массового человека. Столкнувшись с необходимостью самостоятельно заботиться о себе в новом капиталистическом укладе общества, перед лицом беспощадного прогресса, массовый человек захотел обратно в феодальный уклад, где структура и иерархия понятны и проверены. По мнению Стругацких, тоталитарные системы стали дриватом феодализма в эпоху научно-технического прогресса.

Двадцатый век оказался отнюдь не веком социалистических революций.

Он оказался веком последних арьбергартных боев феодализма, тщетно пытающегося сочетать несочетаемое: массовую технологию завтрашнего дня и массовую психологию дня вчерашнего.⁶⁰⁵

Стругацкие были внимательными свидетелями XX века. В молодости, будучи убежденными сторонниками коммунистической идеи, они рисовали прекрасные картины коммунистической утопии. Увлеченно заселяли ее людьми творческого труда, благо у них были образцы из настоящего. Однако со временем они стали понимать, что культурная дистанция между этими редкими людьми, властью и «массовым человеком», скорей всего, непреодолима, а утопия есть не что иное, как тот самый «Золотой Шар»⁶⁰⁶ из «Пикника на обочине».⁶⁰⁷ Ведь эта повесть, как мне представляется, именно об обманной природе утопии. Утопия всегда обманывает идущего к ней. На пути к утопии человека ждет невидимая, хладнокровная, совершенно неизбирательная – «Мясорубка».⁶⁰⁸ И чем ближе человек приближается

⁶⁰³ Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью, Москва, Текст, 1993, стр. 424.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же, стр. 427.

⁶⁰⁶ «Золотой шар» или «Машина желаний» – артефакт Зоны, обладающий способностью исполнять желания. Название «Золотой шар» ассоциируется с Солнцем. Возникают коннотации с названием утопии Томмазо Кампанеллы «Город Солнца».

⁶⁰⁷ Первое издание в журнале «Аврора» (1972): Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине, Аврора, 1972, № 7, стр. 28–43; № 8, стр. 38–51; № 9, стр. 38–51; № 10, стр. 42–51.

⁶⁰⁸ «Мясорубка» – опасная аномалия Зоны. Она невидима и стоит на пути к «Золотому шару». Любой, кто приближается к «Золотому шару», неизбежно попадает в «мясорубку», которая после

к «Золотому Шару», на котором начертано «счастье всем даром»⁶⁰⁹ тем яростней она молотит наивного человека. Утопия для Стругацких – это огонь свечи, в котором сгорают мотыльки людских надежд на право быть счастливыми. Их собственная утопия – мир коммунистического Полудня – просто не мог не превратиться в антиутопию. Этот процесс был постепенным.

Размышляя о природе прогресса, Стругацкие пришли к представлению о постоянности его движения (вспомним бесконечное движение машин странников из «Попытки к бегству»). Они пришли к выводу, что движение прогресса, по сути своей, внеэтического свойства. Оно обусловлено самой природой (вспомним Лес из «Улитки на склоне»). Размышляя о Новом Человеке – жителе утопии, человеке будущего, «голубоглазом, белокуром, могучем и уверенном в себе»,⁶¹⁰ им стал рисоваться совсем другой образ – предельно чужой, прагматичный, скользкий и надменный мутант, в котором нет ничего человеческого (вспомним мокрецов из «Гадких лебедей»), а люди, те самые люди творческого труда, которыми Стругацкие заселяли свою утопию Полудня, вдруг стали прогрессорами – носителями идеологического просветительского неоимпериализма. Борьба за всеобщее счастье не оставляла камня на камне от красивого образа утопии, некогда рисовавшегося Стругацким, да и возможно ли она, построенная на страданиях и сегрегации.

* * *

Резюмируя сказанное в третьей главе, с точки зрения заданного предмета исследования можно выделить следующие элементы:

1. В 1968 году в «Гадких лебедях» Стругацкие соединяют два главных момента их творческих изысканий – отношение к прогрессу и отношению к власти. С одной стороны, они подвергают сомнению привычный советский гуманистический взгляд на догмы исторического материализма, с другой стороны, они показывают давление господствующей тоталитарной власти на творческую личность и любые проявления инакомыслия; здесь люди будущего – предельно чужие мутанты, а люди настоящего – свои, но безнадежно потеряны и дезориентированы.

срабатывания остается некоторое время не активна. Все, что попадает в «мясорубку» обречено на гибель. Таким образом, чтобы добраться до «Золотого шара» нужно кем-то пожертвовать.

⁶⁰⁹ См. Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и не дружбе, Москва, Текст, 1993, стр. 152.

⁶¹⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью, Москва, Текст, 1993, стр. 424–425.

2. Стругацкие прибегают к неприкрытой критике властной номенклатуры, показывая преимущество зла и лицемерия власти, высмеивают и разоблачают практики общения власти с народом и показывают, как власть использует исторические травмы народа в утилитарных целях по его контролю и возможности манипуляции.
3. Стругацкие окончательно отказываются от идеи благотворной роли интеллигенции как носителя позитивного прогресса; показывают непреодолимую силу пропаганды и пагубность тоталитарного мышления, жертвами которых становится народ, чья картина мира под видом стремления к правде и справедливости подвергается бесчестной манипуляции.
4. Наконец, соединяя все предшествующие выводы в трилогии о Максимилиане Каммерере, Стругацкие, посредством дискредитации прогрессоров и прогрессорской деятельности землян, постепенно разоблачают и деконструируют непосредственно Мир Полудня как проект прекрасного утопического будущего, выявляя в нем пороки современного империализма, антигуманности и бесперспективности. Стругацкие объявляют мир утопии коммунизма нежизнеспособным и кем-то придуманным, тем самым показывая циклическую порочность прогрессистского социального проектирования на пути к счастливому и справедливому устройству социума.

Заключение

Стругацкие, пришедшие в литературу популяризаторами проектов прогресса и просвещения как средства достижения коммунистического строя, создав привлекательный образ коммунистической утопии Мир Полудня, со временем и на фоне исторических процессов, широко пользуясь художественным средством аллегории, подвергнув этот утопический мир всевозможным испытаниям и экспериментам, подвели его к образу пост-гуманистической антиутопии с признаками колониализма.

В данной работе показаны как общий взгляд на творческое преобразование Стругацких, так и конкретные элементы этого преобразования; подвергнут анализу процесс творческой и идейной трансформации Стругацких от явных сторонников, апологетов и пропагандистов идей коммунизма к концептуальным критикам практических способов воплощения коммунистического общества.

В начале целесообразней представить общую картину идейно-художественного преобразования творчества Стругацких, полученную в результате данного исследования.

Прежде всего, в первой главе данной работы, было определено изначальное состояние или отправная точка, предшествующая преобразению Стругацких. Здесь можно выделить следующие важные моменты:

1. Стругацкие сами были представителями советской интеллигенции и ментально тоже относились к разряду «младших научных сотрудников» и «читателей «Нового Мира»», о которых упомянуто во введении к данной работе. Они соответствовали аудитории-адресату их собственных произведений;
2. В юности братья Стругацкие были образцовыми представителями своего поколения, являясь носителями сталинской идеологии. Они безоговорочно верили в правоту коммунистической партии, ее вождя, советской власти. Это подтверждается в переписке и воспоминаниях авторов;
3. Появление Стругацких в литературе совпало и во многом было обусловлено началом хрущевской оттепели;
4. Стругацкие начинали в литературе как научные фантасты, близкие, и сюжетно, и идеологически, к нормам социалистического реализма, советского производственного романа и «фантастики ближнего прицела», однако, быстро осознав бесперспективность и ограниченность

возможностей данного жанра с точки зрения литературного разнообразия и потенциала самореализации, братья искали новые формы воплощения своего писательского таланта;

5. После разоблачения культа личности Сталина и в связи с либерализацией общества, вызванной новым курсом партии и скачком научно-технического прогресса, а также под влиянием вышедшей в печать новой утопии Ивана Ефремова «Гуманность Андромеды», Стругацкие пишут серию повестей,⁶¹¹ в которых предлагают свой собственный вариант утопического будущего, получивший в последствии название «Мир Полудня». В нем авторы рисуют коммунистическое общество будущего, основа которого – творческий подход к труду («братство интеллигенции»), появление которого обеспечено, в первую очередь, новыми формами воспитания («воспитание человека в человеке»).

Во второй и третьей главе данной работы определены основные этапы и элементы на пути творческой трансформации Стругацких, которые резюмируются следующим образом:

1. По мере постепенного сворачивания властью курса на либерализацию общества в творчестве Стругацких появляются тенденции к скептической оценке происходящих общественных процессов, и наблюдается все больше негативной рефлексии по отношению к власти и государству, происходит попытка переосознания придуманного ими утопического Мира Полудня и качеств людей, его населяющих, в критическом ключе. Миров, придуманные Стругацкими, все больше становятся похожи на антиутопии;
2. Ко второй половине 60-х годов у Стругацких окончательно формируется набор тем, которые будут разрабатываться ими в ходе дальнейшего творчества. В этой связи можно выделить три основных темы интересов Стругацких – это тема отношений власти и общества, тема прогресса и будущего, тема человека и его выбора;
3. Посредством дискредитации идеи прогрессорства как колониальной силы и возникновения ситуаций культурных дистанций коммунистическая утопия Стругацких Мир Полудня деконструируется авторами и стремится к состоянию антиутопии. В этой связи показательной является идея ненаписанного Стругацкими романа, заключающаяся в схлопывании

⁶¹¹ «Путь на Амальтею», «Полдень, XXII век», «Стажеры», «Далекая радуга».

утопии Полудня как концептуального феномена в саму себя, и преобразении ее в имперскую метрополию и центральный инструмент сегрегации общества на основе наличия культурных дистанций между утопическим центром и его колониями. Для Стругацких само существование Утопии становится невозможно, если она не является колониальной силой и не окружена оберегающим ее, работающим на нее обычным миром человеческих пороков, страха и страданий. Иными словами, если Утопия и может существовать, то только за счет других;

4. К концу своего творчества, на фоне идеологического поражения советского проекта, Стругацкие определяют идею коммунистической утопии как несбыточную по причине неготовности «массового человека» к данной форме социального устройства, видя главным препятствием в реализации коммунистического проекта несоответствие прогресса и научно-технического уровня, достигнутого человечеством его морально-идеологическим уровню.

Таким образом, концептуально развитие идейно-творческой мысли Стругацких состоит из следующих последовательных элементов:

1. «Страна багровых туч» (1958): «Производственная фантастика», написанная в духе социалистического реализма и «фантастики ближнего прицела»; основное внимание уделено подвигу советских «космолетчиков», чьей целью является поиск природных ресурсов на Венере; если убрать фантастический элемент, останется обычный производственный роман социалистического реализма.
2. Утопический период («Путь на Амальтею» (1959), «Возвращение. Полдень, XXII век» (1960), «Стажеры» (1960), «Далекая Радуга» (1961)): рождение коммунистического Мира Полудня; Стругацкие рисуют позитивную картину будущего – мир, в котором хочется жить и работать; воспитание Нового Человека – «воспитание человека в человеке»; творческий кризис отсутствия конфликта в утопическом мире.
3. «Попытка к бегству» (1962): творческий тупик преодолен за счет выхода за жанровые границы советской фантастики; Стругацкие вносят новые для советской фантастики стартовые посылки, а именно – невероятность сюжета без попытки его рационального объяснения; поднимают тему холокоста и концентрационных лагерей; объявляют главным императивом

«сомнение»; прогресс для Стругацких – это процесс внеэтического свойства.

4. «Трудно быть богом» (1963): Стругацкие защищают интеллигенцию как неотъемлемый и важнейший элемент движения истории и прогресса; коммунар из Мира Полудня не в силах противостоять собственной дегуманизации, если он поставлен в условия перманентного окружающего зла; если зло разрешено и поощряется, массы готовы с энтузиазмом его совершать; история всегда движется в одну сторону.
5. «Хищные вещи века» (1964): Стругацкие пытаются критиковать мещанство и бедность внутреннего мира общества потребления, но приходят к обратным результатам: возможности потребления как-то связаны со свободой выбора и свободой вообще; у общества потребления есть потенциал развития.
6. «Улитка на склоне» (1965): под влиянием философии экзистенциализма, Стругацкие задаются вопросами абсурдности человеческого существования перед лицом будущего; подвергают критике безликую административную систему, целью которой является непрерывное самовоспроизводство; подчеркивают антигуманность прогресса и будущего по отношению к настоящему и показывают трагедию отстающих от движения истории; задаются вопросом проблемы выбора интеллектуала.
7. «Гадкие лебеди» (1967): Стругацкие рассматривают отношения настоящего и будущего через призму советского проекта, приходя к выводу, что Новый Человек коммунистического будущего уже не может быть человеком, каким мы его знаем, а само такое будущее будет бесконечно чуждым; показывают положение интеллектуала и творческого человека, чувствующего утилитарное отношение власти в отношении него, понимающего несовершенство и обреченность его мира, но неспособного как примириться с тягостным настоящим, так и принять холодное и бесчувственное будущее как правильное и свое.
8. «Сказка о тройке» (1968): Стругацкие подвергают жесткой и практически неприкрытой критике власть партийного аппарата, вождизм, преступное и безразличное отношение к народу, скрытое под лозунгами заботы о нем; сатирически сравнивают внутреннюю аппаратную борьбу советской номенклатуры с борьбой за выживание в дикой природе.

9. «Обитаемый остров» (1969): основываясь на практиках военно-политической пропаганды, Стругацкие ставят проблему манипуляции сознанием в тоталитарных обществах, поднимают вопрос о причинах и результатах такой манипуляции, напоминая о травме десталинизации; однако и крах тоталитарной власти не приносит мира, счастья и успокоения, а система пропаганды и манипуляции переходит в новые руки; коммунары Мира Полудня становятся активной колониальной силой в других мирах.
10. «Парень из преисподней» (1974): Стругацкие показывают искаженное восприятие мира сознанием, воспитанным в условиях военной диктатуры; говорят о практиках сакрализации диктаторской власти с помощью ее атрибутов и обрядов; показывают фрустрацию тоталитарного сознания перед лицом позитивных знаний; прогрессоры Мира Полудня непосредственно вовлечены в военно-политические процессы, происходящие в других мирах.
11. «Жук в муравейнике» (1979): дегуманизированный прогрессор – житель Мира Полудня – переносит колониальные практики, применяемые в прогрессируемых мирах, домой в коммунистическую утопию Полудня, разрушая ее изнутри идеологически; коммунары Мира Полудня больше всего опасаются подвергнуться такому же воздействию извне, какому они сами подвергают чужие прогрессеруемые ими миры.
12. «Волны гасят ветер» (1984): Земля утопии Полудня сама подвергается непреодолимому воздействию извне, утрачивая смысл своего существования и превращаясь в колонию.

Как показано ранее в разборах отдельных произведений, все описанные коллизии, предложенные Стругацкими в вышеперечисленных повестях, нужно воспринимать, прежде всего, через призму истории советского государства и его общества.

Стругацкие, являясь представителями активной части советского общества, стремящейся к коммунистической мечте, которой не суждено было осуществиться, пройдя через череду разочарований – в истории страны, во власти, человеке, прогрессе, позитивном образе будущего и в самих способах реализации построения коммунизма, – оказались оригинальными описателями данных исторических процессов.

Список литературы

- Amis Kingsley, *New Maps of Hell*, New York, Ballantine Books, 1960.
- Arendt Hannah, *On Violence*, San Diego/New York/London, A Harvest/HBJ Book, 1970.
- Asimov Isaac, *Runaround*, in *I, Robot*, New York, Doubleday, 1950.
- Barmeyer Eike, *Science Fiction: Theorie und Geschichte*, München, Wilhelm Fink Verlag, 1972.
- Belyaev Demyan, *Rätselhafte Phänomene: Heterodox-religiöse Subkultur in Russland*, in *Osteuropa*, 2009, Vol. 59, № 9, S. 149–160.
- Blasier Cole, *Soviet Impact on Latin America*, in *Russian History*, Vol. 29, Summer–Fall–Winter, 2002, pp. 481–497.
- Brecht Bertolt, *Schriften zum Theater*, in *Gesammelte Werke*, Band 15, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1967, S. 339–369.
- Buchholz Arnold, *The Role of Scientific-Technological Revolution in Marxism-Leninism*, *Studies in Soviet Thought*, № 20, 1979, pp. 145–164.
- Burgess Anthony, *A Clockwork Orange*, London, Heinemann, 1962.
- Carey John, *The Faber Book of Utopias*, ed. Carey John, London, Faber and Faber, 1999.
- Clark Katerina, *The Soviet Novel, History as Ritual*, Chicago/London, The University of Chicago Press, 1981.
- Clute John, Nicholls Peter, *Definitions of SF*, in *Encyclopedia of Science Fiction*, ed. John Clute, Peter Nicholls, New York, St. Martin's Press, 1993, pp. 311–314.
- Crossan John D., *The Birth of Christianity: Discovering What Happened in the Years Immediately After the Execution of Jesus*, San Francisco, Harper Collins, 1999.
- Csicsery-Ronay Istvan, *Towards the Last Fairy Tale: On the Fairy-Tale Paradigm in the Strugatskys' Science Fiction, 1963-72*, *Science Fiction Studies*, Vol. 13, № 1, Mar. 1986, pp. 1–41.
- Dobrenko Evgeny, *The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture*, Stanford, Stanford University Press, 2001.
- Dobrenko Evgeny, *Political Economy of Socialist Realism*, New Haven/London, Yale University Press, 2007.
- Dobson Miriam, *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*, Cornell University Press, Ithaca/London, 2009.

Eggeling Wolfram, *Die sowjetische Literaturpolitik zwischen 1953 und 1970: Zwischen Entdogmatisierung und Kontinuität, Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur*, Band 3, Bochum, Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1994.

Elie Marc, *Khrushchev's Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin's Death, 1953–1964*, in *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*, ed. by Eleonory Gilburd and Denis Kozlov, University of Toronto Press, Toronto/Buffalo/London, 2013, pp. 109–142.

Fletcher Angus, *Allegory: The Theory of a Symbolic Mode*, Princeton, Princeton University Press, 2012.

Foucault Michel, *Society Must Be Defended, Lectures at the Collège de France 1975–1976*, trans. D. Macey, New York, Picador, 2003.

Gernsback Hugo, *A New Sort of Magazine*, in *Amazing Stories*, № 1, April 1926, p. 3.

Gernsback Hugo, *Science Wonder Stories*, in *Science Wonder Stories*, № 1, June 1929, p. 5.

Gerovitch Slava, *Stalin's Rocket Designers' Leap into Space: The Technical Intelligentsia Faces the Thaw*, *Osiris*, January 2008, pp. 189–209.

Gilburd Eleonory, Kozlov Denis (eds.), *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*, Toronto/Buffalo/London, University of Toronto Press, 2013.

Glinter Ezra, *Old-Time Socialist Utopia*, *The Paris Review*, May 11, 2015. (<https://www.theparisreview.org/blog/2015/05/11/give-me-that-old-time-socialist-utopia/>).

Golan Galia, *Soviet Policies in the Middle East from World War Two to Gorbachev*, Cambridge, Cambridge University Press, 1991.

Golan Galia, *The Soviet Union and National Liberation Movements in the Third World*, London/New York, Routledge, 2023.

Gomel Elana, *The Politics of Censorship: Allegory as Form and Ideology in the Novels of Arkady and Boris Strugatsky*, *Science Fiction Studies*, Vol. 22, № 1, Mar. 1995, pp. 87–105.

Gomel Elana, *Gods like Men: Soviet Science Fiction and the Utopian Self*, *Science Fiction Studies*, Vol. 31, № 3, *Soviet Science Fiction: The Thaw and After* (Nov., 2004), pp. 358–377.

Greene Graham, *The Quiet American*, Melbourne/London/Toronto, William Heinemann Ltd, 1955.

Green Diana, *Male and Female in "The Snail on the Slope" by the Strugatsky Brothers*, in *Modern Fiction Studies*, Vol. 32, № 1, *Special Issue: Science and Fantasy Fiction*, Spring 1986, pp. 97–108.

- Grinberg Marat, *Between Mimesis and Allegory: Vasily Grossman, Boris Slutsky, the Strugatsky Brothers and the Meaning of the Holocaust in Russian*, in *Critical Insights: Holocaust Literature*, ed. Dorian Stuber, Salem Press, Ipswich, Massachusetts, 2016, pp. 165–181.
- Hegel Georg Wilhelm Friedrich, *Wissenschaft der Logik*, Nürnberg, Schrag, 1812, 1813, 1816.
- Hegel Georg Wilhelm Friedrich, *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*, Berlin, Verlag von Duncker und Humblot, 1840.
- Heller Michel, *Утопия в советской идеологии*, *Revue des études slaves*, tome 56, fascicule 1, 1984, pp. 105–113.
- Hellie Richard, *The Soviet Global Impact: 1954–1991*, in *Russian History*, Vol. 29, Summer–Fall–Winter, 2002, pp. 141–150.
- Howell Yvonne, *Apocalyptic Realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky*, New York, Peter Lang Publishing Inc., 1994.
- Huntington John, *Utopia and Anti-Utopian Logic: H. G. Wells and His Successors*, *Science Fiction Studies* Vol. 9, № 2, 1982.
- Huxley Aldous, *Brave New World*, London, Chatto & Windus, 1932.
- János Kornai, *Socialist System: The Political Economy of Communism*, Princeton, Princeton University Press, 1992.
- Jones Polly, *Introduction to The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in Khrushchev Era*, ed. Polly Jones, Routledge, London/New York, 2006, pp. 1–18.
- Jones Polly, *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalin's Past in Soviet Union, 1953–70*, New Haven and London, Yale University Press, 2013.
- Kajtoch Wojciech, *Bracia Strugaccy*, Krakow, Universitas, 1993.
- Kant Immanuel, *Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*, Berlin, Suhrkamp, 2019.
- Karsh Efrayim, *Soviet Policy towards Syria since 1970*, New York, St. Martin's Press, 1991.
- Kirschenbaum Lisa A., *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*, London and New York, Routledge Falmer, 2001.
- Kozlov Denis, *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge/London, Harvard University Press, 2013.
- Kridl Valkenier Elizabeth, *Soviet-Third World Relations: Ideology, Realities and New Thinking*, in *Russian History*, Vol. 29, Summer–Fall–Winter, 2002, pp. 499–510.

- Levi Primo, *Se questo è un uomo*, Torino, De Silva, 1947.
- Levi Primo, *If This Is a Man*, New York, The Orion Press, 1959.
- Levi Primo, *Survival in Auschwitz*, New York, Collier, 1961.
- Lipovetsky Mark, *Postmodern Crises: From Lolita to Pussy Riot*, Boston Academic Studies Press, 2017.
- London Jack, *The Iron Heel*, New York, The Mcmillan Company, 1908.
- Loseff Lev, *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Russian Literature*, Munich, Sagner, 1984.
- Lunkin Roman, Filatov Sergei, *The Rerikh Movement: A Homegrown Russian “New Religious Movement”*, in *Religion, State & Society*, 2000, Vol. 28, № 1, pp. 135–148.
- Marcuse Herbert, *Soviet Marxism: A Critical Analysis*, New York, Columbia University Press, 1969.
- Martin Barbara, *Dissident Histories in The Soviet Union: From De-Stalinization to Perestroika*, London/New York/Oxford/New Delhi/Sydney, Bloomsbury Academic, 2019.
- Marx Karl, Engels Friedrich, *Manifest der Kommunistischen Partei*, London, Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter, 1848.
- Marx Karl, *Speech at anniversary of the People’s Paper*, *The People’s Paper*, 19.04.1856. <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1856/04/14.htm>
- Moghaddam Fathali M., *The Psychology of Dictatorship*, Washington DC, American Psychological Association, 2013.
- Morelli Anne, *Die Prinzipien der Kriegspropaganda*, übers. von M. Schönbach, Springe, zu Klampen, 2004.
- Natufe O. Igho, *Soviet Policy in Africa: From Lenin to Brezhnev*, Bloomington, iUniverse, 2011.
- Olds James, Milner Peter, *Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain*, *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, 1954, Dec. 47 (6), pp. 419–427.
- Orwell George, *Nineteen Eighty-Four*, London, Secker and Warburg, 1949.
- Pagels Elaine, *The Gnostic Gospels*, New York, Vintage books, 1981.
- Parrinder Patrick, *Science Fiction: Its Criticism and Teaching*, London/New York, Methuen, 1980.

- Parrinder Patrick, Revisiting Suvin's Poetics of Science Fiction, in *Learning from Other Worlds: Estrangement, Cognition, and The Politics of Science Fiction and Utopia*, ed. Patrick Parrinder, Durham, Duke University Press, 2001, pp. 36–50.
- Pauer Jan, Prag 1968: Der Einmarsch des Warschauer Paktes. Hintergründe – Planung – Durchführung, Bremen, Edition Temmen, 1995.
- Petersen Leena, Reconsidering Utopia: On the Entanglement of Mind and History, in *Studies in Social and Political Thought*, 2010, Vol. 18, pp. 14–28.
- Petrov Petre M., *Automatic for the Masses: The Death of the Author and the Birth of Socialist Realism*, Toronto, University of Toronto Press, 2015.
- Ponsonby Arthur, *Falsehood in War-Time: Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War*, London, Garland Publishing Company, 1928.
- Pott Philipp, *Moskauer Kommunalwohnungen 1917 bis 1997: materielle Kultur, Erfahrung, Erinnerung*, Zürich, Pano Verlag, 2009.
- Prucher Jeff, *Brave New Worlds: The Oxford Dictionary of Science Fiction*, New York, Oxford University Press, 2007.
- Rapoport Louis, *Stalin's War Against the Jews: The Doctor's Plot and the Soviet Solution*, New-York, The Free Press, 1990, pp. 80–176.
- Rapoport Yakov, *The Doctors's Plot of 1953: A survivor's Memoir of Stalin's last act of Terror, against Jews and Science*, Cambridge, Harvard University Press, 1991.
- Reid Susan E., In the Name of the People: The Manege Affair Revisited, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 6.4, 2005, pp. 673–716.
- Reid Susan E., Happy Housewarming!: Moving into Khrushchev-Era Apartments, in *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*, ed. Marina Balina, Evgeny Dobrenko, London/New York/Delhi, Anthem Press, 2011, pp. 133–160.
- Richers Julia, Welt-Raum: Die Sowjetunion im Orbit, in *Globalisierung imperial und sozialistisch*, Hg. Martin Aust, Frankfurt/New York, Campus Verlag, 2013, S. 400–424.
- Roberts Adam, *The History of Science Fiction*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2006.
- Schattenberg Susanne, "Democracy" or "Despotism"? How the Secret Speech was Translated into Everyday Life, in *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in Khrushchev Era*, ed. Polly Jones, London/New York, Routledge, 2006, pp. 64–79.
- Schattenberg Susanne, *Leonid Breschnew: Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins – eine Biographie*, Köln/Weimar/Wien, Böhlau Verlag, 2017.

Schlögel Karl, *Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergegangenen Welt*, München, C. H. Beck, 2017, S. 324–345.

Scholes Robert, Rabkin Eric S., *Science Fiction: History, Science, Vision*, New York, Oxford University Press, 1977.

Seeber Hans Ulrich, *Bemerkungen zum Begriff "Gegenutopie"*, in *Literarische Utopien von Morus bis zur Gegenwart*, Hg. Berghahn Klaus L., Seeber Hans Ulrich, Königstein, Athenäum Verlag, 1983, S. 163–171.

Simon Erik, *The Strugatskys in Political Context*, in *Soviet Science Fiction: The Thaw and After*, *Science Fiction Studies*, Vol. 31, № 3, Nov. 2004, pp. 379–406.

Starkova-Vindman Maria, *Fighting for Utopian Childhood: Militarism in Children's Periodicals of the Early Soviet Union*, in *Utopian Reality: Reconstructing Culture in Revolutionary Russia and Beyond*, ed. Lodder Christina, Kokkori Maria, Mileeva Maria, Leiden/Boston, Brill, 2013, pp. 79–97.

Steenblock Volker, *Das «Ende der Geschichte»: Zur Karriere von Begriff und Denkvorstellung im 20. Jahrhundert*, *Archiv für Begriffsgeschichte*, Vol. 37, 1994, S. 333–351.

Suerbaum Ulrich, Broich Ulrich, Borgmeier Raimund, *Science Fiction: Theorie und Geschichte, Themen und Typen, Form und Weltbild*, Stuttgart, Reclam, 1981.

Suny Ronald G., *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successors States*, New York/Oxford, Oxford University Press, 1998.

Suvin Darko, *Positions and Presuppositions in Science Fiction*, London, Macmillan Press, 1988.

Suvin Darko, *Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre*, ed. Gerry Canavan, Bern, Peter Lang, 2016.

Swift Jonathan, *Travels into Several Remote Nations of the World. In four parts. By Lemuel Gulliver, first a surgeon, and then a captain of several ships*, London, Benj. Motte, 1726.

Teskey Ayleen, *Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer*, Amersham, Avebury Publishing, 1982.

Tromly Benjamin, *Making The Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev*, New York, Cambridge University Press, 2014.

Vaingurt Julia, *Digressions in Progress: Posthuman Loneliness and Will to Play in the Work of the Strugatsky Brothers*, in *The human reimagined: Posthumanism in Russia*, ed. McQuillen C., Vaingurt J., Boston, Academic Studies Press, 2018, pp. 55–68.

Weinberg Robert, *The Politics of Remembering: The Treatment of the Holocaust in the Soviet Union*, in *Lessons and Legacies VII: The Holocaust in International Perspective*, ed. Dagmar Herzog, Evanston, Northwestern University Press, 2006, pp. 314–329.

- Wells Herbert George, *The Time Machine*, London, William Heinemann, 1895.
- Wells H. G., *The Island of Dr. Moreau*, Heinemann, 1896.
- Wells H. G., *A Modern Utopia*, London, Chapman and Hall, 1905.
- Wells H. G., *Men Like Gods*, London, Cassell and Company, 1923.
- Wild Oscar, *The Picture of Dorian Gray*, Lippincott's Monthly Magazine, July, 1890.
- Zubok Vladislav, *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*, Cambridge/London, The Belknap Press, of Harvard University Press, 2009.
- XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет, тт. 1–3, Москва, Госполитиздат, 1962.
- Амусин М., *Далеко ли до будущего?*, Нева, № 2, 1989, стр. 153–160.
- Амусин М., *Братья Стругацкие. Очерк творчества*, Иерусалим, Beseder, 1996.
- Амусин М., *Стругацкие и принцип неопределенности*, Нева, 2005, № 4, стр. 190–200.
- Анкест А., Грэм Грин и его роман «Тихий американец». Послесловие, Грин Г., *Тихий американец*, Москва, Издательство иностранной литературы, 1956, стр. 183–191.
- Берггольц О., *Избранные произведения*, Ленинград, Советский писатель, 1983.
- Бердяев Н., *Новое средневековье*, Берлин, Обелиск, 1924.
- Бондаренко С., Курильский В., *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1942–1962*, Москва, АСТ, 2008.
- Бондаренко С., Курильский В., *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники, 1963–1966*, Москва, АСТ, 2009.
- Бондаренко С., Курильский В., *Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1967–1971*, Волгоград, ПринТерра, 2013.
- Бондаренко С., Курильский В., *Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1972–1977*, Волгоград, ПринТерра, 2013.
- Бондаренко С., Курильский В., *Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1978–1984*, Волгоград, ПринТерра, 2014.
- Бондаренко С., Курильский В., *Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма. Рабочие дневники, 1985–1991*, Волгоград, ПринТерра, 2014.
- Боровский Т., *Наставления его преподобия*, пер. М. Абкиной, *Иностранная литература*, 1955, № 2, стр. 124–151.

- Брандис Е., Дмитриевский В., Фантасты пишут для всех!, Литературная газета, 01.02.1966, стр. 3.
- Брент Д., Наумов В., Последнее дело Сталина, Москва, Проспект, 2004.
- Бритиков А., Русский советский научно-фантастический роман, Ленинград, Наука, 1970.
- Брюсов В., Юному поэту, Русская поэзия XX века, Антология русской лирики от символизма до наших дней, сост. И. Ежов, Е. Шамурин, Москва, Новая Москва, 1925, стр. 52.
- Быков Д., Вместо жизни, Москва, Вагриус, 2006.
- Бэкон Ф., Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические, пер. Александровой, Москва, Издательство академии наук СССР, 1962.
- Вайль П., Генис А., 60-е. Мир советского человека, Москва, Новое литературное обозрение, 1998.
- Ветхий завет, Книга Екклесиаста, Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета, Москва, Российское Библейское Общество, 2019, стр. 606.
- Вишневский Б., Не стреляйте «Гадких лебедей», Вечерний Петербург, № 156, 26.08.2000, стр. 2.
- Вишневский Б., Аркадий и Борис Стругацкие. Двойная звезда, Москва, АСТ, 2004.
- Вознесенский А., Антимирь. Избранная лирика, Москва, Молодая гвардия, 1964.
- Вознесенский А., Ахиллесово сердце. Стихи, Москва, Художественная литература, 1966.
- Володихин Д., Прашкевич Г., Братья Стругацкие, Москва, Молодая гвардия, 2012.
- Гастев А., Поэзия рабочего удара, Петроград, Пролеткульт, 1918.
- Геллер Л., Вселенная за пределом догмы. Советская научная фантастика, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
- Геллер М., Машина и винтики. История формирования советского человека, London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
- Геллер Л., Нике М., Утопия в России, пер. Булатовского, Санкт-Петербург, Гипперсион, 2003.
- Герчук Ю., Кровоизлияние в МОСХ, или Хрущёв в Манеже 1 декабря 1962 года, Новое литературное обозрение, Москва, 2008, стр. 297–311.
- Гинзбург А., Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, Frankfurt am Main, Possev-Verlag, 1967.

Глезерман Г., Юдин П., Социализм и коммунизм, Исторический материализм, ред. Ф. Константинов, Москва, Государственное издание политической литературы, 1951, стр. 668–682.

Горький М., На дне, Санкт-Петербург, Знание, 1903.

Громова А., Молнии будут служить добру, Литературная Россия, 26.03.1965, стр. 11.

Гюнтер Х., Добренко Е., Соцреалистический канон, ред. Гюнтер Х., Добренко Е., Санкт-Петербург, Академический проект, 2000.

Доклад товарища Л. И. Брежнева на торжественном собрании, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной Войне, Алтайская Правда, 09.05.1965, стр. 2.

Достоевский Ф., Братья Карамазовы, Москва, АСТ, 2018.

Душенко К., Красное и белое. Из истории политического языка. «Сказка о Тройке» как зеркало партийного языка, Москва, РАН, ИНИОН, 2018.

Душенко К., Цитаты из русской истории. Справочник, Москва, ЭКСМО, 2005.

Евтушенко Е., Граждане послушайте меня..., Москва, Художественная литература, 1989.

Емцев М., Парнов Е., Наука и фантастика, Коммунист, 1965, № 15, стр. 69–70.

Ефремов И., Туманность Андромеды, Москва, Молодая гвардия, 1958.

Ефремов И., Миллиарды граней будущего, Комсомольская правда, 28.01.1966 (http://www.fandom.ru/about_fan/efremov_2.htm).

Ефремов И., Час быка, Москва, Молодая гвардия, 1970.

Замятин Е., Мы, New York, Inter-Language Literary Associates, 1967.

Зеркалов А., Бессилие богов, Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Хромая судьба, Текст, 1994, стр. 492–493.

Зеркалов А., Игра по собственным правилам, Стругацкий А., Стругацкий Б., Извне. Путь на Амальтею. Стажеры. Рассказы, Москва, Текст, 1991, стр. 5–18.

Зиновьев А., Русская судьба. Исповедь отщепенца, Москва, Центрполиграф, 1999.

Зиновьев А., Зияющие высоты, Москва, Канон+, 2021.

Иванов С., Фантастика и действительность, Октябрь, 1950, № 1, стр. 155–164.

Измайлов А., Справедливое общество: мир, в котором каждому – свое, беседа с Борисом Стругацким, Санкт-Петербург, Московский комсомолец в Питере, 1998, № 15. (<http://www.rusf.ru/abs/books/publ49.htm>).

Илюшечкин В., Теория стадийного развития общества. История и проблемы, Москва, Восточная литература РАН, 1996.

Кайтох В., Братья Стругацкие, пер. Борисова, Стругацкий А., Стругацкий Б., Бессильные мира сего, Москва, АСТ, 2003.

Калинин И., Искусство как прием воскрешения слова. Виктор Шкловский и философия общего дела, Новое литературное обозрение, 2015, № 3, стр. 214–225.

Кампанелла Т., Город солнца, пер. Ф. Петровского, Москва-Ленинград, Academia, 1934.

Камю А., Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула, пер. С. Великовский, Н. Галь, Ю. Гинзбург, Москва, АСТ, 2018.

Камю А., Чума, пер. М. Жаркова, Москва, АСТ, 2018.

Камю А., Бунтующий человек. Миф о Сизифе, пер. Е. Головина, Москва, АСТ, 2021.

Каспэ И., Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?, Новое Литературное Обозрение, 2007, № 6, стр. 202–231.

Кингсли Э., Новые карты ада, 512. Magazine of Science Fiction and Fantasy, 1991, стр. 54–63.

Кологривов Р., Человек не хочет быть богом, Знание – сила, январь 1965, стр. 17.

Константинов Ф., Исторический материализм, Москва, Государственное издание политической литературы, 1951.

Кончуков Е., О настоящем во имя будущего. Беседа с Борисом Стругацким, Студенческий меридиан, 1988, № 11, стр. 36–41.

Корнаи Я., Дефицит, пер. С. Берзиной, С. Булаха, В. Заикина, Д. Маркова, А. Михальской, А. Полякова, М. Попова, В. Филиппова, Москва, Наука, 1990.

Кукулин И., Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики, Новое Литературное Обозрение, 2007, № 6, стр. 169–201.

Кушкова А., Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците, Неприкосновенный запас, № 2, 2009, стр. 174–187.

Лем С., Солярис, Фантастика и путешествия, т. 4, сост. И. Филенков, пер. Д. Брускина, Москва, Молодая гвардия, 1965, стр. 5–198.

- Ленин В., Государство и революция, Полное собрание сочинений, т. 33, Москва, Издательство политической литературы, 1969, стр. 1–120.
- Ленин В., Грозная катастрофа и как с ней бороться, Полное собрание сочинений, т. 34, Москва, Издательство политической литературы, 1969, стр. 151–199.
- Леонов Л., Дорога на океан, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1936.
- Липовецкий М., Еще раз о комплексе прогрессора, Неприкосновенный запас, № 1, 2015, стр. 173–190.
- Малинкович В., Три революции и две перестройки. Этюды на темы советской истории, Москва, ИГПИ, 2008, стр. 179–188.
- Мандельштам О., Я вернулся в мой город, Санкт-Петербург, Лениздат, 2013.
- Маркес Г. Г., Сто лет одиночества, пер. Н. Бутыриной, В. Столбова, Москва, Художественная литература, 1971.
- Маркс К., Речь на юбилее «The People's Paper», Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, тт. 1–39, Издание второе, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1958, т. 12, стр. 4.
- Медынский Е., Народное образование в СССР, Москва, Академия педагогических наук РСФСР, 1952.
- Менцель Б., Окультизм и эзотерические движения в России в 1960-х – 1980-х годах, пер. А. Ташинского, Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры, Русское издание, № 1, 2013, стр. 195–227.
- Мижо М., Сент-Экзюпери, Москва, Молодая гвардия, 1963.
- Минченко Д., Как нам было страшно!, Огонек, 2002, № 8, стр. 5.
- Мор Т., Утопия. Золотая книга, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия, пер. Малеина, Москва/Ленинград, Academia, 1935.
- Морозов Б., Еврейская эмиграция в свете новых документов, Тель-Авив, Центр Каммингса, Тель-Авивский Университет, 1998, стр. 139.
- Наумов В., К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, Новая и новейшая история, 1996, № 4, стр. 147–168.
- Некрасов Н., Сеятелям, Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова в двух томах, 1873–1877, т. 2, Санкт-Петербург, Типография А. С. Суворина, 1899, стр. 411.
- Некрасов С., Космизм Н.Ф. Федорова и творчество Стругацких, Философия бессмертия и воскрешения, Вып. 2, Москва, Наследие, 1996, стр. 162–167.

- Немцов В., Для кого пишут фантасты, Известия, 18.01.1966, стр. 6.
- Никольский А., Как я ловил мещанина, Крокодил, 1964, № 5, стр. 4.
- Пастернак Б., Стихотворения и поэмы, Ленинград, Советский писатель, 1965.
- Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934. Стенографический отчет, Москва, 1934.
- Петров Л., Стругацкий А., Пепел Бикини, Дальний Восток, 1956, № 5, стр. 31–100.
- Петров Л., Стругацкий А., Пепел Бикини, Детгиз, Москва, 1958.
- Петров Л., Стругацкий А., Пепел Бикини, Юность, 1957, № 12, стр. 2–35.
- Петряковская В., Влюбленные в фантастику. Беседа с Аркадием и Борисом Стругацкими, Московский комсомолец, 13.08.1965, стр. 3.
- Платон, Государство, Санкт-Петербург, Азбука, 2017.
- Полоцк И., О пользе иностранных языков, Понедельник (Абакан), 1995, № 2.
(<https://www.e-reading-lib.com/chapter.php/144045/207/neizvestnyye-strugackie-pismarabochie-dnevniki-1942-1962.html>).
- Прашкевич Г., Человек эпохи, Если, 2005, № 9, стр. 291–296.
- Пруденций, Сочинения, Москва, Водолей, 2012.
- Пушкарь Д., Чарный С., Гнев богов. Рукописи, как известно, не горят. Доносы – тоже, Московские новости, 26.03.2002, стр. 19.
- Рабичев Л., Манеж 1962. До и после, Знамя, 2001, № 9, стр. 121–152.
- Ревич В., Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны, Москва, Институт Востоковедения РАН, 1998.
- Ревич В., Фантасты под надзором ЦК КПСС, Знание – сила, 1993, № 7, стр. 90–95.
- Ревич В., Художественная «душа» и научные «рефлексы», Молодая Гвардия, 1965, № 4, стр. 281–290.
- Рерих Н., Агни-Йога, Москва, АСТ, 2021.
- Рубин И., Оглянись в слезах. Стихотворения, статьи, проза, Иерусалим, Став, 1977.
- Самсонов Ю., Как перекрыли «Ангару», или Иркутская глава «Сказки о Тройке» братьев Стругацких, Иркутск, Голос, 1990, № 1, стр. 70–79.
- Сартр Ж.-П., Экзистенциализм – это гуманизм, Тошнота, пер. М. Грецкого, Москва, Республика, 1994, стр. 433–469.

- Сартр Ж.-П., Бытие и ничто, пер. В. Колядко, Москва, АСТ, 2020.
- Сент-Экзюпери А., Письмо генералу «Икс», пер. Н. Галь, Санкт-Петербург, Знак, 2001.
- Симонов К., Чужая тень, Собрание сочинений, Пьесы, т. 2, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1952, стр. 283–373.
- Скаландис А., Братья Стругацкие, Москва, АСТ, 2008.
- Солженицын А., Матренин двор, Новый мир, 1963, № 1, стр. 42–63.
- Соловьева И., Будь готов к неожиданному, Литературная Россия, 26.11.1965. (http://www.fandom.ru/about_fan/solovjeva_2.htm).
- Сомов В., Первое советское поколение. Испытание войной, Москва, АИРО-XXI, 2015.
- Сорокин В., Норма. Тридцатая любовь Марины. Голубое сало. День опричника. Сахарный кремль, Москва, Астрель, 2012.
- Сталин И., О трех особенностях Красной Армии: Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном десятой годовщине Красной Армии 25 февраля 1928 г., Сочинения, Москва, ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1949, т. 11, стр. 21–26.
- Сталин И., Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года, Сочинения, Москва, Писатель, 1997, т. 14, стр. 118–147.
- Стругацкий А., Исполнение мечты, Литература и жизнь, 16.09.1959, стр. 3.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна багровых туч, Москва, Детгиз, 1959.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Путь на Амальтею, Москва, Молодая гвардия, 1960.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Возвращение, Москва, Детгиз, 1962.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству, Фантастика, 1962 год, сост. К. Андреев, Москва, Молодая гвардия, 1962, стр. 146–261.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Стажеры, Москва, Молодая гвардия, 1962.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Далекая Радуга, Новая сигнальная, сост. К. Андреев, Москва, Знание, 1963, стр. 50–156.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Далекая радуга, Москва, Молодая гвардия, 1964.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Через настоящее – в будущее, Вопросы литературы, 1964, № 8, стр. 73–76.

- Стругацкий А., Стругацкий Б., Хищные вещи века, Москва, Молодая гвардия, 1965, стр. 131–318.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Что вы думаете о жизни, времени, счастье? Ответы на вопросы журнала «Смена», Смена, № 1, 1966, стр. 3, 8.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о тройке, Ангара, 1968, № 4, стр. 3–16; № 5, стр. 47–66.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров, Нева, 1969, № 3, стр. 86–130; № 4, стр. 85–127; № 5, стр. 90–140.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о тройке, Грани, 1970, № 78, стр. 38–165.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Парень из преисподней, Аврора, 1971, № 11, стр. 34–49; № 12, стр. 16–32.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Гадкие лебеди, Франкфурт-на-Майне, Possev, 1972.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине, Аврора, 1972, № 7, стр. 28–43; № 8, стр. 38–51; № 9, стр. 38–51; № 10, стр. 42–51.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике, Знание – сила, 1985, № 6, стр. 45–48; № 7, стр. 46–48; № 8, стр. 45–48; № 9, стр. 45–48; № 10, стр. 45–48; № 11, стр. 45–47; № 12, стр. 44–47.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике, Знание – сила, 1986, № 1, стр. 46–48; № 3, стр. 45–48.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о тройке, Смена, 1987, № 11, стр. 25–30; № 12, стр. 25–31; № 13, стр. 25–31; № 14, стр. 25–32.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Сказка о Тройке, Избранное, т. 1, Москва, Московский рабочий, 1989, стр. 180–288.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Куда ж нам плыть?, Независимая газета, 1991, № 3, стр. 3.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста», Москва, Текст, 1992.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке, Москва, Текст, 1992.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Полдень, XXII век. Далекая Радуга, Москва, Текст, 1992.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века, Москва, Текст, 1992.

- Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью, Москва, Текст, 1992.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Обитаемый остров. Малыш, Москва, Текст, 1993.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и не дружбе, Москва, Текст, 1993.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Сценарии. «Жиды города Питера...». Сталкер, Москва, Текст, 1993.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Хромая судьба, Москва, Текст, 1993.
- Стругацкий А., Стругацкий Б., Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Отягощенные злом, или сорок лет спустя, Москва, Текст, 1994.
- Стругацкий Б., К вопросу о материализации миров, Чертков А., Миры братьев Стругацких. Время учеников, Москва, АСТ, 1996, стр. 7–10.
- Стругацкий Б., Комментарии к пройденному, Санкт-Петербург, Амфора, 2003.
- Сувениров О., 1937, Трагедия Красной Армии. Москва, Эксмо, 2009.
- Тасалов В., Капитализм и культура. О современной буржуазной эстетике, Сборник статей, Москва, Искусство, 1963.
- Тепляков А., Процедура. Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах, Москва, Возвращение, 2007.
- Терц А., Что такое социалистический реализм, Париж, Syntaxis, 1988.
- Травин Д., СССР. От мифов к фактам, Звезда, № 1, стр. 188–201; № 2, стр. 156–172; № 3, стр. 186–201.
- Уэллс Г. Д., Россия во мгле, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1958.
- Уэллс Г. Д., Современная утопия, Санкт-Петербург, Северо-Запад, 2010.
- Уэллс Г. Д., Люди как боги, Москва, АСТ, 2011.
- Фатеев А., Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг., Москва, РАН, Институт российской истории, 1999.
- Фатеев А., Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. 1930–1950 гг., Москва, Макс-Пресс, 2007.
- Федоров Н., Сочинения, Москва, Мысль, 1982.
- Хлевнюк О., 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество, Москва, Республика, 1992.

Хрущев Н., О культе личности и его последствиях. Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года, в Сталин И., Сочинения, Москва, Писатель, 1996, т. 16, стр. 381–440.

Циолковский К., Труды по ракетной технике, Москва, Оборонгиз, 1947.

Чаянов А., Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии, New York, Серебряный век, 1981.

Кремнев И. [Чаянов А.], Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии, Москва, Государственное издательство, 1920.

Черняховская Ю., Братья Стругацкие. Письма о будущем, Москва, Книжный мир, 2016.

Чертков А., Миры братьев Стругацких. Время учеников, Москва, АСТ, 1996.

Шкловский В., Жили-были, Москва, Советский писатель, 1964.

Шкловский В., Искусство как прием, О теории прозы, Москва, Федерация, 1929, стр. 7–23.

Шпаковская Л., Советская образовательная политика. Социальная инженерия и классовая борьба, Журнал исследования социальной политики, 2009, т. 7, № 1, стр. 39–64.

Эринбург Г., Оттепель, Москва, Советский писатель, 1954.

Эткинд А., Внутренняя колонизация. Имперский опыт России, Москва, Новое литературное обозрение, 2013.

Электронные ресурсы:

Аудиозапись, Хрущев 7 марта 1963 года на встрече с творческой интеллигенцией в Кремле:

<https://www.youtube.com/watch?v=3f9izHJGIoo> (3:35 – 3:45)

Воспоминания читателя Стругацких:

<http://katherine-kinn.livejournal.com/65491.html?thread=1079251#t1079251>

Газета «Алтайская Правда», 09.05.1965, стр. 2.

<http://irbis.akunb.altlib.ru:81/pm/pm000035/1965108.pdf>

Гитлер, встреча с Гитлерюгенд. Фильм National Geographic: Гитлерюгенд, детская армия нацистов, 2017 (2 серия).

<https://www.youtube.com/watch?v=cBQF92GQrsc> (20:40 – 21:40).

Дмитрий Быков об «Улитке на склоне».

<https://www.youtube.com/watch?v=3C-yUTBuNQA> (2:53 – 3:18)

<https://www.youtube.com/watch?v=3C-yUTBuNQA> (6:25 – 6:45)

Интервью Бориса Стругацкого Самуилу Лурье:
<https://www.youtube.com/watch?v=oziST40YRbM>

Интервью Валерии Новодворской Ксении Собчак:
https://tvrain.tv/teleshov/sobchak_zhivem/valerija_novodvorskaja_o_politicheskom_performanse_ja_ne_pussy_ja_tihij_prilichnyj_chelovek-334155/

Журнал Forbes на русском языке от 20.11.2012 (<https://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/afisha/215161-15-faktov-o-zhizni-i-tvorchestve-arkadiya-i-borisa-strugatskih>)

«Литературная газета» от 20.08.1936.
<https://electro.nekrasovka.ru/books/6153903>

Zusammenfassung

Nach Stalins Tod und der Machtübernahme Chruschtschew in der UdSSR gab die allmähliche Liberalisierung der sowjetischen Gesellschaft Anlass zu der Annahme, dass der Sozialismus etabliert wurde, und es nunmehr an der Zeit war, zur nächsten Phase überzugehen – dem eigentlichen Aufbau des Kommunismus. Die relative Freiheit der Tauwetterjahre gab wichtige Impulse für die Entwicklung einer Zivilgesellschaft. Dies war besonders im Bereich der Wissenschaft und der Kultur zu spüren. Die Wissenschaft sollte das Potenzial für den Übergang zum Kommunismus auf wissenschaftlicher Ebene bereitstellen, und die Kultur dessen ideologische Komponente untermauern. Auch die Literatur sollte in diesem Prozess eine wichtige Rolle spielen.

In dieser Zeit, nach der langen Vernachlässigung des Science-Fiction Genre in den Jahren des Stalinismus, und vor dem Hintergrund der Erfolge der UdSSR in der Raumfahrt und anderen wissenschaftsintensiven Industrien sowie auch der gesellschaftlichen Idealisierung wissenschaftlicher Errungenschaften und des unbedingten Glaubens an die Macht des Fortschritts, rückte die Literatur über die Zukunft – die Science-Fiction – in den Vordergrund des öffentlichen Interesses. Die Science-Fiction beschrieb eine zukünftige Welt, in der der Kommunismus bereits aufgebaut und die Utopie schon Wirklichkeit geworden ist. Diese Zukunftsvorstellung war vor allem bei der jüngeren Generation der Sowjetbürger gefragt. Indem sie ein positives Bild der Zukunft zeichnete, trug die Science-Fiction dazu bei, das Interesse junger Menschen an wissenschaftlicher und kreativer Tätigkeit zu wecken.

Die vielleicht bekanntesten Autoren der sowjetischen Science-Fiction waren die Brüder Arkadij (1925-1991) und Boris Strugackij (1933-2012), die ihre eigene Version einer utopischen Zukunft, die „Welt des Mittags“, entwarfen. Mindestens neun Werke der Strugackijs beziehen sich in der einen oder anderen Weise auf die „Welt des Mittags“, was darauf hindeutet, dass diese Welt die Grundlage ihrer fiktionalen Welt bildete und ihnen bei der Konstruktion bestimmter künstlerischer Konflikte als Stütze diente.

Von besonderem Interesse ist jedoch der folgende Punkt: Die „Welt des Mittags“ der Gebrüder Strugackij verändert sich stets im Laufe der Zeit und mit jeder neuen Geschichte über sie. Trotz dem bleibenden äusseren Wohlstand und dem Glanz dieser kommunistischen Welt der Zukunft trägt jedes dieser Werke Spuren verborgener Mängel und spiegelt letztendlich die Enttäuschung wider, die sowohl die Strugackijs selbst als auch einen beträchtlichen Teil ihrer Generation auf dem Weg zum Aufbau einer kommunistischen Utopie begleitet hat.

Trotz des Vorhandenseins von Einzelstudien über das Schaffen der Strugackijs ist dieses nach wie vor nicht ausreichend erforscht. Mir scheint, dass eine der interessantesten Besonderheiten dieses Werks darin besteht, dass wir an seinem Beispiel den Übergang vom idealistischen zum kritischen Denken verfolgen können. Dieser durch reale historische Ereignisse ausgelöste Übergang ist meiner Meinung nach der rote Faden, der die Hauptwerke der beiden Brüder durchzieht. Berücksichtigt man das charakteristische Interesse der Strugackijs an der kritischen Untersuchung des Konzepts des Rationalismus und des dialektischen Materialismus in der Geschichte, an der moralischen und ethischen Seite des Prozesses der technischen Entwicklung und des Fortschritts, so spielt das Studium ihrer Werke eine wichtige Rolle für das Verständnis der Entwicklung der sowjetischen Literatur und Gesellschaft.

In der Tat fällt es schwer, die semantische, thematische und stilistische Distanz zwischen der frühen Prosa der Strugackijs, der sogenannten utopischen Periode, und ihrem späteren Werk nicht zu bemerken. Es stellt sich jedoch die Frage, warum dieser Unterschied so gross ist. Die besondere Rolle der Strugackijs liegt darin, dass sie zum Spiegel der Epoche wurden, zu Reflektoren und Transformatoren, indem sie vor allem jener vagen Unruhe Ausdruck gaben, die die Gemüter der gesellschaftlich interessierten Menschen jener Zeit beherrschte.

Nach den Veränderungen in der sowjetischen Gesellschaft endet die utopische Periode des Werks der Strugackijs, die ihnen eine beispiellose Popularität unter den sowjetischen Science-Fiction-Autoren bescherte, und machte einer Periode der düsteren Dystopien Platz. Ideologisch werden die Texte nun unzuverlässiger, die Botschaften ambivalenter.

Die von den Strugackijs erfundene kommunistische Utopie, die oben schon erwähnte „Welt des Mittags“ – eine inspirierende Version der Zukunft für die Köpfe und Herzen des sowjetischen Volkes, zerfällt und verblasst mit der Zeit. Nachdem die Strugackijs die „Welt des Mittags“ erschaffen haben, die sich zunächst als ein so klares wie wünschenswertes Bild der kommunistischen Zukunft erwiesen hat, dekonstruieren sie sie allmählich, indem sie sie mit der Realität konfrontieren.

Dieser Übergang von der Utopie zur Dystopie wird von den meisten Forschern festgestellt. Aber keine der bisher vorliegenden Studien befasst sich mit den Einzelheiten dieses Übergangs. Aus welchen Elementen besteht er? Gibt es eine Abfolge, einen inneren Zusammenhang und eine Motivation in diesem Prozess? Wie genau dekonstruieren die Strugackijs ihr Modell der utopischen Welt und was bedeutet diese Dekonstruktion? Um das

Werk der Strugackijs besser verstehen zu können, erscheint es mir äußerst wichtig, diese Fragen zu beantworten.

Die Zielsetzung dieser Studie besteht darin, bestimmte Elemente der schöpferischen Transformation der Prosa der Strugackijs im Zusammenhang mit den historischen und ideengeschichtlichen Kontexten der Epoche, in der die Autoren lebten, zu deuten. Es soll versucht werden, ihren Wandel von ausdrücklichen Befürwortern und Propagandisten der Idee des Kommunismus zu Kritikern der praktischen Umsetzung dieses Programms zu analysieren.

Die Arbeit besteht aus drei thematischen Kapiteln. Im ersten Kapitel untersuche ich die Anfangsphase des Werks der Strugackijs. Ich liefere Argumente und Belege dafür, dass die Strugackijs in ihrer Jugend, bevor der Prozess der Entstalinisierung begann, überzeugte Stalinisten waren. Im Folgenden gehe ich auf die Ereignisse in der Zeit des XX. (1956) und des XXII. (1961) Parteitages der KPdSU ein und auf die Tendenzen, die sich in dieser Zeit in der sowjetischen Gesellschaft und Literatur abzeichneten. Mir scheint, dass die Entstalinisierung und Liberalisierung der Gesellschaft und des kulturellen Umfelds, das Auftauchen des Bildes des wissenschaftlichen Arbeiters und ganz allgemein des Vertreters der schöpferischen Arbeit im Vordergrund des Aufbaus des Sozialismus wichtigen Impuls zur Schaffung ihrer kommunistischen Utopie für die Strugackijs gaben. Darüber hinaus zeige ich in diesem Kapitel, dass die Strugackijs in dieser Phase ihres Schaffens überzeugte Anhänger der kommunistischen Idee blieben und in ihrem Werk einen erzieherischen Auftrag des sowjetischen Schriftstellers vertraten.

Im zweiten Kapitel untersuche ich am Beispiel von Werken wie *Fluchtversuch*, *Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein*, *Die gierigen Dinge des Jahrhunderts* und *Die Schnecke am Hang*, wie sich die Andersartigkeit der Herangehensweise an die Themen und die Stilistik der Werke der sowjetischen Science-Fiction in den Werken der Strugackijs manifestiert. Ich zeige, wie und aus welchem Grund die ersten Anzeichen einer Dystopie in der „Welt des Mittags“ auftauchen, und lege ihre Wechselbeziehung mit dem Versuch der Strugackijs offen, über die laufenden sozialen, politischen und kulturellen Prozesse in der UdSSR zu reflektieren.

Im dritten Kapitel gehe ich auf diejenigen Werke der Strugackijs ein, in denen das kommunistische Projekt einer utopischen Zukunft neu überdacht wird. Ich identifiziere die wichtigsten Aspekte dieses Umdenkens. In diesem Kapitel zeige ich, dass die Desillusionierung der Strugackijs mit einem Überdenken der Rolle der Macht und ihrer Praktiken in Bezug auf den „Massenmensch“ einherging. Dies zeigt sich insbesondere in der

Kritik der Strugackijs an Aspekten der totalitären Macht wie Militanz und Propaganda. Außerdem weise ich auf die Dekonstruktion der Idee des „Progressorstvo“ (eine Art Entwicklungshilfe für fremde Zivilisationen) und des „vertikalen Fortschritts“ durch die Strugackijs hin.

Anhand der Ergebnisse meiner Forschung konnte ich feststellen, wie genau der ideologische Wandel in den Werken der Strugackijs stattfindet und aus welchen Elementen er sich zusammensetzt. Folgende Etappen lassen sich ausmachen:

1. *Atomvulkan Golkonda* (1958): Eine Art „industrielle Science-Fiction“ Roman geschrieben im Geiste des sozialistischen Realismus und der „near-future Science-Fiction“; der Roman konzentriert sich auf die Heldentaten sowjetischer Kosmonauten, deren Ziel es ist, auf der Venus nach Bodenschätzen zu suchen. Wenn man das Fantasy-Element entfernt, bleibt ein gewöhnlicher Produktionsroman des sozialistischen Realismus übrig.

2. Die utopische Periode (*Der Weg nach Amalthea* (1959), *Mittag: 22. Jahrhundert* (1960), *Praktikanten* (1960), *Der ferne Regenbogen* (1961)): Die Geburt der kommunistischen „Welt des Mittags“; die Strugackijs zeichnen ein positives Bild der Zukunft – „eine Welt, in der man leben und arbeiten will“; sie beschreiben die Erziehung des Neuen Menschen – „Erziehung des Menschen im Menschen“; sie stehen vor einer schöpferischen Krise der Absenz des Konflikts in der utopischen Welt.

3. *Fluchtversuch* (1962): Die schöpferische Krise wurde durch die Überschreitung der Genre Grenzen der sowjetischen Science-Fiction überwunden; die Strugackijs führen für die sowjetische Science-Fiction neue Ausgangspositionen ein, nämlich die Unwahrscheinlichkeit der Handlung, ohne zu versuchen, sie rational zu erklären; sie thematisieren den Holocaust und die Konzentrationslager; sie erklären den „Zweifel“ zum wichtigsten Imperativ; der Fortschritt ist für die Strugackijs ein Prozess mit aussermoralischem Charakter.

4. *Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein* (1963): Die Strugackijs verteidigen die Intelligenzija als integrales und wesentliches Element in der Bewegung der Geschichte und des Fortschritts; der Kommunarde aus der „Welt des Mittags“ ist nicht in der Lage, seiner eigenen Entmenschlichung zu widerstehen, wenn er in die Bedingungen des ihn ständig umgebenden Bösen ausgesetzt wird; die Geschichte bewegt sich immer in eine Richtung.

5. *Die gierigen Dinge des Jahrhunderts* (1964): Die Strugackijs versuchen, die Bourgeoise und die Armut der Innenwelt der Konsumgesellschaft zu kritisieren, kommen aber zum gegenteiligen Ergebnis – die Möglichkeiten des Konsums sind irgendwie mit der

Wahlfreiheit und der Freiheit im Allgemeinen verbunden; die Konsumgesellschaft hat das Potenzial zur Entwicklung.

6. *Die Schnecke am Hang* (1965): Beeinflusst von der Philosophie des Existenzialismus stellen die Strugackijs die Absurdität der menschlichen Existenz angesichts der Zukunft in Frage; sie kritisieren das gesichtslose Verwaltungssystem, dessen Zweck sie als ununterbrochene Selbstreproduktion bezeichnen; sie betonen die Antihumanität des Fortschritts und der Zukunft im Verhältnis zur Gegenwart und zeigen die Tragödie derjenigen, die hinter der Bewegung der Geschichte zurückbleiben; sie thematisieren die Frage der Wahlmöglichkeiten des Intellektuellen und seinen Verantwortung gegenüber der Gesellschaft und der Macht.

7. *Die hässlichen Schwäne* (1967): Die Strugackijs untersuchen die Beziehung zwischen der Gegenwart und der Zukunft durch das Prisma des sowjetischen Projekts und kommen zu dem Schluss, dass der Neue Mensch der kommunistischen Zukunft kein Mensch mehr sein kann, wie wir ihn kennen, und dass eine solche Zukunft selbst unendlich fremd sein wird. Sie zeigen die Lage des Intellektuellen und des schöpferischen Menschen, der die utilitaristische Haltung der Behörden ihm gegenüber spürt, der die Unvollkommenheit und den Untergang seiner Welt versteht, der aber nicht in der Lage ist, sich sowohl mit der beklemmenden Gegenwart zu versöhnen als auch die kalte und gefühllose Zukunft als richtig und als seine eigene zu akzeptieren.

8. *Das Märchen von der Troika* (1968): Die Strugackijs unterziehen die Macht des Parteiapparats, den „Voždismus“ (Führerkult), die kriminelle und gleichgültige Haltung gegenüber dem Volk, die sich unter den Parolen der Fürsorge für das Volk verbirgt, einer scharfen Kritik; satirisch vergleichen sie den internen Kampf der sowjetischen Nomenklatura mit dem Kampf ums Überleben in der Wildnis.

9. *Die bewohnte Insel* (1969): Ausgehend von den Praktiken der militärisch-politischen Propaganda stellen die Strugackijs das Problem der Manipulation des menschlichen Bewusstseins in totalitären Gesellschaften dar und werfen die Frage nach den Ursachen und Ergebnissen einer solchen Manipulation auf; der Zusammenbruch der totalitären Macht bringt jedoch keinen Frieden, kein Glück und keine Ruhe, und das System der Propaganda und der Manipulation des Bewusstseins geht in neue Hände über; die Kommunarden der Welt des Mittags werden zu einer aktiven kolonialen Kraft in anderen Welten.

10. *Der Junge aus der Hölle* (1974): Die Strugackijs zeigen die verzerrte Wahrnehmung der Welt durch das unter der Militärdiktatur aufgekommene Bewusstsein; sie

sprechen über die Praktiken der Sakralisierung der diktatorischen Macht mittels ihrer Attribute und Rituale; die Kommunarden der Welt des Mittags sind direkt in die militärisch-politischen Prozesse in anderen Welten verwickelt.

11. *Ein Käfer im Ameisenhaufen* (1979): Ein dehumanisierter „Progressor“ – ein Bewohner der „Welt des Mittags“ und Entwicklungshelfer für fremde Zivilisationen – bringt die kolonialen Praktiken der kolonisierenden Welten in die kommunistische Utopie der „Welt des Mittags“ ein und zerstört sie ideologisch von innen heraus; die Kommunarden der „Welt des Mittags“ fürchten sich am meisten davor, denselben äusseren Einflüssen ausgesetzt zu sein, die sie selbst auf den fremden kolonisierten Welten anwenden.

12. *Die Wellen ersticken den Wind* (1984): Die Erde der Utopie der „Welt des Mittags“ ist überwältigenden äusseren Einflüssen ausgesetzt und wird selbst zu einer Kolonie.

Wie ich in den Analysen der einzelnen Werke gezeigt habe, müssen alle von den Strugackijs in den oben genannten Romanen beschriebenen Kollisionen vor allem durch das Prisma der Geschichte des sowjetischen Staates und seiner Gesellschaft gesehen werden.

Durch die Diskreditierung der Idee des Fortschrittsoptimismus als kolonialer Kraft und die Entstehung von Situationen kultureller Distanz wird die kommunistische Utopie der Strugackijs, die „Welt des Mittags“, von den Autoren dekonstruiert und tendiert dazu, eine Dystopie zu werden. In dieser Hinsicht ist die Idee des Romans, den die Strugackijs konzipiert, aber nicht geschrieben haben, bezeichnend. Die Idee besteht darin, dass die Utopie des „Mittags“ als konzeptionelles Phänomen in sich selbst zusammenbricht, sich in die imperiale Metropole verwandelt und auf der Grundlage der kulturellen Distanz zwischen dem utopischen Zentrum und seinen Kolonien ein zentrales Instrument der Segregation der Gesellschaft darstellt. Für die Strugackijs wird selbst die Existenz der Utopie unmöglich, wenn sie keine Kolonialmacht ist, wenn sie nicht von der gewöhnlichen Welt der menschlichen Laster, Ängste und Leiden umgeben, geschützt und unterstützt wird. Mit anderen Worten: Wenn eine Utopie existieren kann, dann nur zu Lasten anderer.

Gegen Ende ihrer Arbeit, vor dem Hintergrund der ideologischen Niederlage des sowjetischen Projekts, definieren die Strugackijs die Idee der kommunistischen Utopie als unerfüllbar, da der „Massenmensch“ für diese Form der Gesellschaftsordnung nicht bereit ist. Sie sehen das Haupthindernis für die Umsetzung des kommunistischen Projekts in der Diskrepanz zwischen dem wissenschaftlich-technischen Niveau, das die Menschheit erreicht hat, und ihrem moralischen und ideologischen Niveau.